

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, Заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

профессор, Школа права и политики, Университет Тафтса (Медфорд, США)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Виталий Семенович ИВАНЕНКО

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, полковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных Сил» (Москва, Российская Федерация)

Вячеслав Николаевич КУЛЕБЯКИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

Заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Иван Иванович КОТЛЯРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (Москва, Российская Федерация)

Александр Борисович МЕЗЯЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Университет управления "ТИСБИ" (Казань, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Лаури МЯЛКСОО

профессор международного права, Университет г. Тарту (Таллин, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЬЕ

доктор права, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, заведующий отделом административного и военного законодательства, Аппарат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**Анна Ивановна ЕФИМОВА**

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Олег Николаевич ХЛЕСТОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 26.03.2021 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 283

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – А.Н. Вылегжанин

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2021

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Professor, School of Law and Politics, Tufts University (*Medford, USA*)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey A. Kostin

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vitaly S. Ivanenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Vyacheslav N. Kulebyakin

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Ivan I. Kotlyarov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexander B. Mezyaev

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of International Law, University of Management TISBI (Kazan, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association (Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Lauri Mälksoo

Professor of International Law, University of Tartu (Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Administrative and Military Law Department, National Assembly of the Republic of Azerbaijan
(Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia (Moscow, Russian Federation)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Ustinov

Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Oleg N. Khlestov

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Alexander N. Vylegzhanin

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА		ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW
<i>Ануфриева Л. П.</i> Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания)	6	<i>Ludmila P. Anufrieva</i> Principles in Modern International Law (Certain Issues of Concept, Nature, Genesis, Substance and Scope)
ПРАВО И ПОЛИТИКА		LAW AND POLITICS
<i>Скуратов Ю.И.</i> Евразийские основы международно-правовой политики Российской Федерации.	28	<i>Yuri I. Skuratov</i> Eurasian Basis of the International Legal Policy of the Russian Federation
<i>Новосельцев А.Ю., Степанюгин К.В.</i> Участие России в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод	46	<i>Aleksey Yu. Novoseltsev, Konstantin V. Stepanyugin</i> Russia's Participation in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms
<i>Орахелашвили А.</i> Рассмотрение исков о расовой дискриминации: вопросы юрисдикции и приемлемости в деле «Украина против России»	57	<i>Alexander Orakhelashvili</i> Adjudicating Racial Discrimination Claims: Issues of Jurisdiction and Admissibility in <i>Ukraine v. Russia</i>
МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО		INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW
<i>Гаркуша-Божко С.Ю.</i> Проблема кибершпионажа в международном гуманитарном праве	70	<i>Sergei Yu. Garkusha-Bozhko</i> The Problem of Cyber Espionage in the International Humanitarian Law
МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО		LAW OF THE SEA
<i>Васильев С.А.</i> Международно-правовые меры обеспечения безопасности судоходства	81	<i>Sergei A. Vasiliev</i> International Legal Measures to Ensure the Safety of Navigation
МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО		INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW
<i>Долгошеин П. С.</i> Совершенствование нормативно-правового регулирующего противодействия экстремизму в Европейском союзе (на примере Финляндии)	89	<i>Petr S. Dolgoshein</i> Improving the Regulatory Framework for Countering Extremism in the European Union (Case Study of Finland)

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 20.12.2020
Принята к публикации: 04.03.2021**Людмила Петровна АНУФРИЕВА**

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Российская Федерация

lpanufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

ПРИНЦИПЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ, ПРИРОДЫ, ГЕНЕЗИСА, СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ)

ВВЕДЕНИЕ. Настоящая публикация продолжает обсуждение, прицельно начатое журналом в 2017 – 2019 гг. [Абашидзе, 2017; Нефедов, 2019] и в известной степени продолженное в 2020 г. [Вылегжанин, Потье, Торкунова, 2020], одной из «столбовых» для правовой теории проблем, ассоциируемых с международным правом, которая касается принципов. Предмет рассмотрения обусловлен рядом нетипичных для любой области науки обстоятельств, когда в ней имеется весьма значительное количество расходящихся не только по наименованию, но и по содержанию терминов, относящихся к краеугольным понятиям соответствующей сферы или раздела конкретной отрасли знаний.

Для науки международного права подобная ситуация сложилась в связи с существованием довольно широкого спектра различных обозначений, касающихся его принципов, и вытекающей отсюда необходимостью доктринальной их разработки. В свете этого в круге внимания закономерно должны были оказаться генезис, историческое развитие, природа, функциональное назначение и роль принципов в теории и практике международного права, в том числе основных принципов как основополагающих его нормы, являющихся принадлежностью всей системы международного права. Они, как представляется, составляют самое уязвимое ме-

сто в современной теории международного права ввиду очевидного разноцветья понятийно-терминологической палитры. Немаловажно, что список выдвигаемых предложений по наименованиям в связи с принципами растет день ото дня и к «устоявшимся» обозначениям прибавляются новые. Так, перечень «основных принципов» и «общеизвестных принципов и норм международного права», «принципов общего международного права», «общих принципов сотрудничества» (п. 1 ст. 11 Устава ООН) в той или иной области, а также «общих принципов права», «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями» и т. д. в последнее время пополнился «общими правовыми принципами», «базовыми принципами» и «общими принципами международного права».

Умножение встречающихся ныне уже не только в литературе негативных оценок современного правового регулирования международных межгосударственных отношений, диапазон которых довольно масштабен, свидетельствует о том, что тематика, относящаяся к принципам международного права, является, во-первых, фундаментальной для квалификации содержательной составляющей теории международного права, ибо непосредственно связана с краеугольными вопросами науки, изучающей рассматриваемую систе-

му права, а во-вторых, чрезвычайно актуальной ввиду не прекращающихся атак на действенность международного права как такового (иногда вплоть до полного отрицания последнего даже в выступлениях официальных представителей государств). В итоге растущий скепсис по поводу эффективности его принципов переходит в недоверие ко всему международному праву. Следовательно, необходимыми шагами на пути достижения важнейшей цели повышения авторитета МП представляются: уяснение существа понятия «принцип», идентификация и дифференциация явлений, соответствующих отдельным позициям в вышеприведенном перечне, выстраивание их типологии, а также установление соотношений между некоторыми из них. Ряд перечисленных аспектов составляет предмет в настоящем, другой их части должно быть отведено место в содержании самостоятельной публикации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Анализ, проводимый в статье, базируется на нормативном и доктринальном материалах, отражающих позитивное («положительное») международное право и акты правоприменения, иные документы, в том числе доклады и разработки Комиссии международного права ООН, решения Международного суда [ООН] и других международных судебных учреждений, органов международных организаций, а также взгляды наиболее известных ученых и практиков в сфере международного права и истории его науки, которые относятся к теме данной публикации. Исследование оперирует методами диалектического материализма, структурного и системного анализа, формальной логики, дедукции и индукции, сравнительного правоведения, формально-юридического анализа, использует историко-ретроспективный подход. Последний особенно значим для осvětления генезиса, эволюции и существа понятия «принцип права», юридической природы принципов в международном праве.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. «Принципы международного права», в том числе и отправное понятие «основные принципы», а также связанный с ними ряд иных конструкций исследуются в статье и как явление позитивного международного права, и как категория науки международного права. Для отечественной международно-правовой науки понятие «принципы» / «основные принципы международного права», обеспечивая целостность и единство системы МП, играет роль одной из ведущих ее категорий. Различия между «понятием» и «категорией» в инструментарии теории международного права определяются по-

стулатами, выработанными философской наукой. Вместе с тем в понятийно-терминологическом плане международно-правовая теория характеризуется определенным разрывом в позициях, предлагаемых отечественной и западной юриспруденцией. Концептуальные подходы последней к понятию «принципы» («основные принципы») и обусловленные ими решения радикально отличаются, поскольку термину «принципы» нередко придается в большей степени ненормативный, идейный либо телеологический смысл, а функции руководящих норм в рамках международного права отводятся категории «императивных норм общего международного права» (*jus cogens*).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Тема статьи ставит цель раскрыть сущность разнообразных конструкций, оперирующих элементом «принципы», или сходных с ними явлений в аспекте международного права. В ходе исследования системообразующей роли основных принципов МП и компаративного сопоставления их с *jus cogens* («императивными нормами общего международного права») установлено, что в широкой международной практике нет причин игнорировать в подлежащих случаях термин и понятие «основные принципы» при подходе к «императивным нормам общего международного права» (*jus cogens*), поскольку по ряду параметров они фактически не отличаются. В обеих категориях иногда присутствует внешнее несоответствие (неполное соответствие) критериям «императивных норм общего международного права» (частичная, или неполная, «когнитивность» / «недопустимость отступления»), особенно если подходить к этому формально-догматически, без всестороннего учета полноты юридического содержания нормы. Совокупность тезисов, выдвигаемых для решения перечисленных и сопутствующих задач, на основе избранного в исследовании теоретического подхода образует в целом, как представляется, новое направление в правоведении, причем не только отечественном, но и зарубежном, ввиду отсутствия в мировом масштабе полновесных, развернутых исследований по предмету с подобным дискурсом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: генезис, природа, понятия и категории международно-правовой науки, система принципов международного права, основные принципы, базовые принципы, общепризнанные принципы международного права, императивные нормы общего международного права, *jus cogens*, общие принципы права, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ануфриева Л.П. 2021. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). – *Московский журнал международного права*. №1. С. 6–27. DOI: [https://](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27)

doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>

Research article
Received 20 December 2020
Approved 4 March 2021

Ludmila P. ANUFRIEVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lp-anufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

PRINCIPLES IN MODERN INTERNATIONAL LAW (CERTAIN ISSUES OF CONCEPT, NATURE, GENESIS, SUBSTANCE AND SCOPE)

INTRODUCTION. *This publication follows up the well-aimed discussion recently initiated by the journal in 2017-2019 [Abashidze, 2017; Nefedov, 2019] and to a certain extent continued in 2020 [Vylegzhanin, Potier, Torkunova, 2020], regarding one of the "pillar problems" for the legal theory pertaining to international law, which concerns its 'principles'.*

The subject-matter of the study is determined by a number of circumstances that are atypical for any field of any science, when there is a variety of terms differed not only in name, but also in content, which relate to the cornerstones of relevant field or section of a particular branch of knowledge. As far as the international law science, this situation has been due to the availability of a wide range of different designations concerning its principles, and resulting the need to thoroughly peruse the same. Due to the above, genesis, historical evolution, nature, functional destination and role of the principles in the theory and practice of international law, including its basic principles as its normative grounds, which belong to the entire system of international law, should naturally be under thorough consideration. They seem

to constitute the most sensibly weak point in the modern theory of international law due to obviously "multicolored" conceptual and terminological spectrum. It is important that the list of terms forwarded in relation to the principles is growing from day by day, and new ones are being added to the designations as "set-forth" to date. Thus, the afore-referred list encompassing "basic principles" and "generally recognized principles and norms of international law", "principles of general international law", "general principles of co-operation" (Article 11, para 1, of the UN Charter) in a particular field, as well as "general principles of law", "general principles of law recognized by civilized nations", etc., has recently been supplemented with "general legal principles", "basis principles" and "general principles of international law".

The impressive range of the above concepts that are somehow found in the scholars' writings and practice of international law frequently implicates the contradictory interpretations and unavoidable collisions in the course of conceiving the sense of and applying the norms, which accordingly require reducing ambiguities

and therefore ensuring better regulation. To achieve the same, the only one thing may be effective – that is by way of revealing the fundamental properties of respective phenomena.

Increase of negative assessment of current legal regulation of international relationships happening not only in literature, which the occurrences are quite frequent, evidences that the topics related to the principles of international law, are, firstly, not only fundamental issues to qualify the substantive component of the theory of international law, since it is directly in with the core matters of legal science that studies the captured system of law, but also stand as extremely acute point because of the continuous attacks on the effectiveness of international law as such (to the extent of complete denial of the same even in public statements made by official spokesmen of States), – secondly. Resultant from this, the growing skepticism about the effectiveness of principles gives raise mistrust in international law in whole. Therefore, the major steps required towards achieving the most important goal in the matter of raising high the credibility of the international law shall be deemed as follow: to conceive the essence of the concept of "principle"; identify and differentiate the phenomena corresponding to individual positions in the afore-referred list; construe the typology thereof, as well as reveal the relationship between some of them. A number of the said aspects are subject to be examined herein, while the rest of them should be given specifically a place within the scope of another publication.

MATERIALS AND METHODS. The analysis undertaken in the article is based on normative and doctrinal materials that reflect the positive international law and law enforcement acts, other documents, including reports and research presentations of the UN International Law Commission, judicial decisions or advisory opinions of the International Court of Justice and other international judicial institutions, acts of international organizations, as well as the teachings of the most highly qualified publicists and practitioners in the field of international law and its history, which relate to the topic of this publication. The research enjoys both general and specific principles and methods of analysis: dialectical materialism, structural and system approaches, formal logics, deduction and induction, comparative law, historical and retrospective approach. The latter one is particularly fruitful for study of genesis and essence of the concept "principle of law", legal nature of principles in international law.

RESEARCH RESULTS. The essay purports to reveal the essence of various designations construed on the basis of the element "principles", or similar phenomena in the aspect of international law. In the course of research

aiming the system-forming role of the basic principles of the IL and the comparative analysis thereof with *jus cogens* ("peremptory norms of general international law»), the findings are that there is no reason for wide international practice to ignore the term and the concept of "basic principles" in cases when approaching to the concept of "peremptory norms of general international law" (*jus cogens*), since they do not substantially differ in a number of parameters. In both categories, sometimes it seems to appear a discrepancy or incomplete compliance with the criterion of "peremptory norms of general international law" (e.g. partial "*opinio juris cogentis*" / "non-derogability"), especially from formal-dogmatic stand, viz. with no comprehensive view on full legal scope of a rule of law. The totality of the theses put forward to solve the listed and other related problems on the basis of the approach laid down in the study from a theoretical point of view, as a whole, seems to form a new vector in legal theory, not only domestic, but also international, due to the lack of full-fledged, detailed research on the subject with such a discourse on a global scale.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. "Principles of international law", including the initial point, i.e. the concept of "basic principles", as well as a number of other notions connected with them, are subject to examination in the article, both as a phenomenon of positive international law and as a category of legal science (that one of international law). For Russian science of international law, the concept of "principles" / "basic principles of international law", securing the integrity and entirety of the IL system, performs the role of one of its major categories. The differences between "concept" and "category" in the tools of the theory of international law are determined by the postulates substantiated by philosophy. At the same time, in part of concepts and terminology, the international legal theory is characterized by a certain gap in the positions forwarded by domestic and Western jurisprudence. Conceptual approaches to the "principles" ("basic principles") and the resulting discrepancies in opinion quite radically differ, whereas to the term "principles" it is often attributed rather non-normative, ideological or teleological significance, while the functions of the norms having hierarchically superiority over other rules in international law, are allocated to the category of "peremptory norms of general international law (*jus cogens*)".

KEYWORDS: genesis, nature, concepts and categories of international law science, principles in international law, basic principles of international law, generally recognized principles of international law, peremptory

norms of general international law, jus cogens, general principles of law, general principles of law recognized by civilized nations

FOR CITATION: Anufrieva L.P. Principles in Modern International Law (Certain Issues of Concept,

Nature, Genesis, Substance and Scope). – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 1. P. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Генезис понятия «принцип» в международном праве

Научная разработка категории «принцип международного права» не может похвастаться многочисленностью фактов обращения к этому предмету со стороны мировой доктрины, в немалой, очевидно, степени потому, что термин «принципы» в его современном звучании – явление относительно недавнее в объективном праве и международно-правовой науке. Во всяком случае в юридической литературе царской России конца XIX – начала XX в. бытовало обозначение «начало»¹. Об отсутствии терминологии, оперирующей понятием «принцип международного права», свидетельствуют сочинения дореволюционных российских авторов указанного периода (А.М. Горовцева, И.А. Ивановского, Л.А. Камаровского, П.Е. Казанского, М.Н. Капустина, Н.М. Коркунова, Д.П. Никольского, Ф.Ф. Мартенса и др.)².

Иностранная же доктрина, хотя и пользовалась термином «принцип / принципы», воспринимала словосочетание «принципы международного права» (англ. – principles of international law) гораздо чаще совсем иначе – в отрыве не только от буквальной его трактовки, но даже отступая от понятия «начала» и склоняясь больше к значению «общие положения», «исходные тезисы» или «суждения и представления», что следует из юридической литературы, относящейся уже к XX в. Подтверждение этому можно найти в некоторых из хрестоматийных тру-

дов по международному праву 1950 – 1960-х гг. Так, в известной работе Й. Броунли «Принципы международного публичного права», выдержавшей множество переизданий (последнее вышло в свет под редакцией Дж. Кроуфорда), современный подход к интерпретации термина «принцип» (тем более «основные принципы») практически не продемонстрирован и понятие «принципы международного права» не раскрыто [Crawford 2019]. Лишь «эпизодами» в этом плане можно счесть два раздела в указанном труде, озаглавленные «Общие принципы права» и «Общие принципы международного права» [Crawford 2019:15–19]. При этом последняя, как отмечает сам автор, «может относиться к нормам обычного права, общим принципам права в контексте ст. 38 (1) (с) Статута (Международного суда [ООН]. – Л.А.) или к логическим утверждениям, вытекающим из аргументации суда, основанной на существующем международном праве либо аналогиях из внутригосударственного права» [Crawford 2019:18]. Примечательно, что оба раздела помещены в главу «Источники международного права», входящую в содержание отдельной части работы «Вводные положения». Правда, надо признать, что в отдельных главах присутствуют соответствующие «общие принципы», выражающие, как представляется, сущность рассматриваемого блока международного права и регулируемых его нормами международных отношений (в том числе гл. 25 «Защита индивидуумов и коллективные права»: права человека и право на самоопределение», которая оперирует

¹ Отталкиваясь от значения, придаваемого «началам», скажем, в древнегреческой литературе (см. «Начала (Элементы)» Евклида о систематическом построении геометрии и теории чисел), под «началами» понимаются отдельные базовые элементы, из которых состоит наука (у Евклида применительно к математике – определения, аксиомы, постулаты, предложения и теоремы). Схожее понимание наблюдается и в римском праве: так, первая часть в «Дигестах Юстиниана» называется Prota (древнегр. – начала), куда входят наиболее общие положения права и судопроизводства (см.: *Дигесты Юстиниана*. Т. 1. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут. 2002. С. 14).

² Любопытно, что и сегодня в российской правовой действительности можно заметить предпочтение обращения к терминам «начало / начала», а не к понятиям «принцип / принципы»: к примеру, ст. 1 Гражданского кодекса РФ озаглавлена именно таким образом: «Основные начала гражданского законодательства».

термином «общие принципы международного гуманитарного права» [Crawford 2019:538]; вопросы «дипломатической защиты физических лиц и обществ» [Crawford 2019:500], правового положения иностранных граждан [Crawford 2019:512], некоторые аспекты права международной ответственности). Нетипичной в свете этого для работы Й. Броунли в целом выглядит гл. 13, посвященная охране окружающей среды, в рамках чего рассматриваются «принципы права охраны окружающей среды» [Crawford 2019:273–282]. Однако опять-таки нельзя не подчеркнуть: квалификация отдельных положений международного права как его *принципов* (тем более основных принципов) отсутствует. Приблизительно то же можно сказать и в отношении легендарного произведения крупнейшего ученого-юриста XX столетия Г. Кельзена «Принципы международного права» [Kelsen 1952], поскольку собственно принципы в нем так и не стали предметом анализа, зато обстоятельно и самобытно, с воплощением авторских концепций, получивших мировую известность, изложен основной курс международного права. Правда, данного автора следовало бы счесть больше других приблизившимся к проблематике принципов в собственном смысле слова хотя бы потому, что кельзеновская категория «базовой нормы» вплотную примыкает к международно-правовому понятию «принцип». В целом же в западной литературе практически не встречаются курсы международного публичного права, тексты которых оперировали бы внушительными разделами или развернутыми научно-теоретическими положениями, посвященными строго формулируемой категории принципов. Не являются исключениями в данном случае ни солидные издания, ставшие классикой современной теории международного права [Shaw 2017; International Law...2006], ни менее крупные публикации³. Сказанное не означает, что мировой и конкретно зарубежной литературе вовсе не свойственны работы, касающиеся существа проблемы принципов междуна-

родного права⁴. Предположение подобного рода легко опровергается внушительным списком публикаций по данной тематике, приведенным в отечественном «Курсе международного права» [Курс международного права...1989:5-6].

Исходная линия в трактовке вопроса о возникновении и последовательном формировании принципов МП не может не проходить через рассмотрение их генезиса и эволюции в ходе и под влиянием соответствующих исторических процессов, которое, помимо прочего, вмещает в себя, разумеется, и анализ восприятия указанного зарубежной доктриной в части понимания, определения существа, развития и обновления, современного юридического содержания, равно как и палитры терминологических подходов и предпочтений. Такая *гамма* разнообразных аспектов, составляющих *фундамент* крупнейшей части международно-правовой науки, явно не может быть освещена в одной публикации. В связи с этим остановимся лишь на некоторых моментах, образующих «несущие» конструкции в позитивном международном праве и современном правоведении.

За отправную точку в этом плане следует принять исследование понятия «принцип права» как общеправовой категории. Ввиду подобной заданности, обращаясь к различным интерпретациям понятия «принцип права», нелишне подчеркнуть, что западная система представлений о праве, его происхождении и функционировании традиционно связывается с естественным правом в опоре на идеи и труды многих поколений мыслителей прошлого (греческих и римских юристов и философов: идеалистов, утопистов, позитивистов и т.п.). Так, дихотомия «град Божий – град земной» из учения Аврелия Августина⁵ переросла в триаду Грациана, обозначающую иерархическую последовательность: «божественное право – естественное право – положительное право людей», которая образует центральный подход к базовым представлениям о западной правовой системе [Берман 1998:147].

³ В связи с упоминанием о менее известных изданиях стоит указать, что даже в публикациях, посвященных специально «российским подходам» к международному праву, которые, как замечено ранее, тем и отличаются, что на первый план ставят как раз принципы (основные принципы), вопрос о них в названном аспекте не отражен (см. произведение эстонского автора: [Mäliksoo 2015]. Для французской литературы также не характерно внимание к принципам международного права. Так, есть, к примеру, учебные курсы международного права, в содержании которых фигурируют только «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». См.: [Alland 2019:178–81].

⁴ Одной из редких работ, посвященных специально основным принципам международного права, является публикация, вышедшая в свет по следам Декларации ГА ООН о принципах международного права 1970 г. См.: [Dohna 1973].

⁵ Произведение Аврелия Августина «О граде Божьем» (*De Civitate Dei*) создано в 413–427 гг. н.э.

В существе же данных концепций лежит учение Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), полагавшего, что «утвердительное», «действующее» (или, говоря современным языком, «положительное», т. е. «позитивное») право воспринимается людьми в качестве *составного феномена естественного права* (курсив мой. – Л.А.), с одной стороны, и права, устанавливаемого человеком, – с другой [Аннерс 1994:36-37].

В дальнейшем основами правового развития послужили «всеобщие справедливые правила поведения», впервые сформулированные Г. Гроцием в первой половине XVII в. Хотя они также выводились из естественного права, это не мешало выстраиванию их в *рациональную* систему, пригодную и для международных отношений [Фогельсон 2013:41], базирующуюся на небольшом числе принципов, которые заключались в утверждении справедливости, равенства (особенно равенства в правах), неприемлемости неравенства, в том числе, к примеру, постулатов о «правлении с помощью права», о том, что «право выше власти», выше воли властителя и стоит над любыми сословными различиями [Аннерс 1994:216]. А это означало не что иное, как то самое «положительное право» людей.

Отечественная (советская и российская) правовая доктрина, нередко с негативным оттенком квалифицируемая как «нормативистская», сформировала устоявшуюся часть своих представлений в отношении такого явления, как принципы, и прежде всего, основные принципы, международного права. Сформулированное в «Курсе международного права» определение выделяет в них ряд отличительных черт: прежде всего их особый характер как юридических норм, историческую обусловленность, общепризнанность, наиболее высокое положение в иерархии *норм* и высшую юридическую силу [Курс международного права...1989:5].

Напомним, что Г.И. Тункин под принципами международного права понимал «наиболее широкие и важные его нормы». Основными принципами, согласно его точке зрения, являются «общепризнанные принципы международного права, имеющие наибольшее значение для решения основных проблем современных международных отношений» [Тункин 1983:33]. В то

же время здесь наблюдается соединение двух понятий: «основные принципы» плюс «общепризнанные принципы», и тогда это называется *idem per idem*. Э.А. Пушмин подходит к этому (судя по отсутствию специальных указаний об ином) как к общетеоретическому определению основных принципов, развернув его и сделав более пространным: «Это прежде всего исходные, основополагающие начала системы права, синтезировано отражающие ее сущностные свойства как определенного социального феномена. В то же время, будучи закрепленными в определенной совокупности юридических норм как общезначимых, общепризнанных и общеобязательных требований и поведения, они отражают конкретное нормативное содержание данной системы права» [Пушмин 1980:76]. Думается, нельзя не заметить в построениях крупных теоретиков вуалирования сущности выражений за схожими внешними формами, присутствующего в их высказываниях: основные принципы международного права имеют «наибольшее значение для решения основных проблем современных международных отношений», это – «исходные, основополагающие начала системы права», «синтезировано отражающие сущностные свойства системы», представляемые в виде «общезначимых», «общепризнанных» и «общеобязательных требований и правил поведения». Пожалуй, здесь явно не хватает конкретики: что есть «общезначимость», а что – «общепризнанность» и, наконец, «общеобязательность»? За чрезвычайно общими фразами не просматриваются ответы на вопросы, за счет чего формируется «общепризнанность» или складывается «основополагающий» характер определенных международно-правовых норм, квалифицируемых в качестве основных принципов. Несомненно, упомянутым ученым на момент опубликования приведенных высказываний была известна категория *jus cogens*, – тогда предстает загадочной причина, почему «основные принципы» (или «общепризнанные принципы») международного права не соединялись с таковой и не рассматривались через призму всей гаммы критериев, предъявляемых к «императивным нормам общего международного права»⁶. Разумеется, подходя к данной «загадке» с позиций принци-

⁶ Надо сказать, что сама Комиссия международного права ООН не находит определения того, что такое «общее международное право». См.: Комиссия международного права ООН: Первый доклад о *jus cogens*, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дире Тлади. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/693> (дата обращения: 10.01.2021)

па историзма, можно разглядеть определенное объяснение – причина, скорее всего, проста и коренится в известном «противостоянии двух систем»: попытки что-то усвоить или перенять из «западных образцов» были бы восприняты как идеологически несовместимые с пролетарским интернационализмом, социалистическим строем и т. д. Следовательно, обращение к *jus cogens* в целях адаптации западных конструкций и международно-правового инструментария, применяемого «другим крылом» международного сообщества, а по большому счету – как раз и обрести в целом это «общее международное право», стремясь совместить «основные принципы» с *jus cogens*, казалось невозможным. Как представляется, эта задача не выглядит простой и по сей день.

Аналитики нынешнего этапа при взгляде на понятие общепризнанных принципов и норм международного права уже не задумываются об их измерении – «императивных нормах общего международного права» (*jus cogens*), что, в общем-то, могло бы иметь место, как и не исследуют сущность или содержательную сторону самого явления принципов, а, вероятно, всецело полагаясь на предшественников, решают вопросы условий их формирования [Ромашев 1999], хотя на неподвзятый взгляд добиться результата в этом, не имея перед собой четкости в формулировании того, что же «формируется» и выступает предметом в данном процессе, пожалуй, не слишком перспективно.

В разные эпохи в понятии «принцип» подчеркивалась прежде всего идейная составляющая его содержания. Вместе с тем, по утверждению Гегеля, идея, заложенная в принципе как категории научного познания, является «самим по себе определенным понятием, есть практическая идея, действие» [Гегель 1972:281]. Подобный подход к принципу в виде акцентирования «практической идеи», его «действия» означает на самом деле не что иное, как гипотезу о «трансцендентности» идей в ситуациях с правовыми принципами и возможным дрейфе (в подлежащих случаях) в сторону качеств нормативности, причем сказанное не отрицает того, что идейное и нормативное в принципах международного права присутствует органично, во внутреннем единстве друг с другом. При этом применительно к решению общеправовой проблемы принципов права важно согласиться с логически и сущностно верным тезисом одного из исследователей советского периода относи-

тельно того, что «принципы права, выражаясь в юридических нормах, не могут существовать вне права, – иначе они будут принципами или категориями других, неправовых социальных явлений» [Семенов 1964:20].

Параллельно этому западная школа международно-правовой науки в части изучения понятия «принцип» в лице Д. Анцилотти утверждала, что международное право состоит из норм, имеющих своим источником определенные принципы [Анцилотти 1961:59]. Очевидно, что в таком случае автор придает принципу значение, несомненно выходящее за рамки только нормативной его природы и формально-юридического подхода к его пониманию, поскольку затем возникающие нормы способны воспринимать не только нормативное выражение принципа, но и соответствующую идейную его основу. Напрашивается вывод, что все последующее развитие теории международного права должно бы идти по пути укрепления концепции *гармонического сочетания* в категории принципов международного права нормативного и идейного с превалированием все же нормативного. Однако известна дифференциация *правовых принципов и норм*, бытующая в обычном праве: первые, как правило, не создают прав и обязанностей, будучи используемыми скорее для целей толкования норм. На этой основе авторы комментария Устава ООН высказали гипотезу относительно того, что в этом направлении могло идти и восприятие понятия «принципы» в ст. 2 Устава ООН. В этом плане, как подчеркивается в работе, применение термина «принципы» в ст. 2 несколько вводит в заблуждение, так как является неоспоримым и фактически бесспорным, что п. 2–7 ст. 2 налагают конкретные обязательства на государства-члены и непосредственно на саму организацию [The Charter...2002:64]. Характерно, что авторы комментария положение п. 1 ст. 2 считают «простым, хотя и очень важным принципом» в «обычно-правовом контексте», т. е. не располагающим нормативностью. Примечательна точка зрения и А. Фердросса, который в свете этого полагал, что взаимосвязь между содержанием ст. 1 и 2 Устава («целями» и «принципами») с внешней стороны простирается дальше интерпретационных целей (толкования), поскольку граница между первыми и вторыми не имеет четких очертаний [Verdross, Simma, 1984].

Приведенные фрагменты крайне важны для содержания настоящей статьи: во-первых, они отчетливо демонстрируют понимание сути

принципов зарубежной международно-правовой доктриной; во-вторых, в них раскрываются, соответственно, и отличия, существующие между отечественной и западной трактовками понятия «принципы» в международном праве; в-третьих, в их содержании присутствует ответ на ряд существенных вопросов, в том числе и применительно к «пересечениям» понятий «принципы международного права», *jus cogens* и «основные принципы» / «принципы Устава ООН».

Упоминание о «практическом действии» идеи и дальнейшее развитие этих положений в целом приводило к неизбежным заключениям, имеющим краеугольное, непосредственно юридическое значение: принципы – это «основополагающие нормы международного права современной эпохи, нормы с широчайшим кругом адресатов, нормы категорические, нормы обязывающие и одновременно запрещающие» [Бобров 1968:73], которые тем самым подытоживают формулы, выражающие суть принципов в международном праве. Исключительную роль перечисленное играет и в квалификации основных принципов, образующих «становой хребет» современного МП.

Опираясь на изложенное, важно сделать и еще ряд замечаний: во-первых, принципы в международном праве – это нормы в строгом понимании термина, т. е. собственно правила поведения субъектов международного права, устанавливающие их взаимные права и обязанности; во-вторых, они суть императивные нормы, следовательно, правила поведения, не допускающие отступления в силу соглашения сторон (субъектов международного права), за теми исключениями, которые установлены непосредственно действующим международным правом; в-третьих, если это основные принципы, то речь идет о нормах, обладающих самым высоким иерархическим статусом в системе международного права в целом, а в зависимости от принадлежности принципа к категории отраслевых – в соответствующих его подсистемах (отраслях / подотраслях), системный характер которых в свою очередь отнюдь не устраняется.

2. Основные принципы и *jus cogens*

Исходным императивом в научных разработках такого явления, как принципы в МП, служит необходимость выстраивания соответствующих понятийных рядов и иерархии принципов в целях формирования их системы. Однако этот аспект несомненно может стать специальным предметом исследования, превышающим рамки одной статьи. В то же время *незыблемое мнение, сложившееся* в отечественной международно-правовой науке, *состоит* в том, что центральное звено в системе принципов международного права и норм, имеющих наивысшую юридическую силу, образуют «основные принципы», на которые и нужно направить главное внимание. Вести речь о принципах и, в частности, об основных принципах современного международного права, в котором действуют не только отдельные государства или их союзы (объединения), но и *международное сообщество* как таковое, затруднительно в отрыве от исторического дискурса. И ранее, и ныне без *признания* в достаточно широком международном масштабе каких-либо правил поведения, тем более особых, или руководящих, предписаний, в том числе и принципов, в качестве *юридических норм*, не могло бы состояться ни само международное право, ни его принципиальная основа, ни *jus cogens*⁷, хотя количественная и качественная меры «достаточности» несомненно разнятся. В сегодняшних условиях подобное происходит в международной жизни консолидированно, нередко с использованием институциональных форм сотрудничества (универсальных международных организаций и форумов), опосредствующих абстракцию «международное сообщество».

В этом отношении непосредственные ассоциации вызывают «принципы мирного союза государств», связанные с именем Иммануила Канта, который в своем политико-философском трактате «К вечному миру» еще в 1795 г. охарактеризовал политико-правовые, культурные и философские основы будущего существования народов, выразив идею объединения государств: «Международное право должно быть основано

⁷ Историко-правовой взгляд на зарождение *jus cogens* см.: [Nieto-Navia 2003; Синякин, Скуратова 2018].

на федерализме свободных государств. ... Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать мирным союзом и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время – для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться публичным законам и их принуждению, но должно постепенно привести таким путем к вечному миру» [Кант 1994:18-19]. Союз государств, по мнению великого философа, мог бы позволить осуществлять контроль конфликтных ситуаций и предпринимать усилия по сохранению и укреплению мира между государствами.

Рассматривая последующие этапы с точки зрения отражения принципов в актах международного права, важно обратиться к уставу Лиги Наций, попытавшейся воплотить идеи Канта, провозгласив требования «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги», подчиняясь в случае нападения, угрозы или опасности нападения мерам по обеспечению выполнения этого обязательства, указанным Советом (ст. 10). При этом понималось, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из Членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций» (ст. 11). Предусматривалось обязательство разрешать любой возникший между членами Лиги конфликт третейским или судебным разбирательством, не прибегая к войне (ст. 12)⁸.

Вопрос об основных принципах в современной международно-правовой теории выступает предметом живого обсуждения, порожденного, очевидно, неоднозначностью анализируемого явления и в гораздо большей степени – нерасположенностью западной доктрины его внедрять

в мировое общественное сознание. Последняя, кстати, только возрастает с течением времени. И, надо сказать, в немалой мере подобное обусловлено нормативной практикой (как международной – договорной, так и внутригосударственной отдельных стран, в том числе и российской). В частности, в новейших документах международной направленности РФ появились некоторые нюансы, отнюдь не способствующие достижению устойчивости в укоренении сформулированного в вышеприведенных материалах концепта понимания такого термина, как «основные принципы». К примеру, Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» предусматривает налаживание международного сотрудничества в обозначенной сфере «на основе строгого соблюдения основных принципов и норм международного права, в частности, принципа суверенного равенства государств...» (курсив мой. – Л.А.). Другими словами, к понятию «основные принципы международного права», далеко не единодушно воспринимаемому в международно-правовой действительности, добавляется еще один «двучлен»: «... принципы и нормы международного права» (как будто основные принципы не есть нормы!). Дополнительным примером усложнения ситуации с терминологическим и содержательным аспектами в связи с понятиями принципов в международном праве служат положения заключенных РФ международных договоров. «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» от 18.03.2014 г. предусматривает следующую юридическую основу взаимоотношений сторон договора: «...признавая и подтверждая принцип равноправия и самоопределения народов, закрепленный в Уставе Организации Объединенных Наций, ... в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также осознавая тесную взаимосвязь других основных принципов международного права, за-

⁸ Нет надобности, думается, особо акцентировать момент, что в основополагающих принципах поствоенного этапа (наступившего после Второй мировой войны) и принципах Лиги наций во многом отсутствует тождество или совпадение по юридическому содержанию, а иногда и идейной составляющей, поскольку назначение Лиги Наций и ее основы – общения между государствами-членами состояли не в защите общих ценностей участников объединения или их стремления к миру, а в обустройстве такого международного порядка, где превалировали интересы стран Антанты и союзных с ними государств. Однако и игнорирование последних как предтечи нынешних принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН, ошибочно.

крепленных, в частности, в Уставе Организации Объединенных Наций и Хельсинкском Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе...» (курсив мой. – Л.А.). В свою очередь в преамбуле учредительного акта интеграционного объединения – Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. при обозначении приверженности государств-членов «целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций» также указывается на *другие общепризнанные принципы и нормы международного права*. Выделенные фрагменты дают дополнительные основания для раздумий, возникающих по поводу множасьей терминологии применительно только к одному разряду – основных принципов – принципов международного права.

Для отечественной правовой науки, которая активно пользуется рассматриваемым термином⁹, «основные принципы» международного права служат руководящими, основополагающими нормами императивного, обязывающего и неоспоримого характера и квалифицируются в качестве краевых положений международного права и изучающей его науки, хотя ни в положениях Устава ООН, ни в «Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях» (Хельсинкского заключительного акта СБСЕ) подобное словосочетание не присутствует. В то же время широко известен документ, в котором термин «основные принципы международного права» зафиксирован текстуально. Это резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) от 24 октября 1970 г., содержащая «Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», которая не по формально-юридическим признакам, но по сути вопроса является своего рода кодификацией принципиальной основы международного права и гласит: «Принципы Устава, воплощенные в настоящей Декларации, представляют со-

бой основные принципы международного права, и поэтому (ГА ООН. – Л.А.) призывает все государства руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и развивать свои взаимоотношения на основе строгого соблюдения этих принципов». Однако приведенная квалификация не раскрывается.

В российских изданиях по международному праву уже отмечалось, что неразграничение основных и общепризнанных принципов международного права являет собой неоправданное введение в заблуждение [Ануфриева 2019а:186–197; Ануфриева 2019б:4–25]. Вместе с тем *некоторые контуры подобного* заложены семитомным «Курсом международного права», определяющим основные (общепризнанные) принципы международного права как «исторически обусловленные, основополагающие общепринятые нормы, выражающие главное содержание международного права, его характерные черты и обладающие высшей юридической силой» [Курс международного права...1989:5].

Иными словами, именно авторитетный доктринальный источник ставит знак равенства между понятиями «основные» и «общепризнанные» принципы международного права, в то время как на Западе, не углубляясь особо в доказательство сущности явления, предоставляемые советской, а сегодня российской наукой, предпочитают пользоваться понятием *jus cogens*. Правда, и в этом случае не все гладко: тождественность или кардинальное расхождение между *jus cogens* и «основными принципами» – далеко не праздные догадки или дилеммы, ответы на которые еще предстоит получить.

На фоне уже сказанного нелишне отметить, что и в отечественном правоведении обнаруживаются факты оспаривания в целом квалификации «основных принципов» международного права как обособляемой, специфической категории руководящих норм, выражающих его сущность. В частности, подвергая сомнению оправданность выделения понятия подобного рода, В.Л. Толстых [Толстых 2010:115–121]

⁹ Было бы неправильным, указав на распространение понятия «основные принципы международного права» в отечественной науке, не сказать все же о том, что оно является детищем советской теории международного права, которое присутствует также и в зарубежных международно-правовых исследованиях, большей частью принадлежащих авторам из стран так называемого «постсоветского пространства». Определенным исключением являются работы, олицетворяющие международно-правовую доктрину иных государств, например, публикации известного уругвайского юриста Эдуардо Хименеса де Аречага и прочих видных юристов-международников: А. Кассизи, выделяющего характерные отличительные черты основных принципов, и Г.В. Витцтума, М. Боте, Р. Дольцера и др. [Хименес де Аречага 1983; Витцтум и др. 2015; Cassese 2005:46–48].

вслед за зарубежной практикой высказываются предпочтение использованию вместо этого термина *jus cogens*¹⁰. Здесь нельзя не остановиться на немаловажном нюансе: западная наука, если брать подавляющее большинство ее представителей, как будто бы не ведает о наличии основных принципов, просто не замечая их существования, в то время как российский международник занимает весьма осмысленную позицию, возражая против анализируемого понятия [Толстых, 2010:115–121]. Правда, в конце концов, автор все же излагает в упомянутом сочинении свод международно-правовых принципов, преподносимых именно в таком качестве [Толстых 2010:126–152]. Зато последующая его работа вообще обходит стороной и термин «основные принципы» и их дифференциацию по отношению к *jus cogens*, именуя ранее перечисленные 10 главенствующих норм, «известных благодаря документу ООН в качестве основных принципов международного права», просто «принципами» и отводя им пять страниц текста. При этом, обращаясь к содержанию данного понятия, автор указывает: «Принципы международного права устанавливают ориентиры для правотворчества и толкования, а также непосредственно регулируют общественные отношения, особенно в случае пробелов. Некоторые принципы являются нормами *jus cogens* (запрет агрессии, право народов на самоопределение, некоторые права человека)» [Толстых 2018:159]¹¹.

Можно было бы, наверное, не слишком опасаться этих воззрений, так как они пока не имеют большого распространения или единодушного

выражения множества мнений российских ученых и как будто бы не формируют соответствующей тенденции в отечественном правоведении. К тому же сам автор «не согласен с собой». В вышедшей после публикации учебных изданий статье В.Л. Толстых, трактующей международное право как «продукт мифологизации», *jus cogens* отнесено не больше не меньше к «ритуалам», которые сопровождают «реализацию конкретных мифов» [Толстых 2019:40]. Признаем, что эта мысль как-то не очень созвучна предшествующим высказываниям. Более того, далее автор указывает на пороки международно-правовых «мифов», на первом месте в ряду которых стоят «логические противоречия, порожденные мифом»: «проигнорированная им реальность продолжает действовать и вызывать последствия, которые опровергают его. Так, идея суверенитета не в состоянии определить момент возникновения государства, объяснить значение и функции признания, установить природу норм *jus cogens* и обычного права... решить проблему самоопределения, обосновать связанность государства собственной волей и т. п., поскольку эти вопросы опосредованы не волей правительства, а другими факторами (например, концепция *jus cogens* выражает идею естественного права)...» [Толстых 2019:41]. Но если *jus cogens* – даже не сам «миф», а «ритуал», сопровождающий реализацию последнего, то на каком основании и какими средствами нормы *jus cogens* смогут заменить собой основные и вообще принципы международного права? Ни на один из вопросов, имеющих субстантивное значение, не дано ответов¹².

¹⁰ Было бы упущением не указать, что в мировой доктрине имеется немало существенной критики в адрес понятия *jus cogens*, причем со стороны весьма маститых исследователей международного права: Й. Броунли, Э. Д'Амато, У. Линдерфалка, Аби-Сааба и др. См. об этом: [Исполинов 2014:7–14]. Причем высказывания, к примеру, шведского специалиста У. Линдерфалка выступают одним из немногих фактов безоговорочного использования в связи с *jus cogens* квалификации и наименования «принцип» [Linderfalk 2008: 853, 859].

¹¹ Очевидно, что столь невнятное обозначение того, что есть «принципы» в международном праве, неминуемо ведет к скудным представлениям не только об их сущности, перечне и содержании, но и о сути явления, именуемого «императивными нормами общего международного права», – *jus cogens*.

¹² Кардинальной противоположностью этому служат высказывания шведского автора У. Линдерфалка, которого трудно упрекнуть в тех грехах, которые свойственны, по мнению В.Л. Толстых, юристам-международникам современной России: «низкий уровень аргументации, немногочисленность оригинальных разработок, институциональная деградация, тематический дисбаланс» [Толстых 2016:50], – в общем, отсталость, косность, ограниченность, непрофессионализм, приверженность прошлому, неспособность конкурировать с западными школами и т. д. «В качестве основы для своего анализа концепции *jus cogens* я приму два допущения. Во-первых, я буду считать самим собой разумеющимся, что на языке международного права термин *jus cogens* обозначает совокупность *правовых норм*. В этой степени исходная точка, выбранная для настоящей статьи, идентична той, которая используется для ст. 53 Венской конвенции. Согласно определению, содержащемуся в ст. 53, «[норма *jus cogens*] – это *норма*, принятая и признанная международным сообществом государств в целом как *норма*, отступление от которой не допускается и которая может быть изменена только последующей *нормой* общего международного права, имеющей тот же характер». Во-вторых, я буду считать, что норма *jus cogens* является типичной нормой, имеющей регулятивный характер» [Linderfalk: 857].

В свете сказанного настоятельно напрашивается ремарка: брошенные вскользь суждения, граничащие с поверхностностью, небрежение фундаментальной теорией международного права, нигилизм в отношении объективно требуемого для системы МП (чтобы не скатиться в хаос) инструмента регулирования – его основных принципов, – отсутствие в критике, пусть в ряде случаев даже и оправданной, конструктивных формулировок, проявляемые в приведенных фрагментах, значат гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд. За рамками изложенного стоит подчеркнуть, что многое в цитируемых текстах лишний раз доказывает не просто неучтенность всех сторон изучаемых явлений и последствий выдвигаемых предложений, но прежде всего и *общую* нехватку научных разработок в данной области. В то же время важно повторить в связи с этим, что подходы к рассматриваемой проблематике внутри западной доктрины вовсе не гомогенны и имеют свои исключения. В качестве примера следует привести позицию А. Кассизи, который, во-первых, вполне определенно разделяет концепцию основных принципов, а во-вторых, квалифицирует фундаментальные / основные принципы как *jus cogens*, будучи одним из тех редчайших специалистов международного права, кто произвел подобное точно, ясно и достаточно детально [Cassese 2005:65–68].

Осуществляя же требующуюся разработку анализируемого аспекта, не мешает опереться на фундаментальные выводы известных советских ученых, предметно занимавшихся проблемами принципов международного права и именно основных его принципов. Так, Н.А. Ушаков, не колеблясь, констатирует: «Среди норм общего международного права выделяют его *основные нормы-принципы*. Основные принципы международного права – это такие нормы общего характера, в соответствии с которыми должны устанавливаться все остальные его нормы. Они являются исходными в системе международно-правовых норм и регулируют в обобщенном виде поведение в международных отношениях государств и иных субъектов международного права путем установления их основных прав и обязанностей» [Ушаков 1996:7]¹³. Не считая

оправданным безоговорочное введение уточнения «нормы-принципы», тем не менее необходимо определенно признать правоту представленных суждений, до сей поры не опровергнутую. Однако при этом стоит предостеречь от гипертролизации «обобщенности» правил поведения государств и иных субъектов международных отношений, присутствующей в приводимой характеристике основных принципов международного права. Думается, данное обстоятельство способно породить заблуждение относительно регулятивной функции принципов, а именно способствовать представлениям о принципах МП как об абстракциях, оторванных от материальной основы и лишенных качества выступать регуляторами конкретных общественных (междувластных) отношений.

Принципиальная основа международного права, разумеется, не является застывшим формированием. Как отмечалось выше, нормы международного права, опосредствующие его основные принципы, объективны, исторически обусловлены и в своем развитии способны отражать потребности сообщества, испытывая на себе воздействие различных сил. Юристы-международники, специально обращавшиеся к данной проблеме, отмечают два пути уточнения, углубления и совершенствования международно-правовых принципов: а) конкретизация уже существующих нормативных элементов принципа без изменения их системы или «набора»; б) формулирование новых нормативных элементов в основных принципах [Игнатенко, Малинин, 1987: 8-9]¹⁴.

Соответствующей иллюстрацией являются, к примеру, принципы права международной безопасности, в котором на этапе его становления значительно менее выраженными были начала коллективной безопасности, равной безопасности; в понятие принципа всеобщей безопасности не включались аспекты экономической или экологической безопасности. Главный фокус его содержания концентрировался на военной безопасности. Однако с течением времени возникла настоятельность в расширении не только диапазона регулирования, но и, соответственно, содержания этого центрального правоположения

¹³ Более развернутую характеристику основных принципов см.: [Ушаков 1988].

¹⁴ В качестве примера первого из указанных векторов приводится определение агрессии, конкретизирующее такой нормативный элемент принципа неприменения силы, как запрет применять вооруженную силу. Вторым вариантом демонстрируется авторами на материале принципов неприменения силы и нерушимости границ посредством указания на обогащение их юридического содержания.

современного международного права. В дальнейшем вследствие ускорения темпов развития науки и техники, в частности биотехнологии, и значительного прогресса в геномной инженерии принцип содействия укреплению международной безопасности закономерно должен был вместить в себя и данный аспект. Во всяком случае еще в конце XX в. в Итоговом документе Венской встречи СБСЕ (1986 г.) подобное обстоятельство получило отражение: «Отмечая прогресс, достигнутый в исследованиях и разработках в области биотехнологии, и создаваемые ими возможности, государства-участники считают желательным расширить обмен информацией о законах и правилах, относящихся к аспектам безопасности геномной инженерии. Они будут поэтому способствовать консультациям и обмену информацией по правилам безопасности». То же можно сказать и в отношении такого аспекта всеобщей безопасности, как информационная безопасность, которой в международных документах и литературе последних десятилетий отводится значительное место.

На фоне всего изложенного ранее по поводу, в общем-то, бездоказательного отрицания потребности в понятии «основные принципы» применительно к международному праву привлекают к себе внимание творческие инициативы некоторых зарубежных ученых в части развития принципиальной основы данной системы права. Речь идет о выдвижении китайской международно-правовой доктриной концепции «сопрогрессирования» и условиях реализации его основных принципов [Yee 2001:15–38; Yee 2014; Сяньхэ Йи 2015]¹⁵ как передающей сущность современного международного права. Примечательно, что в представлениях о «базовом наборе» фундаментальных принципов «международного права сопрогрессирования», автор, во-первых, не отказывается от термина «основные принципы», а, во-вторых, включает их в «Пять принципов, «международного права сопрогрессирования», рассматривая их с правовой точки зрения, по сути, как принципы, закрепленные в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и

сотрудничества между государствами 1970 г., которая, как указывалось ранее, и ввела в формулу «основные принципы» следующее: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимную выгоду, мирное сосуществование [Сяньхэ Йи 2015:65–68]. Автор пишет: «В разгар «холодной войны» сущность заключалась в сосуществовании государств, в период разрядки международного напряжения – в их содействии (сотрудничестве), а сегодня, в эпоху после «холодной войны», – в сопрогрессировании». В предложенном термине, согласно трактовке, выдвинутой самим автором, нашли отражение основные черты этого права – всеобъемлющего (отсюда приставка со-) и ориентированного на осуществляемый разумными темпами прогресс, в первую очередь моральный и этический, цель которого – процветание человечества (отсюда прогрессирование) [Сяньхэ Йи 2015:57-58].

Отнюдь не разделяя все соображения, высказанные китайским ученым, надо сказать, что это явный рефрен «пяти принципов мирного сосуществования» (принципов «панча шила») 1950–1960-х гг., сначала закрепленных в индийско-китайских отношениях соглашением 1954 г. о Тибете, а затем вошедших в Конституцию КНР 1982 г.¹⁶ Во всяком случае налицо полное текстуальное воспроизведение всех пяти принципов. И хотя Сяньхэ Йи говорит о них как об основных принципах «международного права сопрогрессирования», которое идейно и хронологически выступает следующим этапом в развитии настоящего и грядущего международного права (т. е. приходящего на смену и «праву сосуществования государств», свойственному разгару «холодной войны», и «праву содействия / сотрудничества» эпохи разрядки международной напряженности), вряд ли можно согласиться с предположением о тождественности принципов, предназначенных для кардинально различающихся по сути периодов в функционировании международного права. Главным контраргументом выступает неясность, в чем же тогда заключаются отличия в этапах и, соответственно,

¹⁵ С точки зрения лингвистической есть, разумеется, вопросы к переводу термина на русский язык – в оригинале у автора, как видим, имеет место существительное со-progressiveness.

¹⁶ Не стоит при этом забывать, что указанное поначалу служило принципами внешней политики двух стран, а не международно-правовыми принципами универсального значения). Чуть позже данные принципы легли в основу итогового документа Бандунгской конференции 1955 г. и движения неприсоединения в целом.

новизна, воплощающая сущность конкретного этапа? При этом, если даже присоединиться к автору в его обозначении международного права современности как «международного права сопрогрессирования», думается все же, что удачнее выглядела бы иная версия наименования: «международное право содействия прогрессу и развитию в мире», поскольку ныне несомненно выявляются, с одной стороны, многополярность мира, а с другой – активное и, к сожалению, усиливающееся противостояние одних сил (групп государств) другим, что, как представляется, обуславливает необходимость возвращения в новой интерпретации *принципа мирного сосуществования*, только не двух систем – противоположных по идеологическим и так называемым «классовым» критериям, а по всей совокупности политических, социальных, экономических, «союзнических» и т. п. интересов или состоявшейся ангажированности групп государств. Вместе с тем, нельзя не заметить центрального момента: во всех составляющих представленной в китайской международно-правовой доктрине концепции (добавим к этому, что и в ряде подходов других специалистов тоже!) фигурирует обращение к разряду «основных принципов», которые, по замыслу автора, действительно необходимы для отражения краеугольных отличий эпохи и адекватного ей международного права. Тем не менее нельзя забывать о главнейшей характеристике принципов, тем более основных принципов, международного права: любой принцип должен быть выражен вовне нормативно, т. е. закреплен как главнейшая норма, что в настоящий период применительно к принципу «сопрогрессирования» отсутствует.

Здесь, кроме того, обращает на себя внимание существенное обстоятельство: с учетом наличия неординарных («когентных») норм международного права, как решается вопрос об их соотношении с основными принципами? Может ли категория *jus cogens* заменить собой основные принципы международного права? Ответ отрицательный: нет, не может. *Jus cogens* не идентично ни терминологически, ни содержательно, ни, что самое важное, функционально понятиям «принцип» и «основные принципы» международного права. Однако нельзя отрицать возможности в отдельных случаях интерпретировать содержание такого явления, как *jus cogens* через отсылку к основным принципам и наоборот.

Констатируя функциональную значимость основных принципов по сравнению с *jus cogens*,

необходимо подчеркнуть, что таковые составляют не просто элемент в системе международного права, но обеспечивают роль несущей конструкции и ориентира (векторов) развития. К этому нелишне добавить: будучи особой принадлежностью системы МП, отражающей его сущность, природу и отличительные черты как уникального феномена, основные принципы не могут исчисляться десятками. В свете изложенного тот их перечень, который существует в настоящее время, очевидно, не будет неизменным, но вряд ли оправдан прогноз на их активное и быстрое «размножение» в будущем. Во всяком случае искусственное подталкивание или торпедирование процессов подобного рода явно не способны принести нужные плоды.

В непосредственной связи с указанным находится и ответ на вопрос о юридической квалификации основных принципов и *jus cogens* с точки зрения иерархии норм международного права. Здесь первейшим для выяснения моментом служит дилемма: входят ли два этих понятия в одну и ту же категорию или нет? Говоря другими словами, возможно ли основные принципы относить к *jus cogens*, а понятие *jus cogens* автоматически распространять на «основные принципы», имея в виду, что ведь основные принципы не могут не обладать «когентностью»? С внешней точки зрения ответ вроде бы очевиден: сравниваемые понятия разнородны. И действительно, в современном международном праве далеко не все нормы *jus cogens* образуют «основные принципы», но, с другой стороны, последние в силу их значения для системы международного права не могут не быть «императивными нормами общего международного права» (*jus cogens*), хотя ни в доктрине, ни в практике международного права не замечено, чтобы представление о *jus cogens* как понятии международного права однозначно фокусировалось бы на «основных принципах». Вторым обстоятельством, подлежащим выяснению, служит вопрос об иерархическом положении основных принципов и *jus cogens* друг по отношению к другу, причем исходными являются две аксиомы: основные принципы обладают нормативностью, обязательностью, характером руководящих норм, наделенных высшей юридической силой, принадлежностью в целом к международному праву. Со своей стороны, *jus cogens* – безусловные императивные нормы «общего международного права». При этом нет доказательств того, что основные принципы подчиняются *jus cogens* либо наоборот – последнее превалирует над основными принципами.

В поисках убедительных подтверждений правильности того или иного ответа на данные вопросы следует обратиться к материалам Комиссии международного права ООН (КМП ООН). Правда, содержание подготовленных ею материалов далеко не всегда однозначно трактует затрагиваемые в настоящем аспекты.

В частности, и в 60-е гг. XX в., когда КМП готовила проект статей Венской конвенции о праве международных договоров, в рамках чего ею была предпринята разработка понятия *jus cogens*, и ныне, в ходе программно-целевой работы над темой *jus cogens*¹⁷, КМП руководствовалась критериями норм *jus cogens*, установленными еще в ходе создания в 1960-е гг. XX в. проекта статей конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹⁸, в числе которых: императивность; общепризнанный характер («признание международным сообществом государств в целом»); принадлежность к «общему международному праву»; невозможность отступления в силу соглашения сторон; отражение и защита «фундаментальных (общечеловеческих) ценностей международного сообщества»; иерархически наиболее высокое положение по отношению к другим нормам международного права. Хотя данные критерии ныне фигурируют в материалах Комиссии в достаточно широких объемах (в заявлениях государств, докладах специального докладчика, при обсуждении внутри Комиссии и заключительных проектах, передаваемых в Шестой комитет ГА ООН, равно как и в ходе дебатов в самом Комитете), ряд из них оспаривается (в частности, применимость норм *jus cogens* в универсальном масштабе, наивысшая юридическая сила по сравнению с другими нормами международного права, способность защищать фундаментальные ценности, охраняемые международным правом).

Казалось бы, под данную категорию норм безусловно подпадает перечень принципов МП, содержащихся в Уставе ООН, которые именуются в ее документах как «основные принципы»:

неприменение силы и угрозы силой; уважение государственного суверенитета и суверенного равенства; требование мирного разрешения споров, невмешательства во внутренние дела других государств, равноправия и самоопределения народов и наций; сотрудничество, соблюдение международных договоров и обязательств как полностью отвечающие приведенным выше признакам. Однако по результатам рассмотрения в Шестом комитете ГА ООН осуществленной КМП работы над темой и обсуждения в Комиссии 4-го доклада Специального докладчика (A/CN.4/727) был, во-первых, поставлен вопрос о «региональном» *jus cogens*, а во-вторых, предложен для включения в выводы, представляемые в рабочий орган по выработке проекта заключительных положений по теме, *иллюстративный перечень императивных норм (jus cogens)* в виде приложения, но с уточнением относительно того, что список носит не исчерпывающий характер и ограничивается теми «императивными нормами общего международного права», на которые КМП ООН ссылалась ранее. Стоит напомнить, что речь о примерном перечне норм *jus cogens* шла еще на предшествующем этапе 1960-х гг. в рамках кодификации норм права международных договоров и уже тогда вызывала серьезные разногласия членов Комиссии и государств.

В поименованный перечень входят: а) запрещение агрессии; б) запрещение геноцида; в) запрещение преступлений против человечности; г) основные нормы международного гуманитарного права; д) запрещение расовой дискриминации и апартеида; е) запрещение рабства; ж) запрещение пыток; з) право на самоопределение¹⁹. Как видим, даже несмотря на упомянутые оговорки, содержание списка далеко от того, чтобы допустить, что Комиссия в какой бы то ни было мере исходила из алгоритма понимания *jus cogens* прежде всего как закрепленных Уставом ООН принципов, квалифицируемых как основные²⁰. Более того, последнее указание на *условие вхож-*

¹⁷ На своей 69-й сессии в 2017 г. Комиссия международного права ООН приняла решение об изменении формулировки наименования темы с «*Jus cogens*» на «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)».

¹⁸ См.: Commentary to the Commission's 1966 Draft Articles on the Law of Treaties. – *Yearbook of the International Law Commission*. 1966. Vol. II. P. 247–249. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (accessed 12.12.2020).

¹⁹ Обзор выводов, решений, принятых КМП ООН по теме *jus cogens* и другим вопросам в ходе 71-й сессии (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 г.) см.: [Murphy 2020:68–86].

²⁰ К слову сказать, в связи с этим возникает еще одна сложность, обусловленная сомнениями в вопросе отнесения (либо неотнесения) к «основным» тех трех принципов, которые оформлены Заключительным актом СБСЕ 1975 г.: «нерушимость границ» (принцип III); «территориальная целостность государств» (принцип IV); «уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений» (принцип VII). См.: Сборник действующих

дения в иллюстративный список норм, на которые Комиссия ссылалась ранее, вследствие чего, как следует догадываться, их статус в качестве норм *jus cogens* становится подтвержденным, еще сильнее обнажает загадку, почему Комиссия не обращалась к строго сформулированным предписаниям Устава ООН, опосредствующим принципы действительно «общего международного права», – его основные принципы. В этом плане думается, что даже подчеркивание ссылки на заведомую неполноту перечня не спасает положения. Не поддерживают какие-либо весомые аргументы также и оговорки о так называемых «частично когентных» или «не полностью когентных» нормах *jus cogens*²¹, выявленных также и среди некоторых принципов Устава ООН, благодаря чему можно было бы опровергнуть подобное допущение. Положение усугубляется тем, что примеры как раз такого рода присутствуют в иллюстративном списке (в частности, право на определение или запрещение агрессии, но не в выражении принципа неприменения силы или угрозы силой согласно формулировкам Устава ООН). Все изложенное, к тому же взятое в сочетании с такой совершенно абстрактной позицией

списка, как «основные нормы международного гуманитарного права», является в итоге достаточным для определения парадигмы отыскания ответа на поставленный вопрос. Она намечена констатациями: окончательные выкладки КМП ООН в этой части, пожалуй, еще далеки от завершения, а иллюстративный список посеял гораздо больше сомнений, чем внес разъяснения в понимание того, что есть анализируемый предмет, – нормы *jus cogens*. Что же касается гипотетического поиска путей гармонии и соединения рассматриваемых двух понятий: основных принципов и норм *jus cogens*, – которыми оперируют современные теория и практика международного права, резюмируя, скажем, что в разработках КМП ООН по теме «*Jus cogens*», пожалуй, больше имеет место недвусмысленное их «разведение» по разным сторонам, поскольку пока ничто не свидетельствует о постановке такой задачи или ее инициирования хотя бы в предварительном порядке.

Возвращаясь к тезисам о «когентности» и в целом о признаках «императивных норм общего международного права» (*jus cogens*), важно заметить, что дискуссия по этому поводу в рамках

щих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. Москва. 1977. С. 544–589. Представляется, что применительно к этому допустима расширительная интерпретация разряда «основных принципов» вне зависимости от того, что таковой зафиксирован Декларацией 1970 г. ООН, а перечисленные три принципа присутствуют в другом акте – «Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях» Хельсинкского акта СБСЕ 1975 г. В данном случае главный аргумент в пользу обозначенного подхода составляет следующее. Указанные три принципа представляют собой по сути правила, вытекающие, с одной стороны, из целей ООН и ст. 1 Устава (принцип уважения прав человека), а с другой стороны, из характеристики принципов неприменения силы и угрозы силой, нарушения государственных границ, невмешательства как включающих в себя недопустимость посягательств на суверенитет государств и территориальную неприкосновенность, равноправие, самоопределение и т.д. (принципы нерушимости границ и территориальной целостности). В свое время проблема связанности положений ст. 1 «Цели» и ст. 2 «Принципы» Устава ООН обсуждалась и была позитивно решена в таком ключе, что обязывающий характер принципов рассматривался не только с позиций самих их формулировок, но и с учетом провозглашенных Уставом ООН целей, которые корреспондировали обычно-правовым нормам международного права. В этом духе высказались и авторы фундаментального комментария Устава ООН [The Charter... 2020:39-40]. Таким образом, руководствуясь логикой подобных соображений, можно признать оправданным включение принципов уважения прав человека, территориальной целостности и нерушимости границ в категорию *основных принципов* международного права.

²¹ Большая детальность суждений о способах приобретения нормой МП статуса *jus cogens*, отсутствие одномерности в подходах к «когентности» императивных норм характеризуют многие современные публикации иностранных авторов. В частности, Ю. Видмар считает, что императивная норма подлежит «двойному одобрению» международным сообществом государств в целом: принятию содержания нормы как таковой и принятию ее особого, т. е. «императивного» характера» [Vidmar 2011:25]. Откликаясь на положения ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров, Э. де Вет пишет: «По существу, это означает, что конкретная норма первоначально признается в качестве обычно-правовой нормы международного права, после чего международное сообщество государств в целом соглашается в дальнейшем с тем, что это есть норма, отступление от которой не допускается» [de Wet 2013:542]. В резюме по этому поводу Специального докладчика КМП ООН во 2-м докладе Комиссии по теме «*Jus cogens*» несколько иначе интерпретируются вышеупомянутые положения двух авторов: «Юре Видмар и Эрика де Вет предполагают, что требование о принятии и признании подразумевает «двойное согласие», поскольку такая норма сначала должна быть принята как «нормальная» норма международного права, а затем как его императивная норма». См.: International Law Commission: Second report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/A/CN.4/706> (accessed 10.01.2021).

работы КМП носит детальный и чрезвычайно оживленный характер. В частности, подвергнутый всестороннему анализу аспект, касающийся специфики формирования «когентности» вскрывает не до конца познанные грани – прежде всего «стадийность» в ее формировании, а кроме того, и новые детали критериев, подлежащих установлению для квалификации «императивной нормы общего международного права» в этом качестве, не говоря уже о поистине важных нюансах, касающихся «принятия» либо «признания» последней со стороны «международного сообщества». Стоит указать здесь на присутствие расходящихся мнений, которые касаются разных ситуаций: простого одобрения правила поведения как «права» применительно к обычно-правовым нормам, случаев признания «цивилизованными нациями» общих принципов права, дифференциации *opinio juris*. Так, ныне различают *opinio iuris sive necessitatis* (осознание правила как юридической нормы или необходимости) и *opinio juris cogentis* (соблюдение правила как юридической нормы, от которой нельзя отступить). Кадельбах полагает, что в этом плане «большинство предложений строится на рельсах промежуточности. Наряду с этим практика государств и *opinio juris* необходимы в отношении признания самой нормы. Однако характер императивности, не допускающий отступления, т. е. *opinio juris cogentis*, может быть соответственно установлен критериями, содержащимися в праве договоров» [Kadelbach 2016:166]. Согласно же А. Пелле, присутствующее в ст. 53 требование о «принятии и признании международным сообществом в целом» «исключает принятие или тем более признание государствами поодиночке (один за одним)» [Pellet 1992:38].

3. Заключение

Приведенный материал, очевидно, демонстрирует, что рассмотрение принципов (основных принципов) международного права через призму их сопоставления с *jus cogens* в мировой доктрине на данном этапе в предметном порядке пока не состоялось²². Выше были высказаны предположения, проливающие свет на причины такого положения вещей, которые коренятся в

определенных концептуальных установках применительно к природе такого явления, как «принцип» в международном праве. В их свете многое становится более понятным, хотя и не способно вызвать согласие или поддержку. Например, не ясны основания, почему принцип запрещения агрессии объявляется нормой *jus cogens*, но такая квалификация не доводится до своего логического завершения, а именно: отсутствует формальное признание правила о неприменении силы или угрозы силой, неотъемлемой частью которого запрет агрессии и выступает, являющегося *основным принципом международного права*, как это следует из Устава ООН и Декларации 1970 г., – в качестве нормы *jus cogens* даже в разработках такого авторитетного органа ООН, занимающегося кодификацией норм международного права, как КМП ООН. Равным образом существует недоумение и по поводу того, что в нынешнем лексиконе материалов КМП, касающихся «императивных норм общего международного права» (*jus cogens*), слишком невелика – в противовес прошлому – доля дидактического присутствия принципов МП, зафиксированных в Уставе ООН (т. е. основных принципов).

Вместе с тем в своем существе движение в сторону иного, т. е. навстречу положениям, имманентным российской науке и схожим доктринальным тезисам, а также практике других государств, думается, не должно отвергаться в будущем. Оптимизм внушает тот факт, что существуют примеры обратного толка, когда в литературе высказываются позиции, непосредственно проводящие связь между принципами Устава ООН (основными принципами) и категорией норм *jus cogens*. К ним относится концепция А. Кассизи, *expressis verbis*, поддерживающая это [Cassese 2005:64–67].

Не стоит игнорировать и еще одно соображение: «свод *jus cogens*» не выступает «сводом» в собственном смысле этого слова (нормы, включаемые в данную категорию, разрозненны и в ряде случаев относятся не ко всей системе международного права, а доминируют в отдельных структурных его частях, – и это объективный факт), в то время как основные принципы, несомненно, видятся обладающими характеристикой устойчивого образования, т. е. *имеющими при-*

²² Примечательно, что в ходе работы по кодификации норм права международных договоров упоминавшийся ранее Комментарий КМП ООН к проекту статей Венской конвенции изобилует не только ссылками на Устав ООН, но и в целом использованием термина «принцип» («принцип Устава» – преимущественно принцип неприменения силы и угрозы силой) параллельно с *jus cogens* (см., в частности, коммент. к ст. 49-50).

надлежность к международному праву в целом (отвечая, таким образом, требованию составлять корпус «норм общего международного права»). Следовательно, даже краткое углубление в сравнительно-правовую характеристику «основных принципов» международного права и *jus cogens* не дает оснований квалифицировать последнее в качестве принципов международного права и тем более констатировать тождественность двух явлений.

Указанные и иные отмеченные здесь обстоятельства порождают ряд вызовов для науки,

в том числе и критический взгляд на имеющееся сегодня положение дел в области понимания принципов международного права, а значит, и необходимость как их анализа с учетом отличий отечественной (русской) и западной доктрин в области установления сущности и содержания соответствующих международно-правовых правил поведения, так и поисков путей не то чтобы к примирению, но хотя бы к сближению точек зрения в коренных вопросах теории международного права, к каковым относится освещаемый в настоящем аспект.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х. 2017. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера. – *Московский журнал международного права*. №4. С. 19–29. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>
2. Алексидзе Л.А. 1970. Проблема *jus cogens* в современном международном праве. – *Советский ежегодник международного права*, 1969. М.: Наука. С. 127–149.
3. Алексидзе Л.А. 1982. *Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы. Jus cogens*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета. 406 с.
4. Аннерс Э. 1994. *История европейского права*. М.: Наука. 397 с.
5. Ануфриева Л.П. 2019а. «Основные принципы» как категория международного права. – *Актуальные проблемы современного международного права: материалы XVI ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. В 3-х частях. Ч. 1*. Отв. ред. А.Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова. М.: Издательство РУДН. С. 186–197.
6. Ануфриева Л.П. 2019б. Enigma российской Конституции 1993 года: «общепризнанные принципы и нормы международного права». – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. №3. С. 4–25. DOI: [10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25](https://doi.org/10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25)
7. Анцилотти Д. 1961. *Курс международного права: Введение – общая часть. Т.1*. М.: Издательство иностранной литературы. 447 с.
8. Берман Г.Дж. 1998. *Западная традиция права: эпоха формирования*. М.: Издательство Московского университета. 624 с.
9. Бобров Р.Л. 1968. *Основные проблемы теории международного права*. М.: Международные отношения. 272 с.
10. Витцтум Г. [и др.]. 2015. *Международное право*. М. Инфотропик Медиа. 1072 с.
11. Вылегжанин А.Н., Потье Т., Торкунова Е.А. 2020. К упрочению международного права через возрождение Устава ООН. – *Московский журнал международного права*. №1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-6-25>
12. Гегель Г.Ф.В. 1972. *Наука логики. В 3-х т. Т.3. Субъективная логика или учение о понятии*. М.: Мысль. 371 с.
13. Игнатенко Г.В., Малинин С.А. 1987. Новые тенденции в международном нормотворчестве. – *Советский ежегодник международного права*, 1986. М.: Наука. С. 32–45.
14. Исполинов А.С. 2014. *Jus cogens* в решениях международных и национальных судов. – *Российский юридический журнал*. №6. С. 7–14.
15. Кант И. К вечному миру. – *Собрание сочинений в 8 томах. Т.7*. Под ред. А.В. Гулыги. М.: Издательство «Чоро». С. 5–56.
16. Ключников А.Ю. 2020. Развитие международными судами общих принципов международного права для восполнения пробелов в обычном и договорном международном праве. – *Российский судья*. №1. С. 35–39.
17. *Курс международного права. В 7 т. Т.2. Основные принципы международного права*. Отв. ред. И.И. Лукашук. 1989. М.: Наука. 240 с.
18. Нефедов Б.И. 2019. Принципы в международном праве: терминология. – *Московский журнал международного права*. №1. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-6-17>
19. Пушмин Э.А. 1980. О понятии основных принципов современного общего международного права. – *Советский ежегодник международного права*, 1978. М.: Наука. С. 72–85.
20. Ромашев Ю.С. 1999. Некоторые подходы к определению условий формирования общепризнанных норм международного права. – *Российский ежегодник международного права, 1998-1999*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева». С. 297–305.
21. Семенов В.М. 1964. Принципы советского социалистического общенародного права. – *Правоведение*. №1. С. 16–26.
22. Синякин И.И., Скуратова А.Ю. 2018. Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права. – *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. Вып. 41. С. 526–545. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-526-545>
23. Сяньхэ Йи. Международное право сопрогрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы. *Российский юридический журнал*. №5. С. 56–70.
24. Толстых В.Л. 2010. *Курс международного права*. М.: Волтерс Клувер. 1056 с.
25. Толстых В.Л. 2016. Очерк современного состояния российской доктрины международного права. – *Элек*

- тронное приложение к Российскому юридическому журналу. № 3. С. 50–58. Доступ: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%85.pdf> (дата обращения: 12.12.2020)
26. Толстых В.Л. 2018. *Курс международного права*. М.: Проспект. 736 с.
 27. Толстых В.Л. 2019. Международное право как мифология. – *Российский юридический журнал*. № 2. С. 32–47.
 28. Тункин Г.И. 1983. *Право и сила в международной системе*. М.: Международные отношения. 200 с.
 29. Усенко Е.Т. 2008. *Очерки теории международного права*. М.: Издательство «Норма». 240 с.
 30. Ушаков Н.А. 1988. *Проблемы теории международного права*. М.: Наука. 191 с.
 31. Ушаков Н.А. 1996. *Международное право: основные понятия и термины*. М.: Издательство Института государства и права РАН. 48 с.
 32. Фогельсон Ю.Б. 2013. Мягкое право в современном правовом дискурсе. – *Журнал российского права*. №5. С. 37–48.
 33. Хименес де Аречага Э. 1983. *Современное международное право*. М.: Прогресс. 480 с.
 34. Черниченко С.В. 2020. Базовые принципы международного права: диапазон совершенствования. – *Евразийский юридический журнал*. №5. С. 30–35.
 35. Alland D. 2019. *Manuel de droit international public*. 6-ème. éd. Paris: PUF. 320 p.
 36. Cassese A. 2005. *International Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 558 p.
 37. Crawford J. 2019. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 872 p. DOI: 10.1093/he/9780198737445.001.0001
 38. Dohna Gr. 1973. *Die Grundprinzipien des Völkerrechts über die freundschaftlichen Beziehungen und die Zusammenarbeit zwischen den Staaten*. Berlin: Duncker&Humblot. 292 s.
 39. *International Law*. Ed. by Malcolm D. Evans. 2nd ed. 2006. Oxford: Oxford University Press. 833 p.
 40. Kadelbach St. 2016. Genesis, function and identification of jus cogens norms. – *Netherlands Yearbook of International Law 2015*. Vol. 45. The Hague: T.M.C. Asser Press. P. 147–142. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-114-2_6
 41. Kelsen H. 1952. *Principles of International Law*. New York: Rinehart&Co. 461 p.
 42. Linderfalk U. 2008. The Effect of Jus Cogens Norms: Whoever Opened Pandora's Box, Did You Ever Think About the Consequences? – *The European Journal of International Law*. Vol. 18. Issue 5. P. 853–871. DOI: 10.1093/ejil/chm044
 43. Mälksoo L. 2015. *Russian Approaches to International Law*. Oxford: Oxford University Press. 240 p.
 44. Murphy S. D. 2020. Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens) and Other Topics: The Seventy-First Session of the International Law Commission. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue. 1. P. 68-86. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2019.74>
 45. Nieto-Navia R. 2003. International Peremptory Norms (Jus Cogens) and International Humanitarian Law. – *Man's Inhumanity to Man. Essays on International Law in Honour of Antonio Cassese*. Ed. by Lal Chand Vohrah [et al.]. London; The Hague: Kluwer Law International. P. 595–640.
 46. Pellet A. 1992. The normative dilemma: will and consent in international law-making. – *Australian Yearbook of International Law*. Vol. 12. Issue 1. P. 22–53. DOI: <https://doi.org/10.1163/26660229-012-01-900000005>
 47. Shaw M.N. 2017. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
 48. *The Charter of the United Nations. A Commentary*. 2nd ed. Vol. I. Ed. by B. Simma. 2020. Oxford: Oxford University Press. 895 p.
 49. Verdross A., Simma B. 1984. *Universelles Völkerrecht. Theorie und Praxis*. Berlin: Duncker&Humblot. 956 s.
 50. Vidmar Ju. 2011. Norm conflicts and hierarchy in international law: towards a vertical international legal system? – *Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights*. Ed. by Erika de Wet and Jure Vidmar. Oxford: Oxford University Press. P. 13– 41. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199647071.003.0002
 51. Wet E. de. 2013. Jus cogens and obligations erga omnes. – *The Oxford Handbook of International Human Rights Law*. Ed. by D. Shelton. Oxford: Oxford University Press. P. 541-561. DOI: 10.1093/law/9780199640133.003.0024
 52. Yee S. 2001. Towards an International Law of Co-progressiveness. – *International Law in the Post-Cold War World: Essays in Memory of Li Haopei*. Ed. by S. Yee, W. Tieya. London; New York: Routledge. P. 18–39.
 53. Yee S. 2014. *Towards an International Law of Co-progressiveness. Part II: Membership, Leadership and Responsibility*. Leiden; Boston: Brill / Nijhoff. 386 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004289222>

References

1. Abashidze A. Kh. Printsipy mezhdunarodnogo prava: problemy ponyatiino-soderzhatel'nogo kharaktera [Principles of International Law: Conceptual and Substantive Problems]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 19–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>
2. Aleksidze L.A. *Nekotorye voprosy teorii mezhdunarodnogo prava. Imperativnye normy. Jus cogens* [Some Issues of the Theory of International Law. Peremptory norms. Jus cogens]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta Publ. 1982. 406 p. (In Russ.)
3. Aleksidze L.A. Problema jus cogens v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Problem of Jus Cogens in Modern International Law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1969* [Soviet Yearbook of International Law, 1969]. Moscow: Nauka Publ. 1970. P. 127–149 (In Russ.)
4. Alland D. *Manuel de droit international public*. 6-ème. éd. Paris: PUF. 2019. 320 p.
5. Anners E. Den europeiska rättens historia : några huvudlinjer (Russ. ed.: Anners E. *Istoriya evropeiskogo prava*. Moscow: Nauka Publ. 1994. 397 p.)
6. Anufrieva L.P. “Osnovnye printsipy” kak kategoriya mezhdunarodnogo prava [General Principles as a International Legal Category]. – *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy XVI ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora I.P. Blishchenko. V 3-kh chastyakh. Ch.1*. Otv. red. A.Kh. Abashidze, N.N. Emel'yanova [Contemporary problems of Modern International Law: materials of the XVI annual international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor I.P. Blischenko. In 3 parts. Part 1. Ed. by A.Kh. Abashidze and N.N. Emelyanova]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN Publ. 2019a. P.186–197. (In Russ.)
7. Anufrieva L.P. Enigma rossiiskoi Konstitutsii 1993 goda:

- “obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava”. [Enigma of the Constitution of Russian Federation 1993: “Generally Recognized Principles and Norms of International Law”] – *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2019b. No. 3. P. 4–25. (In Russ.). DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25
8. Anzilotti D. Corso di Diritto Internazionale (Russ. ed.: Anzilotti D. *Kurs mezhdunarodnogo prava: Vvedenie – obshchaya chast'*. T.1. Moscow: Izdatel'stvo inostranoi literatury. 1961. 447 p.).
 9. Berman H.J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition (Russ. ed.: Berman H.J. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. 1998. 624 p.).
 10. Bobrov R.L. Osnovnye problemy teorii mezhdunarodnogo prava [Fundamental Problems of the Theory of International Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1968. 272 p. (In Russ.)
 11. Cassese A. *International Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2005. 558 p.
 12. Chernichenko S.V. Bazovye printsipy mezhdunarodnogo prava: diapazon usovershenstvovaniya [Basic Principles of International Law: scope of improvement]. – *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2020. No. 5. P. 30–35. (In Russ.)
 13. Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 2019. 872 p. DOI: 10.1093/he/9780198737445.001.0001
 14. Dohna Gr. *Die Grundprinzipien des Völkerrechts über die freundschaftlichen Beziehungen und die Zusammenarbeit zwischen den Staaten*. Berlin: Duncker&Humblot. 1973. 292 p.
 15. Fogelson Yu.B. Myagkoe pravo v sovremennom pravovom diskurse [Soft Law and the Modern Discourse of International Law]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2013. No. 5. P. 37–48. (In Russ.)
 16. Hegel G.F.W. *Nauka logiki. V 3-kh t. T.3. Sub'ektivnaya logika ili uchenie o ponyatii* [The Science of Logic in 3 volumes. Vol. 3. Subjective logic and the science of the concept]. Moscow: Mysl' Publ. 371 P.
 17. Ignatenko G.V., Malinin S.A. Novye tendentsii v mezhdunarodnom normotvorchestve [New Trends in the International Law making]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1986* [Soviet Yearbook of International Law, 1986]. Moscow: Nauka Publ. 1987. P. 32–45. (In Russ.)
 18. *International Law*. Ed. by Malcolm D. Evans. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2006. 833 p.
 19. Ispolinov A.S. Jus cogens v resheniyakh mezhdunarodnykh i natsional'nykh sudov [Jus cogens norms in judgments of international and national courts]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2014. No. 6. P. 7–14. (In Russ.)
 20. Jiménez de Aréchaga E. El Derecho internacional contemporáneo (Russ. ed.: Jiménez de Aréchaga E. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo*. Moscow: Progress Publ. 1983. 480 p.)
 21. Kadelbach St. Genesis, function and identification of jus cogens norms. – *Netherlands Yearbook of International Law* 2015. Vol. 45. The Hague: T.M.C. Asser Press. 2016. P. 147–142. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-114-2_6
 22. Kant I. K vechnomu miru [Towards perpetual peace]. – *Sobranie sochinenii v 8 tomakh. T. 7*. Pod red. A.V. Gulygi [Collection of works in 8 volumes. Vol. 7. Ed. by AV. Gulyga] Moscow: Izdatel'stvo “Choro”. Publ. P. 5–56. (In Russ.)
 23. Kelsen H. *Principles of International Law*. New York: Rinehart&Co. 1952. 461 p.
 24. Klyuchnikov A.Yu. Razvitie mezhdunarodnymi sudami obshchikh printsipov mezhdunarodnogo prava dlya vospoleniya probelov v obychnom i dogovornom mezhdunarodnom prave [Development of the general principles of international law by international courts to fill gaps in customary and contractual international law]. – *Rossiiskii sud'ya*. 2020. No. 1. P. 35–39. (In Russ.)
 25. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T.2: Osnovnye printsipy mezhdunarodnogo prava*. Otv. red. I.I. Lukashuk [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 2: General Principles of International Law. Ed. by I.I. Lukashuk]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 240 p. (In Russ.)
 26. Linderfalk U. The Effect of Jus Cogens Norms: Whoever Opened Pandora's Box, Did You Ever Think About the Consequences? – *The European Journal of International Law*. 2008. Vol. 18. Issue 5. P. 853–871. DOI: 10.1093/ejil/chm044
 27. Mälksoo L. *Russian Approaches to International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 240 p.
 28. Murphy S. D. Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens) and Other Topics: The Seventy-First Session of the International Law Commission. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue. 1. P. 68–86. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2019.74>
 29. Nefedov B.I. Printsipy v mezhdunarodnom prave: terminologiya [Principles in International Law: terminology]. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 1. P. 6–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-6-17>
 30. Nieto-Navia R. International Peremptory Norms (Jus Cogens) and International Humanitarian Law. – *Man's Inhumanity to Man. Essays on International Law in Honour of Antonio Cassese*. Ed. by Lal Chand Vohrah [et al.]. London; The Hague: Kluwer Law International. 2003. P. 595–640.
 31. Pellet A. The normative dilemma: will and consent in international law-making. – *Australian Yearbook of International Law*. 1992. Vol. 12. Issue 1. P. 22–53. DOI: <https://doi.org/10.1163/26660229-012-01-900000005>
 32. Pushmin E.A. O ponyatii osnovnykh printsipov sovremennoego obshchego mezhdunarodnogo prava [Definition of the Main Principles of the General International Law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1978* [Soviet Yearbook of International Law, 1978]. Moscow: Nauka Publ. 1980. P. 72–85. (In Russ.)
 33. Romashev Yu.S. Nekotorye podkhody k opredeleniyu uslovii formirovaniya obshchepriznannykh norm mezhdunarodnogo prava [Several approaches to the Definition of the Terms of Formation of Generally Accepted Norms of International Law]. – *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1998-1999* [Russian Yearbook of International Law, 1998-1999]. Saint Petersburg.: Sotsial'no-kommercheskaya firma «Rossiya-Neva» Publ. 1999. P. 297–305. (In Russ.)
 34. Semenov V.M. Printsipy sovetskogo sotsialisticheskogo obshchenarodnogo prava [Principles of Soviet socialist nationwide law]. – *Pravovedenie*. 1964. No. 1. P. 16-26. (In Russ.)
 35. Shaw M.N. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 1033 p.
 36. Sinyakin I.I., Skuratova A.Yu. Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens: the historical aspect and contemporary value for international law]. – *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018. Issue 41. P. 526–545. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-526-545>

37. *The Charter of the United Nations. A Commentary*. 2nd ed. Vol. I. Ed. by B. Simma. Oxford: Oxford University Press. 2002. 895 p.
38. Tolstykh V.L. 2018. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of International Law]. Moscow: Prospekt Publ. 736 p. (In Russ.)
39. Tolstykh V.L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of International Law]. Moscow: Wolters Kluwer. 2010. 1072 p. (In Russ.)
40. Tolstykh V.L. *Mezhdunarodnoe Pravo kak mifologiya* [International Law as Mythology]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2019. No. 2. P. 32–47. (In Russ.)
41. Tolstykh V.L. *Ocherk sovremennogo sostoyaniya rossiiskoi doktriny mezhdunarodnogo prava* [The current state of the Russian doctrine of international law: an essay]. – *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu*. 2016. No. 3. P. 50–58. (In Russ.) URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%85.pdf> (accessed 12.12.2020).
42. Tunkin G.I. *Pravo i sila v mezhdunarodnoi sisteme* [Law and Force in the International System]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1983. 200 p. (In Russ.)
43. Usenko E.T. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays in the Theory of International Law]. Moscow: Izdatel'stvo «Norma» Publ. 2008. 240 s. (In Russ.)
44. Ushakov N.A. *Mezhdunarodnoe pravo: osnovnye ponyatiya i terminy* [International Law: basic concepts]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta gosudarstva i prava RAN Publ. 1996. 48 p. (In Russ.)
45. Ushakov N.A. *Problemy teorii mezhdunarodnogo prava* [Problems of the Theory of International Law]. Moscow: Nauka Publ. 1988. 191 p. (In Russ.)
46. Verdross A., Simma B. *Universelles Völkerrecht. Theorie und Praxis*. Berlin: Duncker&Humblot. 1984. 956 p.
47. Vidmar Ju. Norm conflicts and hierarchy in international law: towards a vertical international legal system? – *Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights*. Ed. by Erika de Wet and Jure Vidmar. Oxford: Oxford University Press. 2011. P. 13–41. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199647071.003.0002
48. Vitzthum W. [et al.]. *Völkerrecht* (Russ. ed.: Vitzthum W. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo*. Moscow. Infotropik Media Publ. 2015. 1072 p.)
49. Vylegzhanin A.N., Potier T., Torkunova E.A. Towards Cementing International Law through Renaissance of the United Nations Charter. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No.1. P. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-6-25>
50. Wet E. de. Jus cogens and obligations erga omnes. – *The Oxford Handbook of International Human Rights Law*. Ed. by D. Shelton. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 541–561. DOI: 10.1093/law/9780199640133.003.0024
51. Yee S. *Mezhdunarodnoe pravo soprogressirovaniya: obshchaya kharakteristika, normativnoe obosnovanie i nekotorye osnovnye printsipy* [The International Law of Co-progressiveness: the descriptive observation, the normative position and some core principles]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2015. No. 5. P. 56–70. (In Russ.)
52. Yee S. Towards an International Law of Co-progressiveness. – *International Law in the Post-Cold War World: Essays in Memory of Li Haopei*. Ed. by S. Yee, W. Tieya. London; New York: Routledge. 2001. P. 18–39.
53. Yee S. *Towards an International Law of Co-progressiveness. Part II: Membership, Leadership and Responsibility*. Leiden; Boston: Brill / Nijhoff. 2014. 386 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004289222>

Информация об авторе

Людмила Петровна Ануфриева,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

lpnufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

About the Author

Ludmila P. Anufrieva,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lpnufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

ПРАВО И ПОЛИТИКА

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-28-45>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 20.12. 2020
Принята к публикации: 28.02.2021**Юрий Ильич СКУРАТОВ**Российский государственный социальный университет
Вильгельма Пика ул., д. 4-1, Москва, 129226, Российская Федерация
skuratov_yi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2126-2005

ЕВРАЗИЙСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. Эффективность внешней, в том числе международно-правовой политики любого государства, зависит в том числе от ее научности, концептуальной обоснованности, опоры как на понимание объективных законов мирового развития, так и на точную оценку места и роли соответствующего государства в этом процессе. Создание такой концепции должно быть основано на синтезе природных, социально-экономических, политических и культурных факторов, характеризующих состояние страны, на оценке ее участия в международном разделении труда, совместных проектах и программах развития, ее роли в обеспечении устойчивого развития и в глобализационных процессах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье анализируются доктрины и тенденции международно-правовой политики Российской Федерации, находящей выражение прежде всего в международных договорах нашей страны, политико-правовых заявлениях руководителей государств, а также в политико-правовой практике межгосударственных отношений. При проведении исследования использовались общенаучные методы: исторический, формально-юридический, системный анализ, сравнительное правоведение и др. Помимо данных науки международного права, использовались научные категории и конструкции других общественных наук (историософии, политоло-

гии, социологии, теории и истории государства и права).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что одним из основных концептов современной международно-правовой политики являются положения классической евразийской доктрины. Геополитический концепт Россия – Евразия призван обеспечить баланс западного и восточного векторов правовых основ внешней политики страны, предопределяет всю ее политическую историю, обуславливает принципы и стандарты современной жизнедеятельности. Большое значение для внешнеполитической доктрины России, ее международно-правовой политики имеет евразийский постулат о «месторазвитии» нашей страны, особенностях ее культуры, существовании цивилизационной общности. Цивилизационный подход к оценке потенциала России – Евразии должен лежать в основе определения масштабов и характера внешней политики России. По своему историческому масштабу наша страна не может рассматриваться как региональная держава даже несмотря на проблемы и трудности современного этапа ее развития. Евразийская доктрина, основные постулаты которой нашли отражение в концепции внешней политики Российской Федерации, помогает выработать правильные подходы к решению современных проблем мирово-

го развития, в частности, таких вызовов, как глобализация, модернизация, всплеск идеологии национализма и т. д.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Обсуждение концептуальных правовых основ внешней политики Российской Федерации в научной литературе зачастую носит фрагментарный характер и осуществляется в отрыве от поиска национальной идеи России. Различие подходов к решению данной проблемы в значительной степени затрудняет выработку официальной международно-правовой доктрины внешнеполитического курса страны, не дает возможности четко определить ее национальные интересы. Очевидно, что обсуждение двух названных проблем должно осуществляться в рамках единого познавательного процесса. Национальная идея должна, с одной стороны, стать базовой категорией концепции международно-правовой политики России, а с другой – конечным результатом ее творческого развития. Практическая реализация евразийского проекта потребу-

ет от нашей страны внесения серьезных корректив во внешнюю политику, обеспечения ее разновекторности, поиска баланса между Востоком и Западом в дипломатический, политический, гуманитарной, правовой и иных сферах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: евразийская доктрина, Россия – Евразия, евразийская многонационация, евразийский полицентризм мира, международный правопорядок, евразийская правовая интеграция, Евразийский экономический союз

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Скуратов Ю.И. 2021. Евразийские основы международно-правовой политики Российской Федерации. – Московский журнал международного права. № 1. С. 28–45. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-28-45>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

LAW AND POLITICS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-28-45>

Yuri I. SKURATOV

Russian State Social University

4-1, ul. Wilhelma Pika, Moscow, Russian Federation, 129226

skuratov_yi@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2126-2005

Research article
Received 20 December 2020
Approved 28 February 2021

EURASIAN BASIS OF THE INTERNATIONAL LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

INTRODUCTION. One of the conditions for the effectiveness of the foreign policy of any state, including its international legal policy, is its scientific character, conceptual validity, reliance on understanding both the objective laws of world development and an accurate assessment of the place and role of the respective state in this process. The creation of such a trend should be based on the synthesis of natural, social, economic, political and cultural factors that characterize the state of

the country, an assessment of its participation in the international division of labor, joint projects and development programs, its role in ensuring sustainable development and globalization processes.

MATERIALS AND METHODS. The article analyzes the doctrines and tendencies of the foreign policy of the Russian Federation, international treaties of Russia, statements by the leaders of states, as well as the political practice of interstate relations. During the research

general scientific methods were used: system analysis, historical, formal - legal, comparative, etc. In addition to the materials of the doctrine of international law, scientific categories and constructions of other social sciences (historiosophy, political science, sociology, theory and history of state and law) were used.

RESEARCH RESULTS. The study made it possible to come to the conclusion that one of the main concepts of modern international politics is the provisions of the classical Eurasian doctrine. The geopolitical concept of Russia - Eurasia is designed to ensure a balance between the western and eastern vectors of the country's foreign policy, predetermines its entire political history, determines the principles and standards of modern life. Of great importance for the foreign policy doctrine of Russia is the Eurasian postulate about the "local development" of our country, the peculiarities of its culture, the existence of a civilizational community. A civilizational approach to assessing the potential of Russia - Eurasia should underlie the determination of the scale and nature of Russia's foreign policy. In terms of its historical scale, our country cannot be regarded as a "regional power" even despite its problems and difficulties of the current stage of development. The Eurasian doctrine, the main postulates of which are reflected in the foreign policy concept of the Russian Federation, makes it possible to find the right approaches to solving modern problems of world development, in particular, such challenges for our country as globalization, modernization, the ideology of nationalism, etc.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The discussion of the conceptual base of the foreign policy of the

Russian Federation in the doctrine is fragmentary, often carried out in isolation from the search for the national idea of Russia. The difference in approaches to solving this problem significantly complicates the development of an official doctrine of the country's foreign policy and does not make possible to clearly define its national interests.

It is obvious that the discussion of these problems should be carried out within the framework of a single cognitive process, the national idea should, on the one hand, become the basic category of the concept of Russia's foreign policy, and on the other, the final result of its creative development. The practical implementation of the Eurasian project by Russia will require making serious adjustments to the country's diplomacy, ensuring its multi-directional, western and eastern balance in the diplomatic, political, humanitarian, legal and other scopes of life.

KEYWORDS: Eurasian doctrine, Russia – Eurasia, Eurasian multinational nation, Eurasian polycentrism of the world, international legal order, Eurasian legal integration, Eurasian Economic Union

FOR CITATION: Skuratov Yu. I. Eurasian Basis of the International Legal Policy of the Russian Federation. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 1. P. 28–45. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-28-45>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Концепция внешней политики любой страны определяется прежде всего тем, как она позиционирует себя в современном мире, какой видит свою роль, место в планетарной системе координат. Это место определяется экономической и военной мощью государств и их союзов, численностью населения, научно-технической оснащенностью, владением передовыми технологиями и т. д. Вместе с тем крайне значимую роль в борьбе за мировое лидерство играет идейная состоятельность тех или иных субъектов международной политики. Мировые игроки, имеющие претензии на глобальное лидерство, предлагают проекты (модели) грядущего мироустройства и своего места в нем. Такие

проекты можно назвать панидеями – идеями-концепциями, которые, как отмечал еще более ста лет назад немецкий геополитик К. Хаусхофер, провозглашают большие цели и становятся жизненными формами будущего [Хаусхофер 2001:253].

В современных условиях можно выделить:

- панамериканскую идею, которая выступает как символ нового мирового порядка и глобализации по американскому образцу;
- панъевропейскую идею Большой Европы, позиционирующей себя как мощный центр силы, обладающий огромными потенциями в экономической, гуманитарной и других областях;
- панкитайскую идею, ставящую целью объединение Великого Китая, модернизацию экономики, превращение Китая в сверхдержаву;

– панисламскую идею, строящуюся на уверенности в неизбежном расширении мусульманского мира и создании Всемирного халифата.

Можно говорить и о других панидеях, в частности японской, предлагающей обгоняющее развитие [Буянов 2009: 7].

В этой связи В. Буянов отмечает, что «Россия не может влиться ни в один из названных цивилизационных проектов: это не позволит ни российская идентичность, ни ее собственные амбиции. Россия сегодняшних дней более близка к евро-американской модели «прогресса». Но парадигма «догоняющего» развития чрезвычайно опасна, ибо все больше ставит под вопрос субъектность России, грозит превращением ее в объект хозяйствования лидирующих стран Запада» [Буянов 2009:8; Kazharski 2013:7]. В этой же связи нельзя пройти мимо высказывания известного геополитика З. Бжезинского о том, что «сделанный Россией... выбор... предоставил Западу стратегический шанс. Он создал предпосылки для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества все дальше и дальше вглубь Евразии... и, в первую очередь, в некогда заповедную зону российского ближнего зарубежья» [Бжезинский 2008:214]. В Москве, похоже, наконец-то осознали, что в главных структурах Европы – Евросоюзе и НАТО – никто Россию не ждет. Она просто не поместится туда ни экономически, ни политически, ни географически. В том числе и поэтому можно, на наш взгляд, согласиться с утверждением, что «чисто западническая линия для России исчерпана» [Иванова 2007:382], хотя многие российские политики с этим могут поспорить.

С учетом всего сказанного В. Буянов полагает, что Россия в состоянии выработать и реализовать собственную концепцию развития, идущую в русле ее идентичности и имеющую глобальный характер. Эту концепцию все чаще обозначают как «русский мир», суть ее сводится к консолидации вокруг России всех русскоговорящих людей, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, к использованию их научного, культурного, социального потенциала для утверждения ведущей роли отечества в мировом сообществе [Буянов 2009:7–22].

Несколько иной подход к формированию идейных основ современной внешней политики России предлагают авторы монографии «Национальная идея России». Они полагают, что способами позиционирования страны в геополитическом пространстве могут быть либо

идеология, либо национальная идея, акцентирующая систему национальных ценностей данной страны. А поскольку идеология достаточно неустойчивое явление, распространяющее свое влияние не больше, чем на три-четыре поколения людей, России, чтобы не раствориться в процессе глобализации и не потерять государственный суверенитет и идентичность, необходимо опираться на ценностный концепт, аутентичный собственному генетическому коду, своей истории и миссии в глобальном мире [Якунин и др. 2012:3735]. Этот позиционный концепт должен, по мнению авторов, отвечать следующим требованиям: иметь позитивный и конструктивный характер; отражать духовно-нравственные ценности, исторические и культурные коды страны, специфику ее политической и экономической системы; быть понятием содержательно простым и одновременно емким, привлекательным, чтобы его могли принять и поддержать представители всех наций, всех народов поликультурной и многоконфессиональной страны; обладать мобилизационной силой, вызывать у людей желание участвовать в его реализации; способствовать самоидентификации страны и нации, давать ответы на вопросы: кто мы? зачем мы? чем мы отличаемся от других? [Якунин и др. 2012:3736–3739]?

Исходя из этих принципов, авторы предлагают варианты возможного позиционирования России:

- либеральный концепт;
- коммунистический концепт;
- социал-демократический концепт;
- евразийский концепт;
- профессиональный концепт;
- национальный концепт;
- цивилизационный концепт.

Проводя сопоставление потенциалов этих концептов, авторы отмечают определенную перспективу для евразийского концепта, но акцентируют внимание на двух его недостатках. Во-первых, эта идея содержит жесткое противопоставление России как евразийской страны Западу, закладывает определенную стратегическую уязвимость. Действительно, для России характерны довольно большие отличия от англо-саксонской модели по целому ряду серьезных параметров, однако при этом она имеет и признаки европейской цивилизации. Во-вторых, евразийская идея характеризуется сложностью прочтения, полисемантикой смысла. Есть и важная семантическая и сущностная слабость этой

идеи, вытекающая из ее несамоопределенности, некой вторичности, гибридации, в контексте которой евразийство – нечто подчиненное, перемешанное из базовых ингредиентов... [Якунин и др. 2012:3737-3738]. В заключение авторы делают вывод: «несомненно заслуживающая внимания идея является достаточно чуждой широким массам населения и не обладает для них нужной степенью аутентичности и аттрактивности» [Якунин и др. 2012:3738]. В итоге авторы высказываются в пользу цивилизационного концепта, который «отвечает необходимым требованиям и принципам. Он соответствует принципу аутентичности, так как имеет в виду уникальную, самобытную цивилизацию великой державы, акцентирует особость, неповторимость исторического пути и миссии России, позволяет четко позиционировать страну в условиях многополярного мира» [Якунин и др. 2012:3738].

Отмечая в целом оправданное желание как названных выше, так и многих других авторов сформулировать своего рода национальную идею страны, обеспечивающую ее позиционирование в глобальном мире, следует высказать некоторые сомнения в пригодности для этой роли предлагаемых ими вариантов.

При всей актуальности и значимости стратегии «русского мира», направленной на консолидацию русскоговорящих вокруг России, поддержку русской культуры и языка, на эффективную работу с диаспорой, евразийский проект России более масштабен, поскольку опирается на духовную культуру не только русского народа, но и других народов России, а также Евразии в целом. Этот проект более органичен для России и с точки зрения его наднациональной, общецивилизационной природы. Естественно, что русской культуре и русскому языку в евразийском проекте принадлежит ключевая роль.

Позиция, отдающая предпочтение так называемому цивилизационному концепту в ущерб евразийскому, представляется спорной. Во-первых, недопустимо противопоставление этих концептов. Евразийский подход, как мы уже отмечали, и есть по своей сути общецивилизационный подход, базирующийся на идее существования России – Евразии как особой цивилизации, не сводимой ни к европейской, ни к азиатской, ни к какой другой. Во-вторых, по степени конкретности постановки вопроса цивилизационный концепт еще более абстрактен, чем евразийская идея, придающая уже своим названием определенную геополитическую на-

правленность цивилизационной доминанте России. В-третьих, евразийская идея России опирается на стройную, основательно проработанную комплексную концепцию, доктрину, сохранившую свою актуальность и подтвердившую на практике достоверность своих прогностических элементов. Общецивилизационная концепция России в значительной степени отстает от уровня завершенности разработки евразийской идеи, она в целом представляет довольно разновекторный конгломерат подходов, течений, идей, взглядов. В этих рамках уместились и проводимая в перестроечный и постсоветский периоды политика заимствования общечеловеческих ценностей, оказавшихся по сути чисто западными идеалами, и прямой перенос на российскую почву крайне либеральных взглядов и конструкций, и некоторое наблюдаемое в последнее время охлаждение интереса к этим идеям, попытка найти выход в православной вере и т. д. Поэтому, на наш взгляд, нужно не противопоставлять эти два вектора развития отечественной научной мысли, а обеспечить новый исторический синтез, который позволит углубить и адаптировать каждый из них применительно к условиям современной России.

В-четвертых, вряд ли можно согласиться с упреком в адрес евразийцев из-за их антизападного настроения. Эта тема достаточно широко используется в спекулятивных целях критиками евразийства как научного течения. Да, безусловно, в ряде публикаций евразийских авторов можно найти резкие, нелицеприятные оценки европейского Запада, высказанные в пылу полемики при обсуждении политики западной экспансии в Россию и т. д. Иное дело, когда речь идет о принципиальной позиции. Да и самый глубокий смысл евразийства состоит в историческом синтезе начал европейской и азиатской культур, который исключает какое-либо оголтелое антизападничество.

В-пятых, нельзя согласиться и с упреками в адрес евразийства относительно его «несамоопределенности», некой вторичности, «гибридации», его «подчиненности», «перемешанности базовых ингредиентов». Интересно было бы посмотреть, какую мировую культуру авторы считают чистой, неперемешанной и негибридной? Примечательно в этой связи высказывание П. Н. Савицкого, которое характеризует его понимание евразийской культуры: «Новую культуру, – писал он, – можно смешивать со старыми и счесть простой комбинацией их элементов толь-

ко в том случае, если мы, стремясь ее познать, смотрим не на ее субъект, а на еще не освоенный им строительный материал – на окружающую его среду и на еще не переваренные им инородные тела. Когда мы говорим об "элементах" культуры, о ее "заимствованиях" и о "влиянии" на нее, мы делаемся жертвой поверхностных наблюдений, принимая за свойственное культуре то, что еще ею не освоено, или называя чужим то, что когда-то было чужим, но зато и совсем другим. С внешней точки зрения нет самостоятельных культур, ибо ни одна из известных нам не свалилась готовой с неба, но все родились в какой-то уже существовавшей среде других культур. Но по существу всякая культура в собственном смысле этого слова самобытна и рождается как нечто абсолютно новое и специфическое, что мы и выражаем, когда говорим об "идее" или "духе" данной культуры» [Савицкий 1997:21]. И далее: «Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта как симфонической личности. Нам уже недостаточно того смутного культурного самосознания, которое было у славянофилов, хотя мы и чтим их как наиболее нам по духу близких. Но мы решительно отвергаем существо западничества (не Запада как такового. – Ю.С.), т. е. отрицание самобытности и, в конце концов, самого существования нашей культуры» [Савицкий 1997:20–21].

И, наконец, последнее. Можно отчасти согласиться с тем, что для распространения евразийской идеи ей не всегда хватает аутентичности и привлекательности. Такого рода замечания касаются любого из современных российских концептов, о чем косвенно свидетельствует отсутствие в нашем обществе национальной идеи, консолидирующей большинство российских граждан. Вместе с тем, в силу отмеченного выше комплексного, разностороннего характера евразийского учения, вполне могут быть выделены отдельные идеи, носящие довольно привлекательный и близкий к менталитету россиян характер. Таким, например, может служить положение программного документа евразийцев о том, что «евразийское государство является государством трудящихся, государством социальной справедливости и правды» [Россия на пороге...1996:40]. Весьма привлекательна и идея братства народов Евразии, которая, по сути, выполняет роль главного постулата этой концепции.

Нельзя при этом не учитывать и то обстоятельство, что новейшая постиндустриальная эпоха радикальным образом отличается от эпохи индустриализма, когда создавалось евразийство. В этом один из его недостатков и известная историческая ограниченность. Жизнь современного общества определяется такими обстоятельствами, которых не было сто лет назад. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы не только сохранить, но и развить основные, выдержавшие испытания временем идеи уникальной концепции.

Ключевое значение для успешности евразийского проекта России будет иметь разработка алгоритма развития, отличного от развития догоняющего. Догнать и даже перегнать Запад в каких-то отраслях случалось, и не однажды. Но найти совершенно новую парадигму коренной модернизации удалось лишь раз – в результате коммунистического эксперимента. Можно его по-разному оценивать, но не следует забывать, что на протяжении ряда десятилетий СССР был историческим лидером, внесшим решающий вклад в разгром фашизма, открывшим космическую эру, больше других способствовавшим деколонизации мира [Буянов 2009:11]. При любом отношении к социальной модели нашего бывшего государства очевидно, что сам факт его существования, масштаб деятельности, влияние на мировое развитие еще долгое время будут сказываться на внешней и внутренней политике современной России.

2. Основные положения евразийской концепции в контексте международной политики России.

Какие же постулаты классической евразийской концепции имеют наиболее важное значение для современной международной политики РФ?

Очевидно, что прежде всего речь должна идти об обоснованных евразийцами *особенностях географического положения*, определяющего геополитическое позиционирование России – Евразии. По мнению А. Г. Дугина, евразийцы, и прежде всего П. Н. Савицкий, были первыми российскими учеными, освоившими это направление науки об обществе. «Оппозиция Востока и Запада, буржуазного меркантилизма и либерализма, с одной стороны, и идеократических форм – с другой, прекрасно осознавалась и осмыслялась евразийцами» [Дугин 1997:255].

Евразийская геополитика представляет собой концептуализацию стратегических, культурных и духовных интересов русских земель как «географической оси истории». «У евразийцев "ось истории" обретает свой голос, пронзительно и однозначно заявляет о себе» [Дугин 1997:255].

Геополитический концепт «Россия – Евразия», связанный с обеспечением баланса западного и восточного векторов ее внешней политики, предопределяет всю политическую историю страны, а также обуславливает и современные императивы ее международной жизнедеятельности. «История последних двух столетий свидетельствует, – справедливо отмечает М. Л. Титаренко, – что любые попытки российской политики действовать, склоняясь в одну сторону, будь то к Европе или Востоку, неизбежно ведут к расквашке фундамента общества и подрывают основы культурной идентичности народов, лишают страну гибкости в принятии ключевых решений о своем будущем. Лишь осознание неразрывной целостности двух важнейших сторон государственной идентичности, т. е. западной и восточной, позволяет России уверенно и стабильно двигаться вперед, сохранять добрые отношения сотрудничества и соразвития между всеми народами, населяющими нашу страну» [Титаренко 1998:88].

Важное значение для внешнеполитической доктрины России имеет евразийский постулат о месторазвитии нашей страны как неотъемлемой характеристике ее географического и геополитического статуса в мире. Всесторонняя и детальная разработка данной категории как уникального сплава природных, социально-экономических и культурных факторов по праву может претендовать на научное открытие мирового значения. Не повторяя уже высказанные соображения на этот счет, заметим, что учет природных особенностей и социально-экономического обустройства территории государства (России) крайне важен не только для внутреннего развития страны, но и для международного сотрудничества¹. Речь идет об участии в международном разделении труда, о совместных экономических проектах и программах, о международной торговой деятельности и т. д.

Крайне важную роль фактора внешнеполитической деятельности современной страны играет евразийский концепт, связанный с пониманием

России – Евразии как особого, самостоятельного *культурного мира*. Именно евразийцам принадлежит ряд важных для современного международного права подходов относительно понимания роли культуры как фактора цивилизационного развития. Речь идет о самобытной ценности культур всех народов, об отсутствии иерархии в оценке этих культур, об опасности утраты самобытной культуры народов и их духовной деградации при попытках насильственного приобщения «отсталых народов к благам цивилизации в процессе европеизации» [Трубецкой 2015:27] и т. д.

Соответствующий методологический подход позволил евразийцам развить идею Н. Я. Данилевского и славянофилов о *полицентризме мира*, утверждающую, что мир состоит не из мирового центра (как правило, Западной Европы) и остальной периферии, а из ряда равноправных центров-цивилизаций, к числу которых относится и Россия – Евразия. Каждый из этих центров самодостаточен, отличается выраженным своеобразием и историческим опытом и должен развиваться через самопознание населяющих его народов и тем самым осуществлять свое назначение на земле [Россия на пороге...1996:25]. Идея полицентризма отрицает и существование универсального процесса, а также линейность исторического развития. В дальнейшем она была развита в трудах Л. Н. Гумилева, обосновавшего концепцию этногенеза, т. е. этнического развития цивилизаций (этносов, суперэтносов) [Кендердайн 2020:258–268].

Синтез географического (геополитического) подхода к пониманию роли России – Евразии в мире, исследования ее месторазвития, а также особенностей культуры дали евразийцам основания вести речь о существовании на ее просторах особой цивилизационной общности. Стержнем этой цивилизационной общности выступает внутреннее единство и целостность культуры. Россия, «как и другие многонародные культурные единства, индивидуализирует человечество, являя его единство во взаимообщении с ними, и потому, осуществляя себя, осуществляет свою общечеловеческую, "историческую миссию"» [Россия на пороге...1996:22]. Цивилизационный подход к оценке сути и одновременно потенциала России –

¹ Так, П.Н. Савицкий, в частности, отмечает, что естественные богатства Евразии и их распределение открывают ей путь к экономическому самодавлению и превращают её в континент-океан [Савицкий 1997:21].

Евразии должен лежать в основе оценки масштабов и характера внешней политики современной России. Отсюда следует, что и по своему историческому масштабу Россия определенно не может рассматриваться как региональная держава, даже несмотря на наличие проблем и трудностей современного государственного строительства.

Важнейшее положение евразийской доктрины связано с оценкой особой роли русского народа, русской культуры в России – Евразии. Недобросовестные критики евразийства приписывают ему недостаточную «русскость», недооценку значимости великорусского начала в основных постулатах этой концепции [Нарочницкая, Мяло 1995:128–137]. Между тем особая роль русского народа и его культуры выступает отправной точкой теоретических построений и практических выводов классического евразийства. «Определяя русскую культуру как евразийскую, – отмечает П. Н. Савицкий, – евразийцы выступают как осознатели русского культурного своеобразия. В этом отношении они имеют еще больше предшественников, чем в своих чисто географических определениях. Таковыми в данном случае можно признать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского (как философов-публицистов). Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления» [Савицкий 1997:44]. Поэтому, с одной стороны, без определяющей, стержневой роли русского народа бессмысленны все евразийские построения и конструкции. С другой – без евразийства невозможно адекватно оценить роль русского народа, русского начала в мировой истории. Отсюда следует, что современные внешнеполитические доктрины России («русский мир», «русская доктрина» и др.), ориентированные на придание нового импульса развитию русского этноса, также имеют евразийские корни.

Для выстраивания модели внутренней и внешней политики современной России крайне значимую роль играют евразийские подходы к формированию нового типа *межнациональных и межконфессиональных* отношений в пределах России – Евразии. «Важнейшей стороной евразийской концепции, помимо географичности, является ее этнологичность. Основоположники евразийского учения не только уделяли боль-

шое внимание этническим проблемам России, но и превратили этническую составляющую в один из стержней своей концепции» [Россия на пороге...1996:26]. Важнейшим фактором, благодаря которому в пределах евразийского пространства был накоплен уникальный опыт межнационального и межконфессионального сотрудничества, стала русская культура. «Русская культура, – справедливо отмечают авторы фундаментального труда "Русская доктрина", – это высочайшая культура усвоения социальных ценностей. Русские, усваивая культурные богатства различных традиций, предпочитают ни от чего не отказываться, ни от чего не отречься. Благодаря этому качеству нашей культуры в России может ужиться все ценное, что выработало человечество» [Русская доктрина ...2008: 29-30]. Введенная евразийцами задолго до современных научных разработок категория «российская (евразийская) многонародная нация» в концентрированном виде отражает высочайшие стандарты межнационального согласия, взаимного учета интересов. Поскольку внешняя политика есть, по сути, предложение внутренней, то очевидно стремление России культивировать эти же ценности и принципы в своих международных делах, во взаимоотношениях с другими народами и государствами.

Вполне очевидно, что названные выше постулаты евразийской теории при желании вполне легко и органично могут быть трансформированы в систему *принципов внешней политики* современной России. В этой связи в научной литературе справедливо отмечается, что сегодня исключительно актуальна проблема того, в какой мере евразийский проект подходит для решения конкретных задач, стоящих перед Россией [The Law and Policy ... 2021:634-636]. Иначе говоря, необходимо выяснить, может ли евразийство как доктринальное учение выступать базой, основой для интегральной теории развития современной Российской Федерации или, напротив, лишь отдельные ее составляющие окажутся подходящими для включения в принципиально иную по духу теорию. Последнюю, разумеется, можно в политических целях назвать евразийской (неоевразийской), но она будет иметь с первоначальным (доктринальным) учением лишь внешнее и отдаленное сходство [Россия на пороге...1996:38–39]².

² Можно согласиться и с другим утверждением авторов: «Представляется, что российско-евразийская цивилизация, объединяющая многочисленные народы Восточной Европы и Азии, окончательно не сложилась ни к 1917 г., когда

На сегодняшний день можно констатировать, что классическая евразийская концепция довольно выборочно, фрагментарно используется во внешней и в особенности во внутренней политике современной России. Прежде всего, это было свойственно для первого этапа развития страны как самостоятельного субъекта международного права, для которого был характерен явный крен в сторону некритического заимствования западных либеральных ценностей (вариант описанной евразийцами европеизации России). Поскольку Россия вступила на рыночный путь со значительным опозданием, ее конкуренты не просто ушли далеко вперед в области развития общественных институтов, а создали ситуацию, при которой массовое использование их моделей развития в прошлом зачастую делало невозможным успешное следование этим моделям в настоящем. В экономике это выражается в доказанности невозможности успешного догоняющего развития, в жизни – примером, когда колея на дороге углубляется и разбивается так, что пользоваться ею становится невозможно. Кроме того, развитые страны, пользуясь правом первооткрывателя и доминирующим политическим влиянием (которое при либеральных реформах 1990-х годов носило характер прямого внешнего управления), весьма последовательно проводили политику сдерживания России в выгодном для себя промежуточном состоянии, когда она не грозит соседям своим разрушительным и для них крахом, но не способна не только защищать, но даже и осознавать свои национальные интересы [Деягин 2002:31].

В последние годы наметилась тенденция выравнивания одностороннего уклона к западным либеральным ценностям, постепенного осознания исторической традиции и поиска идентичности страны во внутренней и внешней политике. Определенные надежды вселяет провозглашенная В. Путиным приверженность идеи евразийской интеграции³, а также последние акценты во внешней политике РФ.

Перестройка на евразийские рельсы происходит не всегда последовательно, общественно-политическое сознание меняется не столь быстро,

как хотелось бы. Даже в важных концептуальных оценках наблюдаются спорные, не вписывающиеся в классическую евразийскую концепцию тезисы. Так, в одном из программных документов применительно к евразийскому вектору развития страны утверждается: «Евразийский союз – открытый проект. Его развитие не противоречит европейскому выбору. Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии рыночных законов»⁴. Во-первых, подлинно евразийская политика России исключает сугубо европейский выбор, поскольку имеет двухвекторную направленность: на Запад и Восток. Во-вторых, не бесспорно утверждение об универсальном характере интеграционных принципов ЕС и Евразийского союза. Интеграционные подходы могут, конечно, содержать общие моменты, но в целом они определяются спецификой субъектов интеграции, ее целями, задачами, степенью единения соответствующих сфер общественной жизни, а также традициями, культурой и т. д. Наконец, в-третьих, вполне очевидно, что ценности свободы, демократии и даже рыночных законов отличаются различным наполнением. И далеко не все европейские ценности воспринимаются евразийским сообществом народов и государств. При этом, конечно, крайне осторожно нужно отнестись и к получившему достаточно широкое распространение у политологов тезису о «Великой Европе от Лиссабона до Владивостока», который, по сути, стирает Евразию с политической карты мира. Именно в этом направлении подталкивает Россию и небезызвестный З. Бжезинский: «Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, – это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа, а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО. Такая Европа... по-прежнему тесно связана с Америкой» [Бжезинский 1998:142-143].

рухнула империя, ни к 90-м годам, когда рухнул Союз. Все это говорит о цивилизационной хрупкости России-Евразии» [Россия на пороге... 1996:39]. Вместе с тем реальное развитие политической практики не всегда свидетельствует об ущербности самой идеи.

³ См.: Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. — *Известия*. 4.10.2011.

⁴ Там же.

Вместе с тем следует констатировать, что за последние годы евразийский вектор внешней политики России становится все более очевидным. Утвержденная Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. Концепция внешней политики Российской Федерации достаточно широко восприняла евразийские идеи и принципы⁵.

В концепции внешней политики, оценивающей современное состояние мира, отмечается, что он «переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляется многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств»⁶. Данный тезис не только находится в полном соответствии с исповедуемой евразийцами идеей полицентричности мира, но и в значительной мере актуализирует давний их замысел о необходимости «поворота на Восток», развитии всесторонних экономических и культурных связей с этим цивилизационным полюсом, что позволит придать новый импульс обеспечению национальной безопасности России – Евразии, росту ее экономики и политического влияния в мире.

В целом, в соответствии с евразийскими установками о цивилизационной значимости России – Евразии и о полицентричности мира, концепция позиционирует Россию в качестве «одного из влиятельных центров современного мира» и ставит задачу по обеспечению безопасности страны, сохранению и укреплению ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе для увеличения ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала. Однако, очевидно, что термин «один из влиятельных центров мира» достаточно абстрактен и предполагает разные степени

влияния на мировую политику. Эта формула не исключает и роль России как мощной, но региональной державы. Вместе с тем нашей стране нужен «дееспособный» политический курс, который опирается на объективные геополитические и культурно-цивилизационные характеристики и идеологической основой которого может быть только евразийская стратегия как долговременный, многоуровневый геополитический проект. Принципы нового евразийства должны стать методологической и идейной основой долгосрочной стратегии развития и обустройства России, ее внешнеполитической доктрины [Титаренко 1998: 99].

3. Многовекторная направленность внешней политики России

В этой связи крайне важную роль приобретает изложенный в концепции внешней политики тезис: «Отличительная черта российской внешней политики – ее сбалансированность и многовекторность. Это обусловлено геополитическим положением России как крупнейшей евразийской державы, ее статусом одного из ведущих государств мира и постоянного члена Совета Безопасности ООН. Интересы страны в современных условиях диктуют настоятельную необходимость активного продвижения позитивной повестки дня по всему спектру международных проблем». Евразийские мотивы ощутимы и в положениях Концепции о восточном направлении внешней политики России: «В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями. Продолжится активное участие России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона – форуме «Азиатско-Тихоокеанское экономиче-

⁵ См. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 04.12.2020).

⁶ Там же.

ское сотрудничество», механизмах партнерства с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), включая региональный форум АСЕАН».

Одним из ключевых факторов использования потенциала классического евразийства во внешней политике является интенсивное развитие сотрудничества с Китайской Народной Республикой [Бордачев, Пятачкова 2018:33–51]. В современных условиях нарастания противоречий с Западом, попыток с помощью различного рода санкций оказать экономическое давление на Россию сотрудничество с Китаем является не просто проявлением желаемого евразийцами «исхода к Востоку», но и фактором сохранения внутриполитической и экономической стабильности страны, обеспечения национальной безопасности. «Россия будет и дальше наращивать российско-китайское стратегическое партнерство во всех областях на основе совпадения принципиальных подходов к ключевым вопросам мировой политики в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. Главной задачей в области двусторонних связей является приведение объема и качества экономического взаимодействия в соответствие с высоким уровнем политических отношений», – говорится в названной выше Концепции внешней политики России.

Евразийский подход можно проследить и в других позициях Концепции внешней политики России. Развивая евразийскую концепцию полицентризма многополярного мира, Российская Федерация отвергает претензии США и Североатлантического альянса на мировое господство, отстаивает принцип суверенного равенства государств в международном сообществе [Robinson 2020:10–37]. Неприемлемы для России политическая, экономическая и культурная экспансия какого-либо из цивилизационных центров мира. В плане конкретизации этого подхода Концепция внешней политики отстаивает тезис о повышении управляемости мирового развития, но не за счет существования единого центра управления в лице какой-либо страны или группы (блока) самых «развитых» стран, а путем создания саморегулируемой международной системы, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении к центральной и координирующей роли ООН. В этих целях «Россия будет наращивать

взаимодействие в таких форматах, как «группа восьми» и ее диалог с традиционными партнерами, «тройка» (Россия, Индия, Китай), «четверка» БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), а также с использованием других неформальных структур и диалоговых площадок». Очевидно, что Россия с точки зрения и географического, и цивилизационного принципа вписывается в систему коллективного лидерства ведущих государств мира.

Евразийскую природу имеет и установка концепции о том, что «Россия как многонациональное и многоконфессиональное государство способствует диалогу и партнерству между культурами, религиями и цивилизациями, последовательно проводит эту линию в рамках ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, Совета Европы и других международных и региональных организаций, в контексте с Организацией Исламская конференция; поддерживает соответствующие инициативы гражданского общества, активно взаимодействует с Русской православной церковью, другими основными конфессиями страны». С учетом идей евразийской интеграции в Концепции внешней политики России определены региональные приоритеты внешней политики страны: Союз России и Беларуси, ЕАЭС, СНГ, ШОС и др. [Arbatova 2019:7–24; Podadero 2017:40]. В контексте поддержки «русского мира» сформулированы подходы к взаимодействию с диаспорой. Предусмотрены механизмы участия республик других регионов России во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности и т. д.

Оценивая в целом Концепцию внешней политики России как важнейший доктринальный документ международно-правового характера, можно утверждать, что евразийство составляет одну из стержневых идей этого акта. Принципиально важно не утратить данный евразийский фактор-потенциал, закрепить и развить его в системе международно-правовых договоров, заключаемых на двусторонней и многосторонней основе и, что не менее важно, реализовать в повседневной внешнеполитической практике.

Основные постулаты и принципы евразийской доктрины дают возможность найти правильные подходы при решении современных проблем мирового развития, ставших весьма актуальными за последние десятилетия. Речь идет о таких вызовах для современной России, как глобализация, модернизация, всплеск идеологии национализма и т. д.

4. Экономическая составляющая международно-правовой политики России

Глобализация, охватывающая все сферы жизни мирового сообщества, – глубоко противоречивый процесс. В нем есть элементы прогресса, в особенности технологического, объединения усилий всех стран во имя общих целей, имеющих планетарное значение (экология, борьба с эпидемиями и нищетой и т. д.). Вместе с тем в современных условиях речь идет о доминировании либеральной модели глобализации, идеологическим обоснованием которой является доктрина рыночного фундаментализма, исповедующая вредность государственного вмешательства в экономику и предписывающая демонтаж институтов госрегулирования для свободного движения капиталов [Глазьев 2016:3–29]⁷. Идеология либеральной глобализации обслуживает интересы имперского мирохозяйственного уклада, является инструментом экспансии США, претендующих на мировое господство. Отсюда в общей системе глобализации есть элементы неравенства, давления, экспансии сильнейших, а то и открытого насилия. Негативный аспект глобализации представляет собой современное состояние формы империализма [Мартышин 2016:29]. Глобализация имеет не только экономическую составляющую. Либеральная идеология распространяется и на сферу политической и правовой культуры, реализуется под флагом демократии, прав человека и правового государства.

Проведение евразийского геополитического курса потребует от руководства страны соответствующей экономической политики. Сейчас уже понятно, что само по себе включение в процесс глобализации, встраивание в сеть мировой экономики автоматически не повлечет за собой модернизации страны. Не оправдана была бы и другая крайность в экономике – политика возрождения «железного занавеса», стремление закрыться, изолироваться от мировых процессов и тенденций. Необходим поиск золотой середины, интеграции в глобальную экономику с сохранением и укреплением суверенитета. Евразийская природа России связана с ее ролью преемницы СССР, сохранившей влияние на постсоветском пространстве. Можно согласиться с тезисом,

что «евразийство в экономике возможно лишь при условии вхождения в глобализацию с сохранением контроля как минимум в масштабах постсоветского пространства. Задача наших геополитических оппонентов – включить это пространство в глобальную экономику по частям, с потерей ими своего суверенитета, задача России – интегрировать это пространство экономически и включить в мировую экономическую систему» [Дугин 2008:110].

Евразийскому подходу вполне соответствуют и предлагаемые в литературе методы противодействия либеральной глобализации. «Имперский мирохозяйственный уклад, который идеологически обслуживали доктрины рыночного фундаментализма, уступает место интегральному, чьей идеологической основой является системный подход к достижению гармонии интересов на базе роста общественного благосостояния и теория устойчивого развития» [Глазьев 2016:3–29]. Идеологическим фундаментом для нового миропорядка может стать концепция социально консервативного синтеза, объединяющая систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития [Глазьев 2006:71–76].

Трансформация евразийского учения в принцип внешней политики РФ предполагает учет и других аспектов общемировой тенденции глобализации, т. е. формирования общемирового и регионального экономического, информационного, социального и политического пространства. Этот процесс сопряжен с интернационализацией многих юридических институтов. Формирование новых экономических и иных отношений вне существующих государственных границ в различных сферах деятельности людей, организаций и государств происходит на основе права, т. е. в результате заключения различных рода соглашений, договоренностей между государствами или группами государств. Другими словами, одновременно с экономической глобализацией отчетливо наблюдаются процессы глобализации права, или юридической глобализации [Овчинников, Овчинникова 2002:13], которые требуют комплексной разработки. При этом не только происходит своеобразное давление норм международного права на национальные правовые

⁷ «На самом деле, – пишет С. Н. Бабурин, – современные теории глобализации в политическом плане понимают под этим термином интернационализацию и интеграцию экономической и всей общественной жизни с акцентом на признание универсальности западного общества и его пригодности в качестве образца для всех народов. В конечном счете под глобализацией подразумевается не что иное, как установление нового миропорядка» [Бабурин 2005:651].

системы, но и, наоборот, международно-правовые стандарты формируются на базе наиболее эффективных и передовых норм и механизмов внутригосударственного права.

5. Юридические основы евразийского подхода

Вместе с тем оценка роли *правового фактора* в контексте евразийского подхода не сводится только к его задачам применительно к процессам глобализации. Речь идет о правовом обеспечении евразийского внешнеполитического курса России в целом. Представляется, что эта задача является комплексной, масштабной по своему объему и включает в себя:

а) обеспечение стабильности существующего международного правопорядка, исключение попыток ряда государств сломать сложившуюся систему международного права за счет переформирования ее на базе собственных, национальных правовых традиций;

б) активное участие в выработке универсального общецивилизационного правового порядка, приемлемого не только в области регулирования международных отношений, но и в качестве общепризнанного инструмента разрешения неизбежных коллизий на уровне межрегиональной кооперации;

в) активную роль в создании прочной международно-правовой основы для обеспечения интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза;

г) обеспечение гармонизации международно-правовой базы евразийского вектора внешней политики России с внутренним национальным законодательством страны;

д) создание международно-правовой инфраструктуры для усиления восточного вектора международной политики России.

Часть важных задач в вопросе сохранения стабильного миропорядка была сформулирована Концепцией внешней политики России. Определена линия России на «укрепление правовых основ международных отношений, добросовестное соблюдение международно-правовых обязательств». Поддержание и укрепление международной законности – одно из приоритетных направлений деятельности нашей страны на международной арене. «Верховенство права в международных отношениях призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их интересов,

а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом». Акцент на сохранении и укреплении международно-правовых основ миропорядка со стороны России вполне оправдан, поскольку его фундамент закладывался еще при существовании сверхдержавы – Советского Союза и отражает геополитические интересы современной Российской Федерации, пока не имеющей такого веса и влияния в мире [Lagutina 2014:96]. Вместе с тем существующая международно-правовая основа внешней политики страны дает определенную временную фору России для раскрытия ее огромного цивилизационного потенциала и обретения большего влияния на мировую политику.

Мировая экспансия проатлантистских режимов не только сводится к сфере экономики, но и ощутима в сфере противостояния правовых систем, одна из форм выражения которого связана с геополитическим различием евразийской (континентальной) и англо-саксонской правовых моделей. Регулирование имущественных прав, методики расчетов прибыли и прогнозирования рисков, осуществляемое на основе логики все более доминирующего в международных экономических отношениях англо-саксонского торгового права, ставит государства континентальной системы в своего рода неравноправное положение, ибо не позволяет аккумулировать капиталы с такой скоростью, как это происходит в случае англо-саксонской модели – гораздо менее институционально и психологически зависимой от консервативных факторов в национальной экономике. Все это напрямую связано с перспективами долгосрочной кредитно-денежной политики и вопросом об основной международной резервной валюте.

Евразийская правовая интеграция, обеспечивающая континентальную модель торгового общества, основанную не на спекулятивном подходе, а на обязательных и повсеместных инвестициях в базисную эколандшафтную инфраструктуру, должна дать симметричный ответ на вызов правовой традиции атлантизма, олицетворяющей систему хищнической эксплуатации отдельных народов. В условиях Евразии, для которой характерна крайняя пестрота составляющих ее геоэкономических ландшафтов и транзитных пространств, поддерживать ситуацию всеобщего устойчивого развития, что необходимо для мирного освоения и развития континента, крайне сложно и единственным долгосрочным решением ситуации здесь представляется

постоянное авторитетное согласование развития различных регионов континента на разных скоростях – экономических, финансовых, культурных и юридических. Ориентация на такую политику предполагает налаживание универсального институционального механизма согласования интересов и возможностей отдельных экolandшафтов, регионов и транзитных пространств в рамках совместных интересов долгосрочного устойчивого развития. Этим целям, собственно говоря, и должно служить дальнейшее развитие континентальной правовой и политической (геополитической) традиции во всех ее модусах [Бабурин 2005:651].

Активизация восточного вектора евразийской политики России связана с ее активным участием в региональной юридической глобализации *на азиатском направлении*. Безусловно, наиболее высокого уровня юридическая глобализация достигла в Европе, но эта общемировая тенденция постепенно охватывает и азиатский континент. Наглядным показателем этого является как возрастающая роль стран Азии в мировой политике, так и интеграционные процессы внутри региона: создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), создание Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), активизация АСЕАН и т. д. Так, по итогам 2020 г. в совместном коммюнике глав правительств государств - членов ШОС была отмечена важность использования потенциала стран региона, международных организаций и многосторонних объединений в интересах формирования в Евразии пространства широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного взаимодействия в соответствии с нормами международного права, прежде всего, принципами равноправия, взаимного уважения и учета национальных интересов. В очередной раз была отмечена инициатива Российской Федерации о создании Большого Евразийского партнерства с участием стран Шанхайской организации сотрудничества, Евразийского экономического союза, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, а также других заинтересованных госу-

дарств и многосторонних объединений⁸.

Немаловажную роль играет сотрудничество России с АСЕАН; в 2021 г. будет отмечаться 25-летие диалогового партнерства. По итогам состоявшегося в ноябре 2018 г. в Сингапуре саммита Россия – АСЕАН было принято важное решение о повышении партнерства Россия – АСЕАН до стратегического уровня, а также был подписан Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и АСЕАН, что заложило основу для обсуждения перспектив создания зоны свободной торговли в формате ЕАЭС – АСЕАН. Налажен регулярный диалог между Секретариатами ШОС и АСЕАН⁹.

Таким образом, задача внешнеполитического курса России – обеспечить участие в глобализации на базе евразийства, реализовать в первую очередь интересы своего многонационального народа, а также стран евразийского мира, задача же юристов – ответить на вопрос: каким образом российскому государству выстроить наиболее оптимальную систему правоотношений с азиатскими странами, их организациями? Необходимо также создать соответствующую законодательную базу для обеспечения экономического, политического и гуманитарного сотрудничества.

Изменение вектора во внешней политике требует соответствующего правового оформления на уровне международно-правовых, межгосударственных документов, правительственных и межправительственных решений, межведомственных соглашений, договоров о межрегиональном сотрудничестве территорий. Создание этого многоуровневого международно-правового механизма невозможно без глубокого знания особенностей правовой семьи, национального законодательства, правовой культуры, обычаев и правовых традиций стран Азии, вовлеченных в орбиту сотрудничества с Россией на многосторонней и двусторонней основе [Molchanov 2018:510-511].

Важнейшим фактором, определяющим необходимость резкой активизации юридических исследований правовых систем и институтов стран Азии, являются потребности правового обеспечения бурно растущего экономического сотрудничества. Согласно официальной россий-

⁸ Шанхайская организация сотрудничества: Совместное коммюнике по итогам XIX заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств – членов ШОС. Доступ: <http://rus.sectesco.org/news/20201130/696046.html> (дата обращения: 14.12.2020).

⁹ Министерство иностранных дел Российской Федерации: Диалоговое партнерство Россия – АСЕАН. Доступ: <https://asean.mid.ru/dialogovoe-partnerstvo> (дата обращения: 14.12.2020).

ской позиции, Азия считается «локомотивом» мировой экономики¹⁰. Россия производит перераспределение потоков энергетических ресурсов из Европы в Азию (проекты «Сахалин-I» и «Сахалин-II», строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан [СВСТО], проектирование и строительство газопроводов «Алтай», «Сила Сибири»). Расширяется сотрудничество с КНР: двусторонний товарооборот с Китаем в 2018 г. превысил 107 млрд долл. В 2015 г. стороны подписали совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». При этом китайская сторона заявила о поддержке активных усилий России к продвижению интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и о начале переговоров с ним о заключении соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. С Японией и Южной Кореей заключен ряд взаимовыгодных торгово-экономических контрактов, достигнуты соглашения об инвестировании Россией значительных ресурсов в газо- и нефтедобычу Индонезии и т. д.

Географическое положение России, размеры ее территории, уже существующая и планируемая инфраструктура объективно делают нашу страну связующим звеном, своеобразным транспортным мостом между Европой и Азией. Транзитные коммуникации России – это не только кратчайшее расстояние для доставки грузов. Не менее важным их преимуществом является то, что в этом случае основную часть пути грузы проходят через единое административное пространство, пересекают наименьшее число границ. Все это упрощает транзитные процедуры, сокращает время и документооборот, связанный с перевозкой, а следовательно, значительно экономит средства грузоотправителей и грузополучателей.

Дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры России связывается прежде всего с созданием целостной мультимодальной транспортной сети, основу которой составляют евроазиатские транспортные коридоры. Крупным шагом в развитии транспортной инфраструктуры Азиатско-Тихоокеанского региона стал Делийский план действий по развитию инфраструк-

туры АТР на 1997–2006 гг., поддержанный Россией. Наша страна приняла участие в 31 проекте в рамках этапа Делийского плана, в том числе в 25 проектах по транспорту. Их реализация, несомненно, будет способствовать развитию торгово-экономических связей между странами АТР и остальным миром.

Одна из главных задач России – развитие транспортной системы Сибири и Дальнего Востока. Этим объясняется интерес нашей страны к большинству транспортных проектов, реализуемых под эгидой ООН. В первую очередь следует отметить проект Комплексного развития инфраструктуры наземного транспорта в Азии, в реализации которого наиболее активно участвует Россия. Его конечной целью является интегрированная азиатская сеть наземного транспорта, а также обеспечение евроазиатских транспортных связей. Дальнейшая реализация этого проекта предполагает согласование автомобильных, железнодорожных и автомобильно-железнодорожных маршрутов Азиатской шоссейной дороги (АЖД) и Трансазиатской железной дороги (ТАЖД), их формализацию, в том числе и на основе разработки соответствующих международных соглашений [Островский 2017:974-985].

Специализированные учреждения ООН в области транспорта поддержали российскую инициативу по разработке проекта Соглашения по азиатским шоссейным дорогам, которые позволят формировать сеть основных азиатских дорог международного значения, состыковать азиатские дороги сети А с европейской сетью Е, в том числе в плане гармонизации целого ряда дорожных стандартов и процедур. С этой целью Россия в 2004 г. в Шанхае присоединилась к Межправительственному соглашению по сети азиатских автомобильных дорог, которое создает правовую основу для международной отраслевой интеграции, регламентирует деятельность государств при проведении дорожной политики, определяет основные требования к этой сети.

Россия потенциально могла бы переключить на себя значительную часть евразийских товарных потоков: при 50 % российской доли в доходности транспортных систем доход составит 1,5–2,5 трлн долл. – сумму, превышающую объем ВВП. Сегодня Россия обслуживает не более

¹⁰ Министерство иностранных дел Российской Федерации: Доклад рабочей группы СГС РФ при МИД России по вопросам участия субъектов РФ в международных организациях. 2005. № 21–22. Доступ: https://www.mid.ru/activity/coordinates_and_advisory_body/meetings/-/asset_publisher/o0D4RclCOGw8/content/id/417130 (дата обращения: 12.12.2020).

5–7 % потенциального объема евразийского рынка транспортно-логистических услуг. Утверждение России как ключевого транспортно-коммунистического звена единой евразийской инфраструктуры позволило бы сблизить ее сырьевые и промышленные регионы, способствовало бы развитию производственных комплексов и социально-экономической сферы на обширных восточных территориях [Глазьев 2018:661-662].

Все сказанное требует первоочередного развития исследований по правовому обеспечению внешнеэкономической деятельности, подготовки специалистов в сфере таможенного, инвестиционного, налогового, торгового, предпринимательского права, хорошо ориентированных в национальном законодательстве экономической сферы азиатских стран.

Важные задачи российской юридической науки, науки международного права связаны с оптимизацией роли России в международных организациях, функционирующих на азиатско-тихоокеанском направлении, с повышением эффективности их деятельности. Как уже отмечалось, Россия – полноправный член таких организаций, как Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Кроме того, Россия активно участвует в работе регионального форума АСЕАН по безопасности и азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Очевидно, что нашей стране необходимо придерживаться единой стратегии в работе этих организаций, нужны скоординированность усилий наших представителей в них, правильное определение возможностей каждой организации в реализации внешнеполитических, экономических и правовых задач, стоящих перед Россией в странах Азии, а также обеспечение своей активной, инициативной роли в текущей деятельности организаций и т. д.

Список литературы

1. Бабурин С. Н. 2005. *Мир империй. Территория государства и мировой порядок*. СПб.: Юридический центр. 1060 с.

6. Выводы

Одна из задач российской юридической науки, науки сравнительного права, связана с разработкой нормативно-правовой базы для осуществления основных направлений деятельности соответствующих международных структур, чтобы их организационный механизм был гармонизирован с национальными правовыми системами.

Практическая реализация Россией евразийского проекта потребует внесения серьезных корректив и в дипломатическую, международную деятельность страны. Необходимо обеспечить разновекторность, баланс в дипломатической, политической, гуманитарной, правовой и иных сферах. Несмотря на гигантские дипломатические усилия, сотрудничество с ЕС и Западом продвигается противоречиво, реализация программы «Партнерство для модернизации» была увязана с требованиями реформирования правовой и судебной системы России¹¹. Нашу страну и сейчас призывают «рубить окно» в Европу, поскольку без сотрудничества с ней Азия поглотит, растворит в себе Россию¹². А в последнее время мы стали прямыми свидетелями деградации политики Запада по отношению к России, выразившейся в силовом, санкционном давлении на нашу страну. В целом же именно евразийская концепция позволит нашей стране выбрать свой, российский путь развития, обеспечивающий преломление собственного и мирового опыта через призму отечественной истории, через позитивный творческий традиционализм, предлагающий глубокие и последовательные реформы в атмосфере соборности, духовной общности, социально-психологического, экономического, политико-правового единения самых различных слоев российского общества [Бабурин 2005:601]. При этом никто не призывает забыть об активной политике на европейском континенте. Однако существует настоятельная необходимость преодоления явного крена во всех сферах российской жизни в сторону сотрудничества с Европой и Северной Америкой в ущерб азиатскому направлению, что явно противоречит евразийской парадигме развития России.

2. Бжезинский З. Б. 1998. *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения. 112 с.
3. Бжезинский З. Б. 2008. *Выбор: мировое господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения. 288 с.

¹¹ Кузьмин В. Прорубить визу в Европу. – *Российская газета*. 2.06.2010.

¹² Кузьмин В. В Европу за партнерством. – *Российская газета*. 5.06.2008.

4. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. 2018. Концепция «Большой Евразии» в повороте России на Восток. – *Вестник международных организаций*. Т. 13. № 3. С. 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02
5. Буянов В. С. 2009. «Русский мир» как глобальный край. – *Вестник аналитики*. № 3. С. 7-22.
6. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. 2016. Понятие «международно-правовая политика государства». *Московский журнал международного права*. № 4. С. 21–37.
7. Глазьев С. Ю. 2006. Социалистический ответ либеральной глобализации. – *Политический класс*. № 9. С. 71–76.
8. Глазьев С. Ю. 2016. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии. – *Экономика и математические методы*. Т. 52. № 2. С. 3–29.
9. Глазьев С. Ю. 2018. *Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах*. М.: Книжный мир. 768 с.
10. Делягин М. Г. 2002. Наша задача – созидание российской цивилизации. Ключевые вопросы идеологии. – *Вестник аналитики*. № 2. С. 28-39.
11. Дугин А. Г. 2008. Экономическая безопасность постсоветского пространства. – *Вестник аналитики*. № 3. С. 104-111.
12. Дугин А.Г. 1997. *Евразийский триумф (послесловие в книге П.Н. Савицкого «Континент Евразия»)*. М.: Аграф. С. 247–259.
13. Иванова Е.В. 2007. Анализ кризиса политической культуры (социально-философский аспект). – *Международная безопасность России в условиях глобализации*. Под общ. ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова. М.: РАГС. С. 377–383.
14. Кендердайн Т. 2020. Евразийство и постсоветская политическая география. – *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 13. № 4. С. 258–268. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-4-73-258-268>
15. Мартышин О. В. 2016. Частные, национальные и глобальные интересы: коллизия нравственных ценностей. – *Государство и право*. № 12. С. 25-31.
16. Нарочницкая Н., Мяло К. 1995. Еще раз о евразийском соблазне. – *Наш современник*. № 4. С. 128–137.
17. Овчинников А.И., Овчинникова С. П. 2002. – *Евразийское правовое мышление Н.Н. Алексеева*. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ. 264 с.
18. Островский А.В. 2017. Перспективы сопряжения проектов экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. – *Вестник Российской академии наук*. Т. 87. № 11. С. 974–985. DOI: 10.7868/S0869587317110020.
19. *Россия на пороге XXI века (современные проблемы национально-государственного строительства РФ)*. Под общ. ред. В. Н. Кожемякина, А. И. Подберезкина. 1996. М.: Обозреватель. 334 с.
20. *Русская доктрина (Сергиевский проект)*. Под общ. ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. 2008. М.: Яуза-Пресс. 862 с.
21. Савицкий П. Н. 1997. *Континент Евразия*. М.: Аграф. 461 с.
22. Титаренко М. Л. 1998. *Россия лицом к Азии*. М.: Республика. 320 с.
23. Трубецкой Н. С. 2015. *Европа и человечество*. М.: Директ-Медиа. 113 с.
24. Хаусхофер К. 2001. *О геополитике: работы разных лет*. М.: Мысль. 426 с.
25. Якунин В.И. [и др.]. 2012. *Национальная идея России: коллективная монография*. М.: Научный эксперт. 4439 с.
26. Arbatova N.K. 2019. Three Faces of Russia's Neo-Eurasianism. – *Survival*. Vol. 61. Issue 6. P. 7-24. DOI: 10.1080/00396338.2019.1688562.
27. Kazharski A. 2013. Eurasian Regionalism as an Identitary Enterprise: Representations of European Other in Russian Discourse on Eurasian Integration. – *The Centre for EU-Russia Studies (CEURUS) EU-Russia Paper*. 30 p. URL: http://ceurus.ut.ee/wp-content/uploads/2011/06/EU-Russia-papers-12_Kazharski.pdf (accessed 18.12.2020).
28. Lagutina M. 2014. Eurasian Economic Union Foundation: Issues of Global Regionalization. – *Eurasia Border review*. Vol.5. No 1. P.95–113.
29. Molchanov M. A. 2018. New regionalism and Eurasia. – *Handbook of Politics in Asia*. London; New York: Routledge. P. 506–521.
30. Podadero P., Garashchuk, A. 2017. The Eurasian Economic Union and its potential relationship with the European Union. – *Revista Universitaria Europea*. No. 26. P. 37-54.
31. Robinson P.F. 2020. Russia's Emergence as an International Conservative Power. – *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 1. P. 10-37. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-10-37.
32. *The Law and Policy of New Eurasian Regionalization*. Ed. by A. Aseeva, J. Gorski. 2021. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 650 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004447875>

References

1. Arbatova N.K. Three Faces of Russia's Neo-Eurasianism. – *Survival*. 2019. Vol. 61. Issue 6. P. 7–24. DOI: 10.1080/00396338.2019.1688562.
2. Baburin S. N. *Mir imperii. Territoriya gosudarstva i mirovii porjadok* [The world of empires. The territory of the state and the world order]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Publ. 2005. 1060 p. (In Russ.)
3. Bordachev T.V., Pyatachkova A.S. Kontseptsiya «Bol'shoi Evrazii» v povorote Rossii na Vostok [The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East]. – *International Organizations Research Journal*. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 33–51. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02
4. Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership (Russ. ed.: Brzezinski Zb. *Vybor: mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 288 p.)
5. Brzezinski Zb. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives (Russ. ed.: Brzezinski Zb. *Velikaya shakhmatnaya doska*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1998. 112 p.)
6. Buyanov V. S. "Russkii mir" kak global'nyi krai ["Russian world" as a global region]. – *Vestnik analitiki*. 2009. No. 3. P. 7-22. (In Russ.)
7. Delyagin M. G. Nasha zadacha – sozidanie rossiiskoi tsivilizatsii. Klyuchevye voprosy ideologii [Our task is the creation of Russian civilization. Key issues of ideology]. – *Vestnik analitiki*. 2002. No. 2. P. 28–39. (In Russ.)
8. Dugin A. G. Ekonomicheskaya bezopasnost' postsovet'skogo prostranstva [Economic security of the post-Soviet space]. – *Vestnik analitiki*. 2008. No. 3. P. 104-111. (In Russ.)
9. Dugin A.G. Evraziiskii triumf (posleslovie v knige P.N. Savitskogo «Kontinent Evraziya») [Eurasian triumph (afterword

- in P.N. Savitsky's book "Continent Eurasia"). Moscow: Agraf Publ. 1997. P.433-455. (In Russ.)
10. Glaziev S. Yu. Mirokhozyaistvennye układy v global'nom ekonomicheskom razvítii [National Economy Structures in the Global Economic Development]. – *Ekonomika i matematicheskie metody*. 2016. Vol. 52. No. 2. P. 3–29. (In Russ.)
 11. Glaziev S. Yu. *Ryvk v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozyaistvennom ukladakh* [A leap into the future. Russia in new technological and world economic ways]. Moscow: Knizhnyi mir Publ. 2018. 768 p. (In Russ.)
 12. Glaziev S. Yu. Sotsialisticheskii otvet liberal'noi globalizatsii [Socialist response to liberal globalization]. – *Politicheskii klass*. 2006. No. 9. P. 71–76. (In Russ.)
 13. Haushofer K. *O geopolitike: raboty raznykh let* [About Geopolitics: works of different years]. Moscow: Mysl' Publ. 2001. 426 p. (In Russ.)
 14. Ivanova E.V. Analiz krizisa politicheskoi kul'tury (sotsial'no-filosofskii aspekt) [Analysis of the crisis of political culture (socio-philosophical aspect)]. – *Mezhdunarodnaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh globalizatsii*. Pod obshch. red. V.A. Mikhailova, V.S. Buyanova [International security of Russia in the context of globalization. Ed. by V.A. Mikhailov and V.S. Buyanov]. Moscow: RAGS Publ. 2007. P. 377–383. (In Russ.)
 15. Kazharski A. Eurasian Regionalism as an Identitary Enterprise: Representations of European Other in Russian Discourse on Eurasian Integration. – *The Centre for EU-Russia Studies (CEURUS)* EU-Russia Paper. 2013. 30 p. URL: http://ceurus.ut.ee/wp-content/uploads/2011/06/EU-Russia-papers-12_Kazharski.pdf (accessed 18.12.2020).
 16. Kenderdine T. Evraziistvo i postsovetskaya politicheskaya geografiya [Eurasianism and Post-Soviet Political Geography]. – *MGI/MO Review of International Relations*. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 258–268. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-4-73-258-268>
 17. Lagutina M. Eurasian Economic Union Foundation: Issues of Global Regionalization. – *Eurasia Border review*. 2014. Vol.5. No 1. P. 95–113.
 18. Martyshev O. V. Chastnye, natsional'nye i global'nye interesy: kolliziya npravstvennykh tsennostey [Private, national, and global interests: conflicts of moral values]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2016. No. 12. P. 25–31. (In Russ.)
 19. Molchanov M. A. New regionalism and Eurasia. – *Handbook of Politics in Asia*. London; New York: Routledge. 2018. P. 506–521.
 20. Narochnitskaya N., Myalo K. Eshche raz o evraziiskom soblazne [Once again about Eurasian temptation]. – *Nash sovremennik*. 1995. No. 4. P. 128–137. (In Russ.)
 21. Ostrovskii A.V. Perspektivy sopryazheniya proektov ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Prospects to interface the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union projects]. – *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 87. No. 11. P. 974–985 (In Russ.). DOI: 10.7868/S0869587317110020
 22. Ovchinnikov A.I., Ovchinnikova S. P. *Evraziiskoe pravovoe myshlenie N.N. Alekseeva* [Eurasian Legal Ideas of N.N.Alexeyev]. Rostov-on-Don: SKNTs VSh Publ. 2002. 264 p. (In Russ.)
 23. Podadero P., Garashchuk, A. 2017. The Eurasian Economic Union and its potential relationship with the European Union. – *Revista Universitaria Europea*. 2018. No. 26. P. 37–54.
 24. Robinson P.F. Russia's Emergence as an International Conservative Power. – *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18. No. 1. P. 10-37. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-10-37.
 25. *Rossiya na poroge XXI veka (sovremennye problemy natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva RF)*. Pod obshch. red. V. N. Kozhemyakina, A. I. Podberezkina [Russia is on the verge of the 21st century (modern problems of national-state construction of the Russian Federation). Ed. by V.N. Kozhemyakin, A.I. Podberezkin]. M.: Obozrevatel Publ. 1996. 334 p. (In Russ.)
 26. *Russkaya doktrina (Sergievskii proekt)*. Pod obshch. red. A. B. Kobyakova, V. V. Aver'yanova [Russian doctrine (Sergius project). Ed. by A.B. Kobyakov, V.V. Averyanov]. Moscow: Yauza-Press Publ. 2008. 862 p. (In Russ.)
 27. Savitskii P. N. *Kontinent Evraziya* [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf Publ. 1997. 461 p. (In Russ.)
 28. *The Law and Policy of New Eurasian Regionalization*. Ed. by A. Aseeva, J. Gorski. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2021. 650 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004447875>
 29. Titarenko M. L. *Rossiya litsom k Azii* [Russia facing Asia]. Moscow: Respublika Publ. 1998. 320 p. (In Russ.)
 30. Trubetskoi N. S. *Evropa i chelovechestvo* [Europe and Humanity]. Moscow: Direkt-Media Publ. 2015. 113 p. (In Russ.)
 31. Vylegzhaniy A.N., Dudikina I.P. Ponyatiye "mezhdunarodno-pravovaya politika gosudarstva" [The Politics of International Law as a Concept]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 4. P. 21–37 (In Russ.)
 32. Yakunin V.I. [et al.]. *Natsional'naya ideya Rossii: kollektivnaya monografiya* [National Idea of Russia: a collective monograph]. Moscow: Nauchnyi ekspert Publ. 2012. 4439 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Юрий Ильич Скуратов,

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой национального публичного и международного права, Российский государственный социальный университет

129226, Российская Федерация, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4-1

skuratov_yi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2126-2005

About the Author

Yuri I. Skuratov,

Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of National Public and International Law, Russian State Social University

4-1, ul. Wilhelma Pika, Moscow, Russian Federation, 129226

skuratov_yi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2126-2005

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-46-56>Экспертный комментарий
Поступила в редакцию: 11.02.2021
Принята к публикации: 23.03.2021**Алексей Юрьевич НОВОСЕЛЬЦЕВ**

Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет
Поселок Аякс, д. 10, Владивосток, 690922, Российская Федерация
novoseltsev.ayu@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-8603-7546

Константин Викторович СТЕПАНЮГИН

Юридический факультет, Морской государственной университет им. адмирала Г.И. Невельского
Верхнепортовая ул., д. 50А, Владивосток, 690059, Российская Федерация
stepanugin@msun.ru
ORCID: 0000-0002-2534-2475

УЧАСТИЕ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматриваются проблемные вопросы участия России в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. По мнению авторов, форма участия России в Конвенции, связанная с членством в Совете Европы, является неприемлемой для ее суверенитета. При ратификации Конвенции не были приняты во внимание степень объективности и беспристрастности ЕСПЧ по отношению к РФ и свойства правовых норм Конвенции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами для исследования служат международные соглашения, резолюции международных организаций, постановления ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, а также доктринальные источники по теме. Методологическую основу статьи составили общенаучные и специальные методы исследования. В статье критически анализируются доводы в пользу участия России в Европейской конвенции и исследуются причины, по которым ЕСПЧ трудно назвать объективным судом для страны, которая не участвует в европейской интеграции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Авторы полагают, что неисполнимость постановлений ЕСПЧ является лишь частью проблемы исполнения имеющих обязательную юридическую силу решений международных организаций. По мне-

нию авторов, необходимо определить принципиальные основы участия России в международных организациях, которые могут принимать юридически обязательные для нашей страны решения, и ограничить их круг участниками интеграционных объединений с Россией, организациями стратегических партнеров, а также организациями, в которых Россия может оказывать влияние на принятие решений. Основы участия России в международных организациях, принимающих юридически обязательные решения, необходимо включить в Федеральный Закон «О международных договорах Российской Федерации».

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Подчинение России юрисдикции межгосударственного органа по правам человека должно отвечать ряду условий, которым ЕСПЧ не соответствует. Из этого вытекают и проблемы с исполнением Россией решений ЕСПЧ. Авторы разделяют точку зрения, что ЕСПЧ является эффективным механизмом защиты прав и свобод, но только для группы стран — участников европейской интеграции, связанных общими интересами, ценностями, согласованной внешней и внутренней политикой. Поэтому в сфере сотрудничества по правам человека с европейскими государствами России необходимо вернуться к правилам, изложенным в

Хельсинкском Заключительном Акте по безопасности и сотрудничеству в Европе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Совет Европы, Европейский суд по правам человека, Парламентская Ассамблея Совета Европы, европейская интеграция, социальный прогресс, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Новосельцев А.Ю., Стеpanyugin К.В. 2021. Участие России в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 46–56. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-46-56>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-46-56>

Comment
Received 11 February 2021
Approved 21 March 2021

Aleksey Yu. NOVOSELTSEV

Law School, Far Eastern Federal University
10, Poselok Ajax, Vladivostok, Russian Federation, 690922
novoseltsev.ayu@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-8603-7546

Konstantin V. STEPANYUGIN

Faculty of Law, Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy
50A, ul. Verhneportovaya, Vladivostok, Russian Federation, 690059
stepanyugin@msun.ru
ORCID: 0000-0002-2534-2475

RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE EUROPEAN CONVENTION FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS

INTRODUCTION. *The article examines problematic issues of Russia's participation in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. According to the authors, the form of Russia's participation in the Convention, associated with membership in the council of Europe, is unacceptable for its sovereignty. When ratifying the Convention, the degree of objectivity and impartiality of the ECHR in relation to the Russian Federation and the properties of the legal norms of the Convention were not taken into account.*

MATERIALS AND METHODS. *The materials for the research are international agreements, resolutions of international organizations, decisions of the ECHR and the Constitutional Court of the Russian Federa-*

tion, as well as doctrinal sources on the topic. The methodological basis of the article was formed by general scientific and special research methods. The article critically analyzes the arguments in favor of Russia's participation in the European Convention and examines the reasons why the ECHR can hardly be called an objective court for a country that is not a member of the EU.

RESEARCH RESULTS. *The authors believe that the unenforceability of ECHR judgements is only part of the problem of enforcing binding decisions of international organizations. According to the authors, it is necessary to determine the fundamental foundations of Russia's participation in international organizations that can make decisions legally binding for our coun-*

try, and to limit their circle to the participants of the integration association with Russia, organizations of strategic partners, as well as organizations in which Russia can influence the adoption decisions. The principles of Russia's participation in international organizations that make legally binding decisions should be included in the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation".

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The subordination of Russia to the jurisdiction of an interstate human rights body must meet a number of conditions that the ECHR does not meet. Because of this, problems arise with the implementation by Russia of the decisions of the ECHR. The authors share the point of view that the ECHR is an effective mechanism for the protection of rights and freedoms, but only for a group of states – European integration participants bound by common interests, values, and coordinated foreign and domestic policies. Therefore Russia needs to return

to the rules of cooperation in the field of human rights with European states, set out in the Helsinki Final Act on Security and Cooperation in Europe.

KEYWORDS: Council of Europe, European Court of Human Rights, Parliamentary Assembly of the Council of Europe, European integration, social progress, European convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms

FOR CITATION: Novoseltsev A.Yu., Stepanyugin K.V. Russia's Participation in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No 1. P. 46–56. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-46-56>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Поправки в Конституцию РФ вступили в силу 4 июля 2020 г. Эти поправки «справедливо рассматриваются как шаг в сторону укрепления суверенитета России и защиты его от размывания через инкорпорирование норм так называемого «международного права», а, по сути, решений подконтрольных США международных институтов»¹. Изменения в Основном Законе неизбежно затрагивают и заключенные ранее Российской Федерацией международные соглашения, в том числе по правозащитной тематике. К числу таких соглашений относится и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Особенность участия России в данной конвенции состоит в том, что оно неразрывно связано с членством в Совете Европы, который осуществляет политическое руководство странами-участниками. Конвенция не предусматривает возможности участия в ней государств, которые не являются членами Совета Европы и не разделяют его идеологию. Такая форма сотрудниче-

ства в защите прав человека и основных свобод и стала основной проблемой участия России в Европейской конвенции.

Совет Европы стал исторически первой организацией, отвечающей за европейскую интеграцию. Сама европейская интеграция является частью американского проекта глобализации, который осуществляется по формуле: США во главе «свободного» («цивилизованного») мира, «свободный» мир - во главе всего мира². Следует различать глобализацию как объективное социально-экономическое явление, которое является необратимым, и как конкретно-исторический проект, который определяется политикой претендующего на руководство процессом глобализации государства [Дорская, Дорский 2016:105]. Последний уже не является безальтернативным, так, советский проект глобализации был лишен многих очевидных недостатков американского проекта. Как правильно отмечает Вельяминов Г.В., именно социальные аспекты американского проекта глобализации вызывают наибольшую тревогу и опасение³. Американский проект по существу сводится лишь к торго-

¹ Панина Е. 2020. Причины конституционной реформы — внешнеполитический аспект. – *REGNUM*. 23.06.2020. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/2989847.html>. (дата обращения: 30.08.2020).

² К «свободному миру» США причисляют своих ближайших союзников — страны «золотого миллиарда».

³ Вельяминов Г.В. *Международное экономическое право и процесс*. Учебник. Москва: Волтерс Клувер. 2004. С.15.

финансовой экспансии ТНК и полностью лишен столь любимого глобалистами «человеческого измерения»⁴. Он не решил и не мог решить как задачу выравнивания уровня жизни различных регионов планеты (мир по-прежнему расколот на условный «богатый Север» и «бедный Юг»), так и проблему растущего имущественного расслоения внутри государств, в том числе и руководящих процессами глобализации (это стало следствием навязывания миру олигархической политической модели общества в качестве универсальной).

Усиление социального расслоения как на глобальном уровне, так и в отдельных странах отметил также В. Путин в своем выступлении на форуме в Давосе⁵.

В американском проекте глобализации в целом и проекте европейской интеграции в частности России отводится место депрессивной территории с экономически избыточным населением, включенной в мировые технологические цепочки на самом первоначальном этапе (сырьевой придаток). Понятно, что такая «интеграция» не может отвечать национальным интересам нашей страны.

Совет Европы был создан по инициативе США 5 мая 1949 г. сразу же после создания Североатлантического блока как его политическая организация с теми же ключевыми участниками. По мере того, как интеграция государств Западной Европы стала оформляться в более эффективные организационные структуры (ЕЭС, затем ЕС), встал вопрос об упразднении Совета Европы⁶. Но роспуск СССР и СЭВ придал новый смысл существования этой организации. Совет Европы стал своего рода прихожей, в которой желающие вступить в ЕС государства постигают «европейские ценности» и проводят структурные реформы в соответствии с политическими интересами ЕС. Однако ЕС, будучи вершиной «пищевой пирамиды» мировой экономики, является закрытым образованием и его расширение в рамках данной модели невозможно. Поторопив-

шись поглотить страны СЭВ и прибалтийские республики СССР, ЕС так и не смог обеспечить им социальные стандарты «старой Европы». Что же касается «ожидающих в прихожей», то Совет Европы может предложить им лишь обмен ресурсов и суверенитета на «демократические ценности». Так не столь далекие предки европейцев меняли у туземцев золото на стеклянные бусы.

Вступление России в Совет Европы стало одним из многих актов, которые закрепили ее поражение в «холодной войне» и присоединение к подконтрольным США международным организациям. Обязательства России по Европейской конвенции полностью противоречат основным принципам сотрудничества России в защите прав человека с европейскими государствами, вытекающих из Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе⁷. Его участники договорились устанавливать международные стандарты прав человека и добиваться их соблюдения средствами своего внутреннего права. При этом Заключительный акт не дает права государствам вмешиваться во внутренние дела друг друга под любым предлогом, в том числе защиты прав человека. Ни одно государство не вправе диктовать другим народам, какие законы и административные правила нужно устанавливать в целях защиты прав человека. Также законы ни одного из государств не могут обладать экстерриториальным действием [Талалаев 1985:16].

Вступлению России в Совет Европы предшествовало формирование ложных ценностей и несбыточных ожиданий у населения СССР. В годы так называемой «перестройки» была проведена небывалая по масштабам идеологическая обработка советских людей, в сознании которых безусловно хорошее превратилось в безусловно плохое, и наоборот. Миллионы наших граждан стали считать себя, свой народ и свою страну самыми худшими в мире, а каждого западного политика — выражением всех человеческих добродетелей. Многие готовы были утверждать,

⁴ «Человеческое измерение» – термин, лицемерно введенный в оборот глобалистами на Конференции по человеческому измерению в Москве в 1991 г. для вмешательства во внутренние дела других государств.

⁵ Выступление В. Путина на форуме в Давосе. Полный текст. – *Сетевое издание «Вести.Ру»*. 27.01. 2021. Доступ: <https://www.vesti.ru/article/2515983>. (дата обращения: 28.01.2021).

⁶ Акоюн А. Победа России — в упразднении Совета Европы и его ПАСЕ. – *Информ. агентство Eurasia Daily*. 29.01.2021. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/29/pobeda-rossii-v-uprazhdenii-soveta-evropy-i-ego-pase>. (дата обращения: 30.01.2021).

⁷ Organization for Security and Co-operation in Europe: Helsinki Final Act. URL: <https://www.osce.org/helsinki-final-act>. (accessed 30.11.2020).

что вся история Советского государства представляет собой антигуманный тоталитарный режим, нарушающий права человека. А чтобы достичь обещанного коммунизма, образ которого прочно укрепился в подсознании, достаточно скопировать какое-нибудь «цивилизованное» государство» [Назаретян 2003:154]. «Глобализованные» граждане и сейчас представляют серьезную угрозу для национальной безопасности РФ.

2. Исследование

Несмотря на то, что ратификация Европейской конвенции была преподнесена российскому обществу как очевидный успех, у авторов имеются серьезные возражения относительно данного тезиса. Рассмотрим наиболее распространенные доводы в пользу ратификации Европейской конвенции, которые вызывают сомнения у авторов.

1. *Ратификация Конвенции позволила России приблизиться к европейским ценностям, что трактуется как несомненный успех.*

Сама предложенная Советом Европы схема, в которой Россия является учеником, постигающим европейские ценности, является заведомо неприемлемой для нашей страны. Россия — страна с европейской культурой, высоким научным, культурным и технологическим потенциалом, у которой есть свои представления о будущем и ценностные ориентиры. По мнению Пушкива А.К., которое авторы полностью разделяют, необходимо перестать обращать внимание на мнение западных политиков о России. Такая политика является пережитком 1990-х гг., когда главной целью политического руководства РФ было понравиться США и Западу⁸.

Без создания собственной «национальной идеи» невозможно развитие России как суверенного государства, не говоря уже о претензиях возглавить всемирную глобализацию. Как правильно отмечает Е. Панина, «в стране по-прежнему нет идеи будущего, нет консенсуса по прошлому, нет удовлетворения настоящим»⁹.

Западная политическая идеология во многом носит характер мифов, которые активно продви-

гаются вовне с целью получения конкурентных преимуществ, но у себя не используются. К их числу можно отнести: деструктивную концепцию прав и свобод (свобода как вседозволенность), отрицание государственной идеологии, вертикали власти, многопартийность как политический хаос, абсолютизация рынка и частной собственности, сведение демократии к организации выборов, отождествление коммунизма и фашизма и многие другие [Марченко 2017:19-20]. Эти западные ценности известный писатель С. Минаев справедливо сравнивает с контрафактной продукцией для туземцев¹⁰. Все они составили конституционную мифологию [Барциц 2018:56-70] глобального конституционализма [Гончаров 2017:37-44].

За время членства России в Совете Европы эта организация приняла немало резолюций в отношении России, прямо подрывающих российскую государственность [Новосельцев, Степанюгин 2021:17].

Среди фальшивых ценностей особое место принадлежит «общечеловеческим, или универсальным» ценностям. Эта концепция представляет собой наиболее спорное положение христианской религии о непротивлении злу насилием, что на практике означает торжество зла. Например, одностороннее разоружение, отказ от защиты национальных интересов, активной уголовной политики. Эта идеологическая диверсия привела к исчезновению СССР с политической карты мира.

Кроме откровенно фальшивых, Совет Европы предлагает нам также ценности «не первой свежести». В этом можно убедиться, изучив Европейскую конвенцию.

Все права человека, исходя из социального прогресса общества, можно разделить на три поколения. Первое поколение – это личные, политические и права на судебную защиту. Впервые они были записаны в Конституции США 1787 г.

Второе поколение – социально-экономические права, или права трудящихся. Впервые они появились в Конституции РСФСР 1918 г. и стали примером для подражания западных госу-

⁸ Пушкив призвал перестать ждать одобрения Запада. – *Интернет-портал «Лента.Ру»*, 7. 02. 2021. Доступ: <https://lenta.ru/news/2021/02/07/pushkov/>. (дата обращения: 07.02.2021).

⁹ Панина Е. В давосской речи Путин побил либералов-глобалистов их же козырями. – *Федеральное агентство новостей (ФАН)*, 28.01.2021. Доступ: <https://riafan.ru/1377309>. (дата обращения: 28.01.2021).

¹⁰ Минаев С. *ДУХLESS: повесть о настоящем человеке*. Москва: АСТ, 2006. С.220-221.

¹¹ Патрушев Н.П. Нужны ли России «универсальные» ценности? Духовно-нравственные ценности общества как основа суверенитета государства. – *Российская газета*, 17.06. 2020.

дарств¹¹. Они являются базовыми по отношению к правам первого поколения, которые вне развитого социального государства являются пустой формальностью. Так, положение трудящихся в развитых капиталистических странах периода первоначального накопления капитала было незавидным даже по сравнению с жизнью крепостных в России¹². Особенность этой группы прав – они адресованы только наемным работникам, а для предпринимателей являются социальной нагрузкой.

Хотя к правам третьего поколения сегодня относят коллективные права граждан, в недалеком прошлом эту группу прав справедливо связывали с гармоничным развитием человека как личности. Это, прежде всего, занятость исходя из потребностей в личном развитии, а также творчество, туризм, спорт, самодеятельность. Права третьего поколения востребованы только в обществе без глубоких социальных контрастов с гарантированной занятостью, в котором свободное время рассматривается как самостоятельная ценность, а не возможность дополнительного заработка¹³. Впервые эти права были записаны в Конституции СССР 1977 г.¹⁴.

В капиталистическом «обществе потребления» определяющим является не личный, а материальный статус человека, что поощряет работу «на износ». Корпорации сознательно не заполняют трудовые вакансии, заставляя занятых работать «за троих». Пенсионный возраст отодвигается во всех без исключения странах. Недостаток свободного времени для личного развития компенсируется неразумным, гипертрофированным потреблением и различными извращениями. Не случайно в ЕС к правам четвертого поколения

относят: право на перемену пола, однополые связи, употребление наркотических средств.

Поскольку европейская конвенция, за исключением права на образование, состоит из прав первого поколения, для России ее ратификацию сложно назвать прогрессом. Наоборот, роспуск СССР стал упущенной возможностью для всего человечества в плане реализации прав третьего поколения, вместо которых ЕС предложил всем народам перечисленные выше права.

Рассмотрим теперь собственно европейские ценности. Среди них можно выделить:

«Ценности», которые ведут к разрушению традиционных ценностей и базовых свобод (различные извращения и запрет на их критику);

Ценности западного социального государства, которые продолжают оставаться наиболее эффективной «мягкой силой» ЕС [Косачев 2016:15]. «Глобализованные» граждане, восхищаясь «европейским раем», забывают, что создан он в том числе и за счет отнятых у них ресурсов. Социальное государство Европы есть не что иное, как «национальный социализм» А. Гитлера, то есть благополучие за счет уничтожения, поглощения и деградации других государств¹⁵;

Европейские экзистенциальные ценности. Это, прежде всего, ценности обывателя¹⁶, которые исключают гармоничное развитие человека как личности. Общество потребления сводит все отношения между людьми к рыночным, в которых «успех» провозглашается смыслом и целью жизни. И если идентичность человека мешает рынку – то от нее следует отказаться. Под предлогом толерантности западное общество уничтожает любую идентичность – расовую, политическую, конфессиональную и даже половую¹⁷.

¹² Критически анализируя известную книгу А. Радищева, А.С. Пушкин отмечает: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса...И заметьте, что все это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона... У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны». См.: Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. 1949. С. 223–242. Даже самые гипертрофированные потребности помещика не идут ни в какое сравнение с потребностями капиталиста в извлечении прибыли, которые вообще никак не связаны с его личным потреблением. Отсюда и более низкая норма эксплуатации крестьян по сравнению с наемными работниками на Западе.

¹³ Как утверждал К. Маркс, «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» [Маркс 1961:386–387].

¹⁴ См.: Глава 3. Социальное развитие и культура, а также раздел Государство и личность — право на труд, отдых, на пользование достижениями культуры.

¹⁵ Идеи А. Гитлера возникли не на пустом месте. Еще великий Лейбниц предлагал окружить Россию стеной, за которой «ей надлежит пребывать во тьме и невежестве».

¹⁶ Обыватель – человек, лишенный внутреннего морального закона и поступающий «по обстоятельствам», руководствуясь личной выгодой. – прим. авторов.

¹⁷ Тоталитарные тенденции западного общества потребления предсказал Р. Брэбери в антиутопии «451 градус по Фаренгейту». Чтобы исключить конфликты между различными социальными группами, власти решили сжигать книги, оставив населению только коммерческую рекламу и примитивный досуг.

На роль универсальных, по мнению авторов, больше подходят не либеральные европейские, а коммунистические ценности при условии исключения из них ортодоксальных положений марксизма¹⁸. Эти ценности представляют собой здоровую реакцию обладающих эмпатией людей всех времен и народов на хищничество, паразитизм, эгоизм, стяжательство современного им общества. И хотя «ветер века» сменил направление в сторону удобств и комфорта, коммунистические идеи не стали достоянием истории. Выдающийся советский генетик В.П. Эфраимсон, обогативший общественные науки естественнонаучными знаниями, утверждал: «Идея справедливости обладает необычайной способностью к регенерации, она подобна фениксу, возрождающемуся из пепла» [Эфраимсон 1971:193]. В отличие от западных либеральных ценностей, коммунистические ценности конфликт между этикой и прагматикой решают в пользу этики.

2. *Вступление России в Совет Европы было «нацелено на создание международных механизмов защиты прав широкого слоя россиян»*¹⁹.

Авторы не отрицают, что в деятельности ЕСПЧ действительно встречаются справедливые и обоснованные решения. Однако цель европейского правосудия весьма далека от защиты интересов обычных граждан. Даже по одному делу компании «ЮКОС» присужденная компенсация из федерального бюджета многократно превосходит все полученные от обращения в ЕСПЧ выгоды обычных граждан вместе взятые²⁰. ЕС и Совет Европы заинтересованы сохранить в России экономический уклад «дикого капита-

лизма», характерный для стран мировой периферии. Начиная с 1990-х гг. в России сложилась практика, когда владельцы построенных еще в СССР предприятий ничего не вкладывают в развитие производства и регионов и полностью выводят полученную прибыль в финансовые учреждения под юрисдикцией стран ЕС и США²¹. Не вызывает никакого сомнения, что первоочередной задачей ЕСПЧ является защита активов их владельцев на территории РФ. Компании, которые грубо нарушают принципы правового демократического социального государства (не платят налоги, не исполняют законы об участии государства в экономике, охране труда, коллективных договорах, защите прав потребителей, охране природы), всегда находят у ЕСПЧ защиту и покровительство. При этом вряд ли ЕС допустил бы деятельность таких компаний на своей территории²².

И если посмотреть на справедливые решения ЕСПЧ под другим углом зрения, то и здесь признание Россией юрисдикции этого международного суда имеет негативный морально-политический аспект. В результате поражения России в холодной войне роль экспертов по правам человека перешла к государствам, которые несут ответственность за их неудовлетворительное состояние за пределами своих границ. Это можно сравнить с культом благотворительности, когда при помощи точечных благотворительных акций создается образ справедливого и щедрого человека. Однако при более справедливом мировом или общественном порядке такая благотворительность вообще не понадобилась бы. Так

¹⁸ Например, историческая роль рабочего класса, диктатура пролетариата, сведение конкурентных отношений в обществе к классовым, попытка объявить воспитание монополистом при формировании этических представлений и другие.

¹⁹ См.: [Черниченко 2018:9]. Однако наиболее заинтересованными в работе ЕСПЧ Черниченко С.В. все же признает россиян, которые «пошли в бизнес». Но поскольку предприниматели являются разновидностью управленцев (менеджеров), то в силу пирамиды субординации их едва ли можно отнести к «широкому слою россиян». Большинство в любом обществе являются наемные работники и самозанятые. Следует отметить, что в начале 1990-х гг. в государство отказалось от обеспечения всеобщей занятости и предложило всем идти в бизнес. Эта установка нашла отражение в Конституции РФ 1993 г., которая отождествила предпринимателей с наемными работниками и самозанятыми. Права на частную собственность и предпринимательство — традиционно личные права первого поколения — Конституция отнесла в раздел социально-экономических.

²⁰ Федеральный бюджетом предусмотрено 600 миллионов рублей в год на выполнение решений ЕСПЧ и обеспечение его деятельности. Присужденная компенсация акционерам «ЮКОСА» составляет 1 866 104 634 евро.

²¹ Для российских дельцов помещение денег в офшоры – важнейший способ увода полученной в России прибыли за рубеж. Например, 61% акций российской нефтяной компании ЮКОС принадлежали гибралтарской Group Menatep Ltd. 59,5% акций этой компании принадлежат М. Ходарковскому. См.: Вельяминов Г.М. Указ. соч., С.246.

²² Ст.1. Дополнительного протокола к Европейской конвенции от 20 марта 1952 г. о защите частной собственности «не умаляет права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общественными интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов». Тем не менее ЕСПЧ вынес решение в пользу акционеров компании «ЮКОС».

же и Совет Европы. Вместо устранения причин тяжелого положения населения в отдельных странах развитые государства консервируют глобальное неравенство и предлагают точечно решать отдельные ситуации под присмотром более «успешного и справедливого». Тем более что эта благотворительность им ничего не стоит – компенсации истцам выплачиваются за счет бюджета страны-ответчика. Даже само наименование обращения в ЕСПЧ – «Иванов против России» содержит скрытый подтекст, подрывающий уважение населения к своей стране.

3. *Наличие межгосударственного органа судебной защиты позволяет более эффективно защищать права человека.*

Статья 46 ч.3 Конституции РФ является важной гарантией защиты прав и свобод граждан, которые исчерпали все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Сомнение вызывает пригодность на роль межгосударственного органа для России именно ЕСПЧ.

По мнению авторов, при ратификации Конвенции не были приняты во внимание степень объективности и беспристрастности ЕСПЧ по отношению к РФ и свойства правовых норм Конвенции.

Вступление в Совет Европы обязало Россию ратифицировать Европейскую конвенцию, согласно которой она признает без специального согласия обязательную юрисдикцию ЕСПЧ по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения положений этих договорных актов. Исходя из политических интересов Совета Европы и ЕС, ЕСПЧ даже приближенно нельзя признать беспристрастным судом по отношению к России. Нет смысла убеждать читателя в том, что заинтересованный в исходе дела судья может легко извратить до полного противоречия с ее смыслом любую правовую норму. Правовые нормы с высокой степенью абстрактности,

например, нормы-принципы, вообще дают полную свободу их толкования. Высокой степенью абстрактности как раз и обладают права человека первого поколения, из которых преимущественно состоит Европейская конвенция²³. На это свойство правовых норм Конвенции указал и Конституционный Суд РФ²⁴.

Слово «абстрактный» авторы понимают как расплывчатый, безадресный, лишенный какой-либо конкретизации. Например, абстрактный гуманизм «мальчика из Нового Уренгоя», который озвучил призыв Германии принести извинения за уничтоженных захватчиков на Восточном фронте. Поэтому ситуация, при которой недружественная группа государств определяет законность и обоснованность оперативно-розыскных мероприятий, применения силы в отношении незаконных вооруженных формирований, депортации или отказа во въезде, мероприятий по информационной безопасности, ответственности за нарушение законодательства о митингах, собраниях, общественных организациях, ограничений избирательного права несовместима с суверенитетом Российской Федерации.

Участие России в более совместимых с ней международных организациях (ШОС, БРИКС), созданных в целях восстановления нарушенного в 1991 г. баланса геополитических сил на планете, вполне допускает и создание межгосударственного органа по защите прав и свобод. Это позволит в полной мере задействовать предусмотренную Конституцией гарантию защиты прав и свобод.

4. *Неисполнение решений ЕСПЧ – грубейшее нарушение принятых на себя Россией международных обязательств, приводящее к ухудшению защиты прав граждан.*

Авторы считают излишней драматизацию неисполнения Россией отдельных решений ЕСПЧ. Даже у государств – основателей Совета Европы периодически возникают разногласия с ЕСПЧ, связанные с восприятием «универсальных» цен-

²³ Зорькин: «Европейский суд не учитывает историческую, культурную, социальную ситуацию в России». – *Портал «Право.Ru»* (ООО «Правовые новости»). 22.11. 2010. Доступ: <https://pravo.ru/news/view/42643/>. (дата обращения: 28.08.2020).

²⁴ Конституционный Суд указал следующее: «Если ЕСПЧ, толкуя в процессе рассмотрения конкретного дела Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, нормам которой присуща высокая степень абстрактности...осуществил толкование вопреки объекту и целям самой Конвенции о защите прав человека и основных свобод,...то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения...». См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2017. № 5. Ст. 866.

ностей²⁵. Защитники принципов международного права в РФ почему-то обходят молчанием тот факт, что право ЕС признает приоритет принципов международного права над интеграционным и национальным законодательством, но не приоритет международных договоров²⁶. И если в России «разворот» во взаимодействии ЕСПЧ и Конституционного Суда произошел в середине 2015 г., то в странах ЕС уже давно утвердилась концепция конституционной идентичности [Bogdandy, Venzkel 2014:196-197; Rackow 2015:379]. Согласно этой концепции, противоречия между решениями ЕСПЧ и Конституционных (Верховных) судов участников Совета Европы решаются в пользу последних [Martinico 2012:401; Tushnet 2010:671; Constitutional Courts...2016]. Таким образом, вряд ли логично требовать от России большей дисциплины в исполнении Европейской конвенции, чем от государств – участников интеграционного образования, принявшего эту конвенцию.

3. Заключение

«Двойные стандарты» в деятельности ЕСПЧ и вынесение этим судом политизированных решений предсказуемо приводят к невозможности их исполнения в России. Авторы согласны с С.В. Черниченко в том, что ссылки на Конституцию как основание неисполнения решений ЕСПЧ не совсем корректны с точки зрения международного права [Черниченко 2018:6]. Однако следует отметить, что неисполнимость постановлений ЕСПЧ является лишь частью проблемы исполнения имеющих обязательную юридическую силу решений международных организаций. Совет Европы — это лишь одна из организаций, которые были задействованы в американском проек-

те глобализации. Право этих организаций напоминает распорядок американских тоталитарных сект, где большинство лишь одобряет решения, доведенные до их сведения руководством. В созданных по инициативе США глобалистских организациях возможно принятие юридически обязательных для государств-участников решений без их согласия²⁷.

По мнению авторов, необходимо определить принципиальные основы участия России в международных организациях, которые могут принимать юридически обязательные для нашей страны решения, и ограничить их круг интеграционными объединениями, организациями стратегических партнеров, а также организациями, в которых у России есть реальные возможности влиять на принятие решений. Основы участия России в международных организациях, принимающих юридически обязательные решения, необходимо указать в Федеральном Законе «О международных договорах Российской Федерации». Это даст возможность не прибегать к ссылкам на Конституцию в качестве основания неисполнения решений международных организаций, не совсем корректным как с точки зрения международного, так и национального права²⁸.

Авторы разделяют точку зрения, что ЕСПЧ – действительно эффективный механизм защиты прав человека, но только для группы стран – участников европейской интеграции, которые связаны общими интересами, ценностями, согласованной внешней и внутренней политикой. Сотрудничество России и ЕС по правам человека должно осуществляться согласно правилам, установленным в Хельсинкском Заключительном Акте по безопасности и сотрудничеству в Европе.

²⁵ Лакеева Е. За что критикуют ЕСПЧ в разных странах Европы. – Портал «Право.Ru». 14.01.2014. Доступ: <https://pravo.ru/review/view/100539/>. (дата обращения: 03.09.2020).

²⁶ См.: *Право Европейского Союза: учебник для магистров*. Под ред. С.Ю. Кашкина. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт. 2014. С.132.

²⁷ Так, Всемирная торговая организация (ВТО) при недостижении консенсуса принимает решения большинством голосов (простым или квалифицированным). Большинство государств-участников не определяют политику этой организации, а лишь голосуют за навязанные им соглашения. При этом пересмотр соглашений ВТО требует согласия всех участников (то есть привилегированного меньшинства). В такой международной организации, как Всемирный Банк (ВБ) вообще действует принцип «взвешенного» голосования на основе долевого участия в мировой торговле.

²⁸ Статья 46 Конвенции о праве международных договоров 1969 г. при признании недействительности соглашения учитывает лишь такие нарушения Конституции, которые касаются компетентности заключить договор. Статья 22 Федерального Закона «О международных договорах Российской Федерации» не отменяет действие международного договора в случае его противоречия Конституции, а лишь приостанавливает его действие до внесения соответствующих поправок или пересмотра Конституции.

Список литературы

1. Барциц И.Н. 2018. Конституционная мифология: возникновение, предназначение и практика применения (часть 1). – *Государство и право*. № 12. С. 56-70. DOI: 10.31857/S013207690002200-2.
2. Гончаров В.В. 2017. Государственный суверенитет и глобальный конституционализм: вопросы соотношения. – *Юридическая наука*. № 3. С.37-44.
3. Дорская А.А., Дорский А.А. 2016. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права. – *Юридическая наука*. № 4. С.105-110.
4. Косачев К.И. 2016. «Мягкая сила» с жесткими последствиями. – *Российский журнал правовых исследований*. Т.3. № 1. С.15-20.
5. Маркс К. 1961. Капитал. Критика политической экономии. Том 3. Книга III: процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть первая (главы I—XXVIII). – *Сочинения*. Т. 25. Ч. 1. М.: Политиздат. 548 с.
6. Марченко М.Н. 2017. События 90-х годов XX века в России и их последствия для страны. – *Государство и право*. № 4. С.17-23.
7. Назаретян А.П. 2003. *Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: лекции по социальной и политической психологии*. СПб.: Питер. 192 с.
8. Новосельцев А.Ю., Степанюгин К.В. 2021. О проблемах, возникающих из членства России в Совете Европы и обязательств по исполнению решений ЕСПЧ. – *Международное публичное и частное право*. № 1. С. 16-19. DOI: 10.18572/1812-3910-2021-1-16-19
9. Талалаев А.Н. 1985. *Хельсинки: принципы и реальность*. М.: Юридическая литература. 191 с.
10. Черниченко С.В. 2018. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6-17. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17.
11. Эфраимсон В.П. 1971. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека). – *Новый мир*. № 10. С. 193-213.
12. Bogdandy A, Venzkel I. 2014. *In Whose Name?: A Public Law Theory of International Adjudication*. Oxford: Oxford University Press. 304 p. DOI: DOI:10.1093/acprof:oso/9780198717461.001.0001
13. Constitutional Courts and International Law: Revising the Transatlantic Divide. – *Harvard Law Review*. 2016. Vol. 129. No. 5. URL: <https://harvardlawreview.org/2016/03/constitutional-courts-and-international-law-revisiting-the-transatlantic-divide/> (accessed 12.01.2021).
14. Martinico G. 2012. Is the European Convention Going to Be «Supreme»? A Comparative-Constitutional Overview of ECHR and EU Law before National Courts. – *European Journal of International Law*. Vol.23. No. 2. P. 401-424. DOI: 10.1093/ejil/chs027
15. Rackow J. 2015. From Conflict to Cooperation: The Relationship between Karlsruhe and Strasbourg. – *The UK and European Human Rights: A Strained Relationship?*. Ed. by K. S. Ziegler, El. Wicks and L. Hodson. Oxford; Portland; Oregon: Hart Publishing. P. 379-400. DOI: 10.5040/9781782257905.ch-019
16. Tushnet M. 2010. How Do Constitutions Constitute Constitutional Identity?. – *International Journal of Constitutional Law*. Vol.8. Issue 3. P. 671-676. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/moq025>

References

1. Bartsits I.N. Konstitutsionnaya mifologiya: vzniknovenie, prednaznachenie i praktika primeneniya (Chast' 1) [Constitutional mythology: origination, purpose and practice of application (Part 1)]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2018. No. 12. P. 56-70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013207690002200-2.
2. Bogdandy A, Venzkel I. *In Whose Name?: A Public Law Theory of International Adjudication*. Oxford: Oxford University Press. 2014. 304 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198717461.001.0001
3. Chernichenko S.V. Evropeiskii sud po pravam cheloveka: problema neispolnimosti postanovlenii [The European Court on Human Rights: the problem of unenforceable judgments. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 6-17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-3-6-17>
4. Constitutional Courts and International Law: Revising the Transatlantic Divide. – *Harvard Law Review*. 2016. Vol. 129. No. 5. URL: <https://harvardlawreview.org/2016/03/constitutional-courts-and-international-law-revisiting-the-transatlantic-divide/> (accessed 12.01.2021).
5. Dorskaya A.A., Dorskii A.A. Mezhdunarodnye integratsionnye organizatsii i problema formirovaniya nadnatsional'nogo prava [International integration organizations and the problem of formation of supranational law]. – *Yuridicheskaya nauka*. 2016. No. 4. P. 105-110. (In Russ.)
6. Efraimson V.P. Rodoslovnaya al'truizma (etika s pozitsii evolyutsionnoi genetiki cheloveka) [The lineage of altruism (ethics from the standpoint of human evolutionary genetics)]. – *Novyi mir*. 1971. No. 10. P. 193-213. (In Russ.)
7. Goncharov V.V. Gosudarstvennyi suverenitet i global'nyi konstitutsionalizm: voprosy sootnosheniya [State sovereignty and global constitutionalism: issues of correlation]. – *Yuridicheskaya nauka*. 2017. No. 3. P.37-44. (In Russ.)
8. Kosachev K.I. "Myagkaya sila" s zhestkimi posledstviyami ["Soft power" with hard consequences]. – *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2016. Vol.3. No. 1. P.15-20. (In Russ.)
9. Marchenko M.N. Sobytiya 90-kh godov XX veka v Rossii i ikh posledstviya dlya strany [The events of 90 years of XX century in Russia and their consequences for the country]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2017. No. 4. P.17-23. (In Russ.)
10. Martinico G. Is the European Convention Going to Be «Supreme»? A Comparative-Constitutional Overview of ECHR and EU Law before National Courts. – *European Journal of International Law*. 2012. Vol.23. No. 2. P. 401-424. DOI: 10.1093/ejil/chs027
11. Marx K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. Tom 3. Kniga III: protsess kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyatyi v tselom chast' pervaya (glavy I—XXVIII) [Capital. Criticism of Political Economy. Volume 3. Book III: the process of capitalist production taken as a whole. Part one (chapters I—XXVIII)]. – *Sochineniya*. T. 25. Ch. 1 [Collection of Works. Vol. 25. Part 1]. Moscow: Politizdat Publ. 1961. 548 p. (In Russ.)
12. Nazaretyan A.P. Agressivnaya tolpa, massovaya panika, slukhi: lektsii po sotsial'noi i politicheskoi psikhologii [Aggressive crowd, mass panic, rumors: lectures on social and political psychology]. Saint Petersburg: Piter Publ. 2003. 192 p. (In Russ.)
13. Novoseltsev A.Yu., Stepanyugin K.V. O problemakh, vznikayushchikh iz chlenstva Rossii v Sovete Evropy i obyazatel'stv po ispolneniyu reshenii ESPCh [On prob-

- lems originating from Russia's membership in the Council of Europe and obligations to execute ECHR judgments]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2021. No. 1. P.16-19. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3910-2021-1-16-19
14. Rackow J. From Conflict to Cooperation: The Relationship between Karlsruhe and Strasburg. – *The UK and European Human Rights: A Strained Relationship?*. Ed. by K. S. Ziegler, El. Wicks and L. Hodson. Oxford; Portland; Oregon: Hart Publishing. 2015. P. 379-400. DOI: 10.5040/9781782257905.ch-019
15. Talalaev A.N. *Khel'sinki: printsipy i real'nost'* [Helsinki: Principles and Reality]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ. 1985. 191 p. (In Russ.)
16. Tushnet M. How Do Constitutions Constitute Constitutional Identity?. – *International Journal of Constitutional Law*. 2010. Vol.8. Issue 3. P. 671-676. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/moq025>

Информация об авторах
Алексей Юрьевич Новосельцев,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного публичного и частного права, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

690922, Российская Федерация, Владивосток, поселок Аякс, д.10

novoseltsev.ayu@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-8603-7546

Константин Викторович Степанюгин,

кандидат философских наук, доцент кафедры морского права, Юридический факультет, Морской государственной университет им. адмирала Г.И. Невельского

690059, Российская Федерация, Владивосток, ул. Верхнепортовая, д. 50А

stepanugin@msun.ru
ORCID: 0000-0002-2534-2475

About the Authors
Aleksey Yu. Novoseltsev,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Public and Private International Law, Law School, Far Eastern Federal University

10, Poselok Ajax, Vladivostok, Russian Federation, 690922

novoseltsev.ayu@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-8603-7546

Konstantin V. Stepanyugin,

Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Maritime Law, Faculty of Law, Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy

50A, ul. Verhneportovaya, Vladivostok, Russian Federation, 690059

stepanugin@msun.ru
ORCID: 0000-0002-2534-2475

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-57-69>

Research article
Received 19 January 2021
Approved 11 March 2021

Alexander ORAKHELASHVILI

Birmingham Law School, University of Birmingham
Edgbaston, Birmingham, United Kingdom, B15 2TT
a.orakhelashvili@bham.ac.uk
ORCID: 0000-0003-2921-7169

ADJUDICATING RACIAL DISCRIMINATION CLAIMS: ISSUES OF JURISDICTION AND ADMISSIBILITY IN *UKRAINE V RUSSIA*

INTRODUCTION. *Over the past decade, the International Court of Justice has been requested to adjudicate on claims under 1965 Convention against Racial Discrimination (CERD). While adjudication under treaty compromissory clauses is not uncommon, the Court's jurisdiction under CERD is subject to conditions that are not replicated under other multilateral treaties. Therefore, the Court's use of compromissory clause under CERD raises complex issues of treaty interpretation as well as of the Court's compliance with consensually established limits of its own authority.*

MATERIALS AND METHODS. *The article proceeds to examine the Court's application of jurisdictional clause under Article 22 CERD in the case of Ukraine v Russia from the positivist legal perspective. It assesses the Court's use of treaty interpretation methods relating to the text and context of Article 22, as well as CERD's object and purpose. After assessing the Court's analysis of its jurisdiction, the article proceeds to examine the Court's use of the rule on exhaustion of local remedies which is one the condition of the admissibility of claims in cases relating to treatment of individual and their groups.*

RESEARCH RESULTS. *The article demonstrates that the Court's interpretation of Article 22 CERD does not accurately identify the meaning of this provision, especially the meaning of the word "or" contained in it. As a consequence, the Court ends up asserting jurisdiction in the case before the Committee established under CERD has dealt with it. Moreover, the Court concludes that the victims of alleged racial discrimination*

do not have to exhaust local remedies. This conclusion places the Court at odds with previous jurisprudence of all major international tribunals.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *It becomes clear that the Court has asserted jurisdiction over the case even though CERD provisions did not confer that jurisdiction to it, and that local remedies were not exhausted anyway. As this face forms one rather small part of overall Russia-Ukraine relations, a temptation could obviously arise to justify the Court's flawed legal reasoning by considerations of ethics, politics, ideology or justice. However, positivist legal reasoning requires maintaining that the Court operates on the basis of State consent, and any neglect for that fact risks negative consequences for the overall efficiency of international adjudication.*

KEYWORDS: *Interpretation of international treaties, International Court of Justice, ICJ jurisdiction, Article 36 of the ICJ Statute, compromissory clauses, admissibility of claims, exhaustion of local remedies*

FOR CITATION: Orakhelashvili A. Adjudicating Racial Discrimination Claims: Issues of Jurisdiction and Admissibility in *Ukraine v Russia*. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No 1. P. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-57-69>

The author declares the absence of conflict of interest.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-57-69>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 19.01.2021
Принята к публикации: 11.03.2021

Александр ОРАХЕЛАШВИЛИ

Факультет права, Бирмингемский университет
Эджбастон, Бирмингем, B15 2TT, Соединенное Королевство Великобритании и
Северной Ирландии
a.orakhelashvili@bham.ac.uk
ORCID: 0000-0003-2921-7169

РАССМОТРЕНИЕ ИСКОВ О РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ: ВОПРОСЫ ЮРИСДИКЦИИ И ПРИЕМЛЕМОСТИ В ДЕЛЕ «УКРАИНА ПРОТИВ РОССИИ»

ВВЕДЕНИЕ. За последнее десятилетие на рассмотрение Международного Суда ООН поступал ряд жалоб в соответствии с положениями Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (МКЛРД) 1965 года. Хотя вынесение решений в соответствии с юрисдикционными клаузулами международных договоров не является редкостью для Международного Суда, его юрисдикция в соответствии с МКЛРД ограничена условиями, не имеющими аналогов в других многосторонних договорах. В этой связи применение Судом юрисдикционной клаузулы МКЛРД поднимает сложные вопросы толкования данного договора, а также соблюдения Судом рамок своих полномочий, установленных на основе согласия сторон.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье с точки зрения правового позитивизма рассматривается применение Международным Судом ООН в деле «Украина против России» статьи 22 МКЛРД, содержащей юрисдикционную клаузулу. Дается оценка использованию Судом методов толкования договоров, касающихся текста статьи 22, ее контекста, а также объекта и целей МКЛРД. После оценки проведенного Судом анализа оснований для установления юрисдикции в статье рассматривается применение Судом правила об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, которое является одним из условий приемлемости жалоб, касающихся прав частных лиц и их групп.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье демонстрируется, что толкование Судом статьи 22 МКЛРД неверно определяет значение данного положения, в особенности содержащегося в нем слова «или». Вследствие этого Суд пришел к выводу о наличии юрисдикции рассматривать дело до его передачи в Комитет по ликвидации расовой дискриминации. Кроме того, Международный Суд считал, что жертвам предполагаемой расовой дискриминации не требовалось исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты. Данная позиция Суда противоречит практике всех основных международных судебных инстанций.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Со всей очевидностью, Суд установил наличие у него юрисдикции в отношении данного дела вопреки тому, что положения МКЛРД не наделяли его ею, а также, несмотря на то, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны. Поскольку рассматриваемый процесс представляет собой сравнительно незначительную часть общих российско-украинских отношений, может возникнуть соблазн оправдать ошибочную правовую аргументацию Суда соображениями этики, политики, идеологии или справедливости. Однако с точки зрения правового позитивизма неоспоримо то, что Суд действует на основе согласия государства, а любое пренебрежение данным фактом чревато негативными последствиями для общей эф-

фактивности судебного урегулирования международных споров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *толкование международных договоров, Международный Суд ООН, юрисдикция Международного Суда ООН, компетенция Международного Суда ООН, ст. 36 Статута Международного Суда ООН, юрисдикционная клаузула международного договора, приемлемость требований, исчерпание внутригосударственных средств правовой защиты*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Орахелашвили А. 2021. Рассмотрение исков о расовой дискриминации: вопросы юрисдикции и приемлемости в деле «Украина против России». – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-57-69>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

In the Judgment issued on 8 November 2019, the International Court of Justice has decided that it has jurisdiction to adjudicate in the dispute between Ukraine and Russia related to certain issues arising out of the Russian-Ukrainian conflict which has been ongoing since 2014. This concerns claims alleging racial discrimination practised by Russia against Tatar and Ukrainian minorities in Crimea, and financing terrorist activities. Developments around Russia-Ukraine relations over the past few years have obviously raised multiple international legal issues with regard to territorial sovereignty of States, self-determination of peoples, intervention into a State's domestic affairs or internal conflicts, and so on. Political and strategic dimension of this situation draws on the power equilibrium within the region and far beyond it, and generates political and ideological controversies that obviously influence many minds in assessing this situation. But issues involved in the case at hand are also undeniably narrower than the whole range of relations between Russia and Ukraine, and resolving those narrower legal issues in any State's favour would not make any cardinal difference in terms of the adjustment of wider relations between them or to political stakes that those relations involve. Political stakes involved with this adjudication are, thus, relatively minor. Even those who tend to see international law as a periphery of politics would gain no obvious benefit from deflecting the analytical focus from the legal reasoning required to

assess correctness of the Court's application of treaty provisions that confer and delimit its jurisdiction in this case.

Jurisdictional clauses Ukraine invoked in this case are enshrined in two multilateral treaties: 1999 International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (ICSFT) and 1965 International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (CERD). The point this contribution will make is that Court's assertion of jurisdiction under CERD is flawed and exceeds the extent of jurisdiction that has been conferred to it under this Convention.

This contribution will focus only on those aspects of the Court's judgment that deal with claims under CERD. The Court's assertion of jurisdiction under ICSFT does not seem to be controversial, so it will not be examined here at any length. Therefore, section of this contribution 2 will examine contested issues regarding the Court's use of the jurisdictional clause under Article 22 CERD. This is a compromissory clause that is hardly ever replicated in other multilateral treaties, notably in terms of preconditions listed therein regarding the resort to the ICJ¹. Another peculiar issue is that there is not much literature on compromissory clauses that confer jurisdiction to the ICJ under Article 36(1) of its Statute². Even in literature regarding racial discrimination matters under CERD, analysis of the ICJ jurisdiction under Article 22 is almost absent. This is not surprising, because there has not been much judicial practice regarding CERD till about a decade ago. Hence,

¹ On law and practice regarding compromissory clauses see [Charney 1987; Noyes 1994; Thirlway 2011; Orakhelashvili 2007; Orakhelashvili 2008: 440-464].

² As for CERD litigation itself, there is not much literature on it. Suffice it to say that the latest editions of two leading textbooks on international dispute settlement do not address this matter [Merrills 2018; Tanaka 2018]; nor is it discussed in *Jurisdiction of Specific International Tribunals* [Amerasinghe 2009]. There is a brief discussion in: [Zimmermann 2013].

there will be no literature review in this contribution. Section 3 will focus on the Court's use of the rule on exhaustion of local remedies. Section 4 will assess and suggest some conclusions from both legal and policy perspectives. It should be reiterated that this contribution is neither a comprehensive analysis of the Court's jurisdiction, nor the analysis of the Court's judgment as a whole, but merely an analysis and assessment of that part of the Court's reasoning which relates to its jurisdiction under Article 22 CERD and admissibility of CERD claims.

2. Interpretation and Application of Jurisdictional Clauses

Article 24 ICSFT provides that

'Any dispute between two or more States Parties concerning the interpretation or application of this Convention which cannot be settled through negotiation within a reasonable time shall, at the request of one of them, be submitted to arbitration. If, within six months from the date of the request for arbitration, the parties are unable to agree on the organization of the arbitration, any one of those parties may refer the dispute to the International Court of Justice, by application, in conformity with the Statute of the Court.'

Basing the Court's jurisdiction on this clause has been a relatively straightforward matter. The Court has observed that, as a consequence of a number of exchanges of notes and four meetings, 'Little progress was made by the Parties during their negotiations. ... [and] that the dispute could not be settled through negotiation in what has to be regarded as a reasonable time'³. With regard to arbitration, the Court stated that 'Negotiations concerning the organization of the arbitration were subsequently held until a period of six months expired, yet no agreement was reached'⁴.

Article 22 CERD provides that

'Any dispute between two or more States Parties with respect to the interpretation or application of this Convention, which is not settled by negotiation or by the procedures expressly provided for in this Convention, shall, at the request of any of the parties to the dispute, be referred to the International Court

of Justice for decision, unless the disputants agree to another mode of settlement'.

The use of dispute settlement means antecedent to ICJ adjudication under Article 24 ICSFT depends on the voluntary agreement between parties to a dispute, and any State-party can unilaterally, through express objection or protraction in practice that is, prevent these antecedent means from being used. Conditions antecedent to adjudication under CERD involve, however, a gradual institutionalisation of dispute settlement process that does not entirely depend on the agreement between parties to a dispute. This way, it should be emphasised again, Article 22 CERD is a unique jurisdictional clause not replicated in any other multilateral treaty that confers jurisdiction to the Court under Article 36(1) of its Statute.

The way CERD's dispute settlement architecture envisages it, initially parties to a dispute must negotiate with each other; then they have to use procedure of the CERD Committee which does not yield binding result, yet substantially differs from negotiations, because it operates through third-party deliberation, investigation and assessment of the parties' claims. Negotiations are antecedent to the use of that procedure, but still they are part of the process through which the CERD Committee procedure is used (Article 11(2)). The latter procedure can be used after the matter has been brought before the Committee, as Article 11(2) CERD determines, 'If the matter is not adjusted to the satisfaction of both parties, either by bilateral negotiations or by any other procedure open to them'. Finally, adjudication before the ICJ is complementary and subsidiary to all the aforementioned.

With regard to ICSFT, Ukraine and Russia were unable to agree on arbitration. With regard to CERD, it was the respondent who chose not to have resort to the CERD Committee (as would have been the case, for instance, if Ukraine had not attempted to negotiate arbitration possibilities under ICSFT with Russia and then expected the Court to hold that this was not worth doing because Russia would not agree to arbitration). Still, with regard to Article 22 CERD, the Court said in *Ukraine v Russia* that 'Since the dispute between the Parties was not referred to the CERD

³ International Court of Justice: Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (*Ukraine v. Russian Federation*). Judgment of 8 November 2019 (hereinafter *Ukraine v Russia*). Para. 70. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/166/166-20191108-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020).

⁴ *Ukraine v Russia*. Para. 76.

Committee, the Court will only examine whether the Parties attempted to negotiate a settlement to their dispute⁵.

It will be recalled that Article 22 CERD was invoked and dealt with in an earlier case of *Georgia v Russia* [Okowa 2011; Lucak 2012; Parlett 2012; Szewczyk 2011]. An empirical difference between *Georgia v Russia* and *Ukraine v Russia* is that in the latter case Ukraine genuinely undertook attempts to negotiate with Russia regarding CERD matters. Having declined jurisdiction in *Georgia v Russia*, the Court has observed that 'Georgia did not claim that, prior to the seisin of the Court, it used or attempted to use the other mode of dispute resolution contained at Article 22, namely the procedures expressly provided for in CERD.' As the negotiation requirement was not satisfied anyway, the Court considered that it did not need to examine whether the two preconditions are cumulative or alternative. As neither requirement contained in Article 22 was satisfied, jurisdiction of the Court was not established, and the preliminary objection of the Russian Federation was upheld accordingly⁶. What the Court thus did in *Georgia v Russia* was to follow the requirement of judicial economy, as a purely procedural way of dealing with

the point that the issue raised before the Court and disputed between the litigating parties as to the requirement to resort to the CERD Committee need not be dealt with or resolved in that particular case, because it would not affect the outcome of that case anyway. The Court merely decided that the parties' claims regarding the CERD Committee needed not be adjudicated then and there⁷.

However, as a matter of pragmatic common sense, it is entirely understandable why Ukraine should have seen this as a window of opportunity to persuade the Court to assert jurisdiction in the case it brought against Russia⁸. Ukraine could indeed afford taking the position it took, because it had in fact attempted to negotiate with Russia, and was not willing to go to the CERD Committee. However, the problem here is not Ukraine's litigation strategy but the Court's rather perfunctory analysis of the CERD framework, which is not about *in casu* preferences of litigating parties, but about a complex and sequential arrangement of the carefully designed procedure, each element of which is an integral part of the entire CERD arrangement and serves its overall rationale just as any other part of CERD does. What Ukraine also had to do, according to Article 11 CERD, is not

⁵ *Ukraine v Russia*. Para. 113.

⁶ International Court of Justice: Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (*Georgia v. Russian Federation*). Judgment of 1 April 2011 (hereinafter *Georgia v Russia*). Paras. 183-184. URL: <https://www.icj-cij.org/en/multimedia/56e93a6288fa3fe1450a78e1> (accessed 22.12.2020). The Court relied on this finding in the 2018 provisional measures order in *Qatar v UAE*, suggesting that 'Although the Parties disagree as to whether negotiations and recourse to the procedures referred to in Article 22 of CERD constitute alternative or cumulative preconditions to be fulfilled before the seisin of the Court, the Court is of the view that it need not make a pronouncement on the issue at this stage of the proceedings'. The interim proceedings context involved in the latter case, not requiring any conclusive jurisdictional findings to be made, led the Court to state that 'Nor does it consider it necessary, for the present purposes, to decide whether any *electa una via* principle or *lis pendens* exception are applicable in the present situation'. International Court of Justice: Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (*Qatar v. United Arab Emirates*). Order. July 23, 2018. Para. 39. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/172/172-20180723-ORD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020).

See also: *Ukraine v Russia*. Para. 106. On negotiations in relation to ICJ adjudication see generally K. Wellens [Wellens 2019].

⁷ Otherwise, it would be unclear why the Court disagreed with the applicant's contention that 'all that is needed is that, as a matter of fact, the dispute had not been resolved (through negotiations or through the procedures established by CERD)'. See: *Georgia v Russia*. Paras. 125-126. Had the Court accepted that submission, it would have come closer to what Ukraine was submitting in *Ukraine v Russia*, namely that a dispute that has not been resolved because, or even though, it has not been submitted to the relevant procedure, is still one that is ready and mature for being adjudicated by the Court itself.

⁸ Submissions of Ukraine included the argument that 'The CERD Committee procedures referred to in Article 22 are voluntary, providing that a State 'may bring the matter to the attention of the Committee'. See Case concerning Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination. Memorial submitted by Ukraine. June 12, 2018 (hereinafter Memorial). Para 650. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/166/166-20180612-WRI-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020). However, the issue of whether CERD procedures are voluntary to be used as such is not the same as whether they have to be used before another procedure foreseen under the Convention will be used. Ukraine's another suggestion was that 'The Russian Federation has argued that after spending more than two years pursuing bilateral negotiation to the point of futility, Ukraine was **further** required to engage Russia in the CERD Committee's voluntary conciliation procedures. Russia's position is contrary to the ordinary meaning of Article 22 and would thwart the object and purpose of the CERD'. See: Memorial. Para. 648 (emphasis original). However, it might also be queried why, over that period of two years when negotiations did not yield any result, it did not occur to Ukraine that the CERD Committee procedures could as well be used.

just to attempt negotiation with Russia, but do so in parallel with going to the CERD Committee.

The Court has professed to be interpreting Article 22 CERD in line with Article 31 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, which provides that 'A treaty shall be interpreted in good faith in accordance with the ordinary meaning to be given to the terms of the treaty in their context and in the light of its object and purpose.' It therefore remains to examine how accurately the Court's approach and outcome it endorses reflects interpretative requirements enshrined in that clause.

To begin with, Article 22 CERD furnishes a single and integrated arrangement, presenting with the graduated sequence of four different means of dispute settlement (negotiation, CERD procedures, adjudication and other means of dispute settlement, conceivably arbitration, mediation or other). The adherence to this factor by the Court was displayed in the earlier case of *Georgia v Russia*, where the Court had noted that 'To the extent that the procedural requirements of Article 22 [CERD] may be conditions, they must be conditions precedent to the seisin of the Court even when the term is not qualified by a temporal element'⁹.

Thus, if the two pre-adjudication means are preconditions to the involvement of the Court, they have to be used before the Court is involved in the relevant case. However, the Court states in *Ukraine v Russia* that both negotiation and CERD Committee procedure are two means to achieve the same objective to settle a dispute by agreement, and they both rest on the States parties' willingness to seek an agreed settlement of their dispute¹⁰. The Court further observes that 'should negotiation and the CERD Committee procedure be considered cumulative, States would have to try to negotiate an agreed solution to their dispute and, after negotiation has not been successful, take the matter before the CERD Committee for further negotiation, again in order to reach an agreed solution. The Court considers that the context of Article 22 of CERD does not support this interpretation. In the view of the Court, the context of Article 22 rather indicates that it would not be reasonable to require States parties which have already failed to reach an agreed settlement through negotiations to engage in an additional set of nego-

tiations in accordance with the modalities set out in Articles 11 to 13 of CERD¹¹.

The Court seems to be speaking in terms of expediency and fairness. But how is a third-party conciliation procedure the same as "an additional set of negotiations"? It is, moreover, not obvious why the requirement to resort to one negotiation or conciliatory procedure after another is, as such, an unfair or unreasonable interpretative outcome, i.e. one that drafters of the treaty could not reasonably intend or the meaning of the treaty text could not reasonably entertain. Moreover, Article 11 CERD, being precisely part of the context with regard to the meaning of Article 22, envisages the seizure of the CERD machinery precisely after negotiations between States-parties have proved to be unsuccessful. There is nothing extraordinary in the Convention envisaging the resort to a third party-led procedure after the failure of bilateral negotiations to achieve an agreed solution of the dispute that could not be achieved through antecedent negotiations, and Article 11 and 13 CERD do just that. Conciliation proceedings conducted with the third-party involvement could well be a natural outcome to deal with the dispute that parties were not able to resolve on their own. The Court has put up a rather preconceived view of fairness and expediency, without addressing whether, why, or to what extent alternative outcomes would be unfair or inexpedient.

The Court's approach that conciliation via CERD procedures cannot be expected to be engaged in just because negotiations did not prove to be effective is problematic. As the Russian Federation has explained to the Court, 'conciliation under the auspices of the CERD Committee cannot be regarded as a kind of negotiation, since, unlike negotiation, it entails third-party intervention'¹², which point the Court chose not to address. Negotiations under Article 11 and Article 22 CERD mean the same thing, namely a preliminary stage to be gone through before the Convention's mediation or adjudication machinery is set in motion. If Article 22 is interpreted in its context, then it should be observed that Article 11 requires that if negotiations yield no result, the CERD Committee shall be entrusted with resolution of the relevant dispute. Otherwise, the CERD Committee shall in principle be entitled to decline dealing

⁹ *Georgia v Russia*. Para. 130.

¹⁰ *Ukraine v Russia*. Para.110.

¹¹ *Ibidem*.

¹² *Ukraine v Russia*. Para.99.

with the relevant case, just as the Court would have to do so when determining whether it has jurisdiction under Article 22.

However, the Court tries to justify its approach by claiming that:

‘the conjunction ‘or’ appearing between ‘negotiation’ and the ‘procedures expressly provided for in this Convention’ is part of a clause which is introduced by the word ‘not’, and thus formulated in the negative. While the conjunction ‘or’ should generally be interpreted disjunctively if it appears as part of an affirmative clause, the same view cannot necessarily be taken when the same conjunction is part of a negative clause. Article 22 is an example of the latter. It follows that, in the relevant part of Article 22 of CERD, the conjunction ‘or’ may have either disjunctive or conjunctive meaning. The Court therefore is of the view that while the word ‘or’ may be interpreted disjunctively and envisage alternative procedural preconditions, this is not the only possible interpretation based on the text of Article 22¹³.

The Court seems here to suggest that the meaning of the text of Article 22 is inconclusive. The Court has not concluded that the disjunctive meaning of ‘or’ is one to which the treaty text requires us to adopt. Instead, and through a rather brief analysis in a single paragraph, all the Court has shown is that such disjunctive meaning is one of the possible meanings of ‘or’: it might mean one thing but it might as well mean another thing.

The Court has left it there. But is the ordinary and plain meaning of Article 22 really so inconclusive? The primary meaning of ‘or’ in English is to ‘link alternatives¹⁴’, which naturally requires that wherever ‘or’ is used in a legal text it should be read as meaning ‘either ... or’. Article 22 uses words ‘not settled by’ and hence the alternative involved here is about the settlement of a dispute by one of those two modes, not about choice of parties which of those modes to use. Whether the Court has jurisdiction over a dispute turns not on what parties have preferred but on whether the dispute is settled at the time the Court is about to get involved with it. A dispute ‘not settled by’ either of the two pre-adjudication modes of dispute settlement is the same as one settled by neither of those modes. Consequently, under Article 22 the Court has jurisdiction over any dispute which

the parties have not settled *either* through negotiation *or* through submitting the matter to the CERD Committee. Conversely, if Article 22 were to confer discretion on one of the parties to determine whether resort to one of the pre-adjudication processes is useful or worthwhile, i.e. if ‘not settled by’ meant ‘not settled by ... because not so desired by the applicant State’, such discretion would apply to both modes of settlement and would entitle the applicant State to go directly to the Court without the use *either* of negotiation *or* of CERD Committee procedure, and an absurd result would obtain that the Court has jurisdiction over a dispute even though neither of the two pre-adjudication modes of dispute settlement has been used. It simply stands to no reason that one of those two modes should be mandatory and another optional; Article 22 does not entertain any such idea not least because, as shown above, it simply does not speak about choices made by parties at all¹⁵.

A further problem with the Court’s overall approach is that the text of Article 22 cannot be realistically described as a ‘negative’ clause in its entirety. What Article 22 does is to state on ‘affirmative’ terms when the Court’s jurisdiction exists, and then to specify, on ‘negative’ terms, that certain things should not have occurred if the Court is to exercise its ‘affirmatively’ conferred jurisdiction. It is not clear, moreover, why should it matter whether Article 22 is drafted in the affirmative or negative manner, because what the Court denotes as drafting certain terms of the conferral or conditions of jurisdiction on ‘affirmative’ terms would require drafting on ‘negative’ terms the other parts of Article 22 that in their current version look as though they were drafted ‘affirmatively’. If the authors of CERD had conveyed the idea embodied in Article 22 by using ‘affirmative’ and ‘negative’ languages in a reverse manner, they might have expressed it along the following or similar lines:

‘Any dispute between two or more States Parties with respect to the interpretation or application of this Convention, which is [or can be] settled by negotiation or by the procedures expressly provided for in this Convention, shall not, at the request of any of the parties to the dispute [i.e. without their common agreement], be referred to the International Court of Justice for decision, whether or not the disputants agree to another mode of settlement.’

¹³ Ukraine v Russia. Para.107.

¹⁴ *Compact Oxford English Dictionary*, 2nd ed. Ed. by J. A. Simpson and E. S. C. Weiner. Oxford: Oxford University Press. 2012. P. 712.

¹⁵ And, as shown below, other CERD provisions also attest to the limits on parties’ discretion in this context.

The use of words ‘which is [or can be]’ is deliberate here, because otherwise the ‘affirmative’ version of Article 22 text would refer to means that States-parties could use but they decide not to use them. That would, quite simply, make both negotiation and CERD procedures optional. If a State-party can choose not to use one of the methods of dispute settlement, why can it not choose not to use both of those methods? Could not the points raised in the above-cited passages of the Ukraine’s Memorial be simply extended to both those methods of settlements, especially when negotiation prospects are rather dim at the outset¹⁶? But such conclusion would have required from the Court to dismiss the respondent’s preliminary objection to jurisdiction in *Georgia v Russia*.

If the idea conveyed through the Court’s above ‘negative’ reading of Article 22 were to be conveyed through an ‘affirmative’ one, this would have to involve the wholesale alteration of its entire text, so that adjudication on conditions envisaged under Article 22 becomes adjudication excluded in the absence of those conditions being met. Therefore, distinguishing between the affirmative and negative nature of particular wordings hardly makes any sense or dispenses with the conditions antecedent to adjudication. States-parties could have expressed it either way, and the meaning of ‘or’ in Article 22 would be the same in both cases. Substituting ‘negative’ reading of Article 22 by its ‘affirmative’ reading does not alter the fact that the meaning ‘or’ means ‘either ... or’, and that the failure to use either of those two pre-adjudication means of dispute settlement forecloses the applicant State’s access to the Court.

Article 31(1) 1969 Vienna Convention requires that Article 22 has to be read in context with other provisions of CERD, which affirmatively require the use of the CERD Committee procedure even more than they require engaging in negotiations. It is simply not a contextually plausible reading of Article 22 to suggest that a dispute ‘which is not settled by negotiation ... [even if it could possibly be settled] by the procedures expressly provided for in this Convention’ is free to be taken directly to the ICJ. Why, then, do other CERD provisions, such as Article 11, require the use of CERD Committee procedure

precisely after, and further to the failure of, negotiations? Indeed, the CERD text in Article 11 is clear that negotiations are antecedent to mediation within the CERD framework which in its turn obviously becomes antecedent to adjudication before the ICJ. There is no provision of free ride to States-parties in any of these clauses, but a clearly and carefully prescribed sequence of procedures that they can use.

The above outcome with regard to the ordinary meaning of Article 22 is corroborated by the object and purpose of CERD, which has to be taken into account according to Article 31(1) 1969 Vienna Convention. The Court’s use of the ‘object and purpose’ criterion is not free of problems. To begin with, the Court did not use ‘object and purpose’ merely to confirm the disjunctive meaning of ‘or’ that the treaty text mandates us to adopt. Instead, the Court used ‘object and purpose’ in a more proactive way to select between two different and contested meanings of ‘or’, both of which could, according to the Court, be sustained by the treaty text. But did CERD’s object and purpose provide any added value in favour of the Court’s preferred ‘disjunctive’ reading of ‘or’?

The Court said that Article 2 CERD requires States parties to eliminate racial discrimination ‘without delay’; Articles 4 and 7 require that immediate and effective measures are adopted against racial discrimination; and the preamble to CERD pledges that States parties shall eliminate racial discrimination ‘speedily’. As all those provisions aim to eradicate all forms of racial discrimination effectively and promptly, the Court has thought that ‘the achievement of such aims could be rendered more difficult if the procedural preconditions under Article 22 were cumulative¹⁷. But this reasoning involves confusion between substantive and procedural aspects of the CERD framework. Articles 2, 4 and 7 CERD are about substantive obligations, whose performance by States-parties has to be assessed through applicable dispute settlement procedures. Just because States have to do certain things ‘speedily’, the Court does not acquire automatic or semi-automatic jurisdiction to assess their conduct, especially if a stage antecedent to its own involvement is expressly mentioned in the Convention’s text¹⁸. The resort to the CERD Committee may be just as suitable to secure ‘speedy’

¹⁶ This would also be more consistent with *Nicaragua*, see the text accompanying fn. 21 below.

¹⁷ *Ukraine v Russia*. Para.111.

¹⁸ Thus, for better or worse, Judge Skotnikov’s point in paragraph 13 of his dissent that ‘despite the appearance of the word ‘speedily’ in the preamble of CERD, there is no indication from the context of Article 22 that the States parties intended dispute resolution under CERD, rather than the performance of the primary obligation to eliminate racism, to be as quick as possible’ may well be right.

implementation of CERD as would be resort to the ICJ. Therefore, the Court's thesis involves confusion between two separate issues of how States should treat groups protected under CERD and when international organs have jurisdiction to assess that treatment. This hardly does any genuine service to the Convention's object and purpose. Moreover, it is not clear how the CERD's object and purpose can be served if specialised procedures expressly provided for in the Convention are ditched in favour of ICJ litigation that is at least as costly, lengthy and complex as the procedure before the CERD Committee. After all, the treaty interpretation point here is about the object and purpose of CERD as a discrete instrument, and thus about its entire framework and architecture, about the conditions on which CERD enables the resolution of racial discrimination disputes. It is not about more general and transcendent purposes to secure global justice by adjudicating on all racial discrimination disputes arising out of crises in various parts of the world.

Having conducted a thorough and persuasive analysis of jurisdictional clause under Article 22, Judge Tomka agreed that the two conditions antecedent to adjudication under this provision are cumulative, but explained his vote with the Court's majority by suggesting that relations between the litigating parties was too strained to make resolution through the CERD committee any realistic. Admitting that Ukraine's application was premature, Judge Tomka thought Ukraine could remedy this defect by making a fresh application¹⁹. However such fresh application could be made only after the procedure run by third party would be exhausted, i.e. after a procedure qualitatively different from face-to-face negotiations would have been used. The Court seems to assume *a priori* that a Convention organ would inevitably fail in its task in this particular case. But most problematically, the Court itself has not formulated, and could never be able to formulate, any transparent criteria as to when the required threshold is reached. The Court has instead provided with a blanket conclusion that the CERD Committee procedure can be omitted not when it is or would be ineffective, but when the applicant State chooses not to use it. This is an outcome which is general and meant to apply to all disputes

under CERD, not case-specific and driven by specificities of this particular Ukraine-Russia dispute. This can have further institutional implications for the United Nations system, essentially emasculating the CERD Committee's potential to deal with matters the Convention has entrusted it to deal with. Any State could now evade the use of CERD Committee, or conceivably even go to the ICJ halfway through that Committee's procedure.

The approach preferred in *Ukraine v Russia* also compromises the overall coherence of the ICJ's jurisprudence on the interpretation of compromissory clauses. For, if the Court can dispense with one of Article 22 pre-adjudication requirements, then it can dispense with both those requirements, and there is nothing to stop the Court from doing that with regard to both those requirements. After all this is what the Court did in 1984 in *Nicaragua v US* with regard to negotiations,²⁰ where any chance of negotiations between the Reagan administration and Sandinista government of Nicaragua was practically nil. One may observe that the same possibility was not any greater between Georgia and Russia around the period from 2008 to 2011, while the Court still adhered robustly to the requirement of negotiation and dismissed the case. The only way to consider that outcome as legitimate was to entertain a presupposition that Georgia's application would still not go through because they had not resorted to another, institutional, way of dispute settlement that CERD includes but the FCN Treaty between US and Nicaragua did not include. With its loose and overly flexible approach in *Ukraine v Russia*, the Court casts doubt not only on its adherence to the letter and spirit of CERD but also on the overall coherence of its jurisprudence.

3. Exhaustion of local remedies

The local remedies rule is widely regarded to be part of general international law and a precondition to resort to any international tribunal by a State in cases involving the treatment of individuals and their groups by another State. Constituent instruments of some international tribunals contain express reference to the local remedies rule, but every tribunal is expected to respect this requirement unless it has

¹⁹ Separate Opinion of Judge Tomka. *Ukraine v Russia*. Para.30.

²⁰ International Court of Justice: *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Judgment. November 26, 1984. Para. 83. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/70/070-19841126-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020); the Nicaragua-US FCN clause referred to 'dispute not satisfactorily settled by diplomacy'.

been expressly waived by its constituent instrument. The use of the local remedies rule has been discussed in jurisprudence repeatedly, but CERD has also proposed its own approach on this. Article 11(3) CERD provides that

‘The Committee shall deal with a matter referred to it in accordance with paragraph 2 of this article after it has ascertained that all available domestic remedies have been invoked and exhausted in the case, in conformity with the generally recognized principles of international law. This shall not be the rule where the application of the remedies is unreasonably prolonged’.

Obviously, this clause is not about proceedings before the ICJ, but at least it shows what the appropriate approach would be with regard to CERD violations and disputes arising under it.

The Court in *Ukraine v Russia* decided that the admissibility of Ukraine’s claims was not affected by the failure of the relevant individuals protected by CERD to exhaust domestic remedies. The Court’s overall reasoning about the local remedies rule is rather counter-factual, nebulous and perfunctory. The Court suggests that ‘Ukraine does not adopt the cause of one or more of its nationals, but challenges, on the basis of CERD, the alleged pattern of conduct of the Russian Federation with regard to the treatment of the Crimean Tatar and Ukrainian communities in Crimea. In view of the above, the Court concludes that the rule of exhaustion of local remedies does not apply in the circumstances of the present case’²¹.

This finding is evidently counter-factual, because Ukraine has itself requested, both with regard to alleged violations of ICSFT and CERD, that Russia must ‘Pay Ukraine financial compensation, in its own right and as *parens patriae* for its citizens’²². It is unclear how Ukraine was not standing up to protect the rights of one or more of its nationals. The distinction drawn by the Court is one without difference, even more so as reparation is demanded by Ukraine for individuals, not for the injury suffered by the State of Ukraine as such²³.

In *Elettronica Sicula*, the Court clarified that, in order to avoid resorting to local remedies, a State must demonstrate that the injury it claims is not just a breach of an international obligation in force between the applicant State and the respondent State, but is caused to the State as such and directly. The crucial test is whether a State acts for the redress of injury to its national or to that State as such²⁴. In *Avena* this element of the local remedies rule has received a somewhat relaxed treatment, owing to the special nature of interdependence of State and individual rights in the context of consular protection of Mexican citizens in the USA, which is an inherently public and sovereign task even as it relates to the rights of individuals. The State was directly injured and hence local remedies did not have to be exhausted.²⁵ However, *Ukraine v Russia* has not exposed any evidence showing how State rights were inherently engaged, as opposed to (or compared with) Mexico’s consular prerogatives in *Avena*. The dispute under CERD was inherently and solely about individuals and their groups being discriminated against.

Moreover, the fact that individuals or their groups suffer from a ‘pattern’ of State activity does not *per se* legitimate any exception from the local remedies rule. The Court’s decision to dis-apply the local remedies rule just because the applicant State frames its claim in a particular manner (for instance by describing respondent’s action as ‘pattern’) is entirely unprecedented in international jurisprudence. There is nothing inherent in ‘the alleged pattern of conduct of the Russian Federation with regard to the treatment of the Crimean Tatar and Ukrainian communities in Crimea’ that it could not be reversed by Russian authorities should the affected individuals raise these matters before the Russian judiciary or other competent organs. Whether or not this outcome would actually materialise could only be speculated, but that does not – ever – do away with the requirement to exhaust local remedies in the absence of evidence that discrimination matters were raised

²¹ *Ukraine v Russia*. Para.130.

²² *Ibid.* Para.107.

²³ Ukraine demanded that Russia must ‘make full reparation for all victims of the Russian Federation’s policy and pattern of cultural erasure through discrimination in Russian-occupied Crimea’. See *Ukraine v Russia*. Para.18.

²⁴ International Court of Justice: *Elettronica Sicula S.p.A. (ELSI)* (United States of America v. Italy). Judgment. July 20, 1989. Paras. 42-43. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/76/076-19890720-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020).

²⁵ International Court of Justice: *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*. Judgment. March 31, 2004. Para. 40. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/128/128-20040331-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 22.12.2020). See, on this case: [Orakhelashvili 2005]; and for discussion of various uses on the local remedies rule: [Orakhelashvili 2018].

and were not properly dealt with within the Russian legal system.

If the local remedies rule is to be dis-applied, an international tribunal has to identify the problem with remedies in the respondent State's legal system (as opposed to the type of alleged violations meant to be redressed through the use of those local remedies). The only plausible ground on which the applicability of the local remedies rule could be dispensed with is that the pursuit of remedies in question is impracticable in the particular case, for instance because the relevant remedies are not available, or the affected individuals cannot afford the cost of it,²⁶ or the procedures are unnecessarily prolonged, or because the violations involved in the case are perpetrated as part of the relevant State's administrative practice.²⁷

The European Court of Human Rights has discussed in its practice the connection between administrative practice and the local remedies rule. However, the European Court proposed a more nuanced approach in *Georgia v Russia*:

'the question of the application of the rule of exhaustion of domestic remedies and compliance with it are so closely related to that of the existence of an administrative practice that they must be considered jointly during an examination of the merits of the case'²⁸.

Grand Chamber of the Strasbourg Court ended up dismissing the local remedies objection at the merits stage²⁹. An outcome similar to that might have been possible to reach at the merits stage of the Ukraine-Russia case before the ICJ, if this Court were to identify evidence to be examined at the relevant stage of its proceedings, namely evidence that would

demonstrate that Russian policies and practices made the use of local remedies impracticable. By contrast, the Court merely bases its approach on what Ukraine is claiming with regard to Russian conduct. And in the tactical sense, the distinction the ICJ proposes in the above-quoted passage of its judgment³⁰ seems to be aimed precisely at deflecting the focus from the overall context of Russian activities in Crimea, so that then they do not have to join the local remedies objection to the merits, or conduct the detailed analysis of Russian judicial or administrative remedies at the preliminary objections stage. More specifically, the Court would have been expected to demonstrate whether and how the pattern of Russian treatment of minorities in Crimea amounts to administrative practice on which the respondent State's judiciary simply cannot be expected to dispense justice; or whether, to answer the query raised by Article 11(3) CERD, remedies are unreasonably prolonged. That would have required a greater rigour to be used in the reasoning and more detailed evidence to be adduced with regard to the local remedies' situation specifically. What instead obtains from the Court's approach is a mere assertion not validated in any international tribunal's existing jurisprudence. The problem is corroborated by the contrast between the ECtHR's careful and detailed analysis of this problem and the ICJ's rather short and nebulous treatment of it. Whether on the account of general international law criteria, or CERD-specific criteria, or those under other human rights treaties, the Court's approach is flawed.

In the admissibility decision in a later case of *Ukraine v Russia (Re Crimea)*, rendered by ECHR's Grand Chamber³¹, the European Court has rejected

²⁶ Inter-American Court of Human Rights: Exceptions to the Exhaustion of Domestic Remedies. Advisory Opinion. August 10, 1990. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_11_ing.pdf (accessed 22.12.2020).

²⁷ European Court of Human Rights: Akdivar v Turkey. Application No. 21893/93. September 16, 1996. Paras. 67-68. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:\[%22001-58062%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:[%22001-58062%22]) (accessed: 22.12.2020).

²⁸ European Court of Human Rights: Georgia v Russia. Decision. Application no. 13255/07. June 30, 2009. Para. 50. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-93425&filename=001-93425.pdf&TID=rengtkgtcd> (accessed 22.12.2020). See also European Court of Human Rights: Georgia v Russia (II). Decision. Application No. 38263/08. December 13, 2011. Para. 93. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:\[%22001-108097%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:[%22001-108097%22]) (accessed 22.12.2020). Earlier in *Greece v UK* (Application No. 176/56 and Application No. 299/57), the European Commission dis-applied the local remedies rule only after ascertaining that claims against UK related to administrative practice. See European Court of Human Rights: Greece v UK. Decision. Application No. 176/56. May 7, 1956. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-142534&filename=001-142534.pdf> (accessed 22.12.2020); *Greece v UK (II)*. Decision. Application No. 299/57. July 8, 1959. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-75361&filename=001-75361.pdf> (accessed 22.12.2020).

²⁹ European Court of Human Rights: Georgia v Russia. Judgment. Application No. 13255/07. July 3, 2014. Para. 159 (identifying practical problems preventing individuals to access those local remedies). URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?docid=5c530a824> (accessed 22.12.2020).

³⁰ See above n.21.

³¹ European Court of Human Rights: Ukraine v Russia (Re Crimea). Applications No. 20958/14 and No. 38334/18 Decision. January 14, 2021. Paras. 363-368. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/60016bb84.pdf> (accessed 17.01.2021).

the respondent State's objection as to exhaustion of local remedies because, according to the Court, Ukraine's claims related to administrative practice. Unlike *Georgia v Russia*, the Court has not joined the local remedies objection to the merits but rejected it at the preliminary objections stage. The equalising factor is, however, that claims found admissible in *Re Crimea* are qualified by the administrative practice requirement. Ukraine can prevail at the merits stage if it demonstrates not just that violations of the European Convention have been committed, but also that they have been committed as part of administrative practice. The practical effect of this decision is the same as that in *Georgia v Russia* above. However, there is no such equalising factor in the case pending before the ICJ, and Ukraine needs to simply prove that CERD violations have been committed, whatever those putative violations' scale or context or whether they pertain to any administrative practice or some 'pattern' the meaning of which has never been clarified.

4. Conclusion

It is the bottom-line in international adjudication that the International Court, which is a court of law, has to properly apply the law that governs its activities, above all the law that governs its own jurisdiction and admissibility of cases submitted to it. With regard to CERD, the Court prioritises one dispute settlement method over another in a blanket and *a priori* manner. The Court's Judgment does not coherently pursue or complete the task of identifying the meaning of relevant CERD provisions, and leaves some of CERD provisions without proper consideration. The Court's assertion of jurisdiction over Russia under this treaty violates the Court's Statute, namely its Article 36, because the conditions on which the respondent State has consented to the Court's jurisdiction have not been fulfilled. Moreover, declining jurisdiction under CERD would not mean that the dispute between Ukraine and Russia would inevitably remain unsettled. The Court would still have been able to adjudicate the case on the basis of ICJ-FT, and the outcome would not have been anywhere near to denying justice to the applicant State.

It would be fully within the rights of the respondent State to regard the part of the judgment related

to CERD as *ultra vires* and refuse to obey the Court's determinations on the merits of the case as far as alleged violations of CERD are concerned. For, the Court asserted jurisdiction where none of it had been conferred to it under CERD. However, Russia has through its Foreign Ministry already indicated that it has no intention to take that route and is going to participate and present substantive counter-arguments to the Ukrainian case at the merits stage of the proceedings³². But not every State involved in any future litigation – possibly launched by applicant States encouraged by the Court's rather loose treatment of the matters of jurisdiction and admissibility – could be expected to be that constructive and receptive when presented with such plainly *ultra vires* findings. Implications would then follow in terms of participation of States in hearings of cases on merits, compliance with the judgements rendered, denunciation of instruments containing jurisdictional clauses wherever possible, and overall propensity of States to give consent to the Court's jurisdiction.

One might also try to justify the Court's decision along the lines suggested by Martti Koskenniemi, namely that 'few international lawyers think of their craft as the application of pre-existing formal rules or great objectives. What rules are applied, and how, which interpretative principles are used and whether to invoke the rule of exception - including many other techniques - all point to pragmatic weighing of conflicting considerations in particular cases. What is sought is something practical, perhaps the 'fairness' of the outcome' [Koskenniemi 2011]. Such 'fairness' could have ethical, political or ideological connotations, whether so articulated expressly or not. Justifying or defending legally flawed judicial decisions rendered against the background of political and ideological divisions that major crises and conflicts invariably entail, or advocating the relaxation of legal rigour, would almost inevitably be seen as an approval of a judicial organ being driven by political and ideological considerations, along with legal ones, or taking sides in political controversies, whether or not that is in fact the case or could be substantiated by evidence. For, what else would inform one's perception of fairness in cases involving major crises and political divisions? Positivist international lawyers, whether there are few or many of us, would object that the international legal system is not a system of

³² Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: Press release on judgment of the International Court of Justice regarding Russia's preliminary objections to jurisdiction in the case "Ukraine v. Russian Federation". November 9, 2019. URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/3892148 (accessed 29.11.2020).

values and interests, but a system of agreed rules and instruments that contain those rules. That is a fact that no theory could deny and no politics could upset. There will no doubt be those who will consider the Court's decision as fair or sensible, on political, ideological or other possible grounds. But that also opens the possibility of the Court being accused of having manipulated the content of applicable legal instrument out of some considerations of fairness by

weighing conflicting considerations, rather than giving effect to the intention of States-parties to CERD as appears from the latter's text. Whether the adoption of that approach by a court whose terms of reference and jurisdiction owe their existence entirely to the consent of States could be regarded as fair or sensible is something to be wondered about by all of us, far beyond the circle of Koskenniemi's 'few'.

References

1. Amerasinghe C. *Jurisdiction of Specific International Tribunals*. Leiden; Boston: Brill. 2009. 574 p.
2. Charney J.I. Compromissory Clauses and the Jurisdiction of the International Court of Justice. – *American Journal of International Law*. 1987. Vol. 81. Issue. 4. 855-887. DOI: <https://doi.org/10.2307/2203414>
3. Koskenniemi M. *The Politics of International Law*. Portland, OG: Hart Publishing. 2011. 388 p.
4. Lucak N. Georgia v. Russia Federation: A Question of the Jurisdiction of the International Court of Justice. – *Maryland Journal of International Law*. 2012. Vol. 27. Issue 1. P. 323-354.
5. Merrills J. *International Dispute Settlement*. 6th ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 2017. 374 p. DOI: [10.1017/9781316683149](https://doi.org/10.1017/9781316683149)
6. Noyes J. E. The Functions of Compromissory Clauses in U.S. Treaties. – *Virginia Journal of International Law*. 1994. Vol. 34. P. 831-850.
7. Okowa P. The International Court of Justice and the Georgia/Russia Dispute. – *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11. Issue 4. P. 739-757. DOI: [10.1093/hrlr/ngr039](https://doi.org/10.1093/hrlr/ngr039)
8. Orakhelashvili A. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. 8th ed. London; New York: Routledge. 2018. 622p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429439391>
9. Orakhelashvili A. Interpretation of Jurisdictional Instruments in International Dispute Settlement. – *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*. 2007. Vol. 6. Issue 1. P. 159-188. DOI: [10.1163/156918507X193159](https://doi.org/10.1163/156918507X193159)
10. Orakhelashvili A. Judicial Competence and Judicial Remedies in the *Avena* Case. – *Leiden Journal of International Law*. 2005. Vol. 18. Issue 1. P.31-48. DOI: <https://doi.org/10.1017/S092215650400233X>
11. Orakhelashvili A. *The Interpretation of Acts and Rules in Public International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2008. 604 p. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199546220.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199546220.001.0001)
12. Parlett K. The International Court of Justice's Decision on Preliminary Objections in Georgia v. Russia: towards formalism?. – *Cambridge Law Journal*. 2012. Vol. 71. Issue 1. P. 56-58. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0008197312000189>
13. Szewczyk B.M.J. Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. – *American Journal of International Law*. 2011. Vol. 105. Issue 4. P. 747-754. DOI: <https://doi.org/10.5305/amerjintlaw.105.4.0747>
14. Tanaka Y. *The Peaceful Settlement of Disputes in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2018. 462 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316687062>
15. Thirlway H. The Law and Procedure of the International Court of Justice 1960–1989: Supplement, 2010: Parts nine and ten. – *British Yearbook of International Law*. 2011. Vol. 81, Issue 1. P. 13–170. DOI: <https://doi.org/10.1093/bybil/brr008>
16. Wellens K. Some Reflections on Good Faith during Negotiations in Recent ICJ Cases. – *Spanish Yearbook of International Law*. 2019. Vol. 23. P.31-69.
17. Zimmermann A. Human Rights Treaty Bodies and the Jurisdiction of the International Court of Justice. – *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*. Vol. 12. Issue 1. P. 5-29. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718034-12341244>

About the Author

Alexander Orakhelashvili,
Reader, Birmingham Law School, University of Birmingham

Edgbaston, Birmingham, United Kingdom, B15 2TT

a.orakhelashvili@bham.ac.uk
ORCID: 0000-0003-2921-7169

Информация об авторе

Александр Оракелашвили,
доцент, факультет права, Бирмингемский университет

B15 2TT, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Бирмингем, Эдгбастон

a.orakhelashvili@bham.ac.uk
ORCID: 0000-0003-2921-7169

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-70-80>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 27.12.2020
Принята к публикации: 14.02.2021**Сергей Юльевич ГАРКУША-БОЖКО**Школа высшего спортивного мастерства по водным видам спорта имени Ю.С. Тюкалова
Наб. Гребного канала, д. 10, стр. 1, Санкт-Петербург, 197110, Российская Федерация
garkusha-bozhko.sergej@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1253-3157

ПРОБЛЕМА КИБЕРШПИОНАЖА В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена анализу проблемы кибершпионажа в контексте вооруженного конфликта в киберпространстве. Актуальность данного исследования, как части проблемы применения норм международного гуманитарного права в киберпространстве, подтверждается стремительным развитием информационных технологий, которые могут быть использованы в ходе вооруженного конфликта, а также наличием Таллинского руководства 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Главными источниками настоящего исследования являются положения Таллинского руководства 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям, нормы Дополнительного протокола I от 08 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., нормы Гаагского «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г. и нормы обычного международного гуманитарного права. Методологию составили принципы, применяемые в юридических исследованиях, а также общенаучные и специальные методы правовых исследований (системный и формально-юридический методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Изучены положения Таллинского руководства о кибершпионаже на предмет соответствия нормам Дополнительного протокола I от 08 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., Гаагского «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г. и нормам обычного международного гуманитарного права. Также изучены проблемы,

которые могут возникнуть в процессе возможного практического применения указанных положений Таллинского руководства.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Отмечено, что положения Таллинского руководства 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям и кибершпионажу, основаны на соответствующих нормах международного права. По сути, соответствующее положение Таллинского руководства полностью скопировано с соответствующих норм МГП. Однако в результате настоящего исследования автор приходит к выводу, что такое слепое копирование не учитывает особенностей киберпространства и создает проблемы при возможном практическом применении данных положений Таллинского руководства.

Во-первых, в силу анонимности пользователей на практике будет трудно провести разграничение между киберразведчиком и кибершпионом. Во-вторых, в силу сложностей в установлении четких государственных границ в киберпространстве (установлении границ государственного суверенитета), в том числе, обусловленных использованием технологий блокчейн и VPN, на практике невозможно достоверно установить, осуществлялся ли тайный сбор информации на территории противника, что, в свою очередь, влечет сложности в квалификации такого деяния в качестве кибершпионажа. И, наконец, в современных условиях шпионаж перестал быть явлением исключительно международных вооруженных конфликтов, и поэтому есть вероятность, что и кибершпионаж

может осуществляться не только в контексте вооруженного конфликта международного характера, но и в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера. По результатам настоящего исследования были высказаны предложения о развитии практики государств по данному вопросу. Обсуждение вышеуказанных проблем на Генеральной Ассамблее ООН помогло бы выделить основные тренды развития такой практики. И только после того, как практика государств по данному вопросу станет более очевидной, можно ставить вопрос о разработке соответствующего международного договора, желательно на площадке ООН.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кибершпионаж, эксплуатация компьютерных сетей, киберразведка, международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, Таллинское руководство, шпионаж, разведка, кибершпион

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаркуша-Божко С.Ю. Проблема кибершпионажа в международном гуманитарном праве. – Московский журнал международного права. № 1. С. 70–80. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-70-80>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-70-80>

Research article
Received 27 December 2020
Approved 14 February 2021

Sergei Yu. GARKUSHA-BOZHKO

School of Higher Sportsmanship in Water Sports named after Yu. S. Tyukalov
10-1, Naberezhnaya Grebnogo kanala, Saint-Petersburg, Russian Federation, 197110
garkusha-bozhko.sergej@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1253-3157

THE PROBLEM OF CYBER ESPIONAGE IN THE INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

INTRODUCTION. *The article analyses the problem of cyber espionage in the context of armed conflict in cyberspace. The relevance of this research, as part of the problem of international humanitarian law applying in cyberspace, is confirmed by the rapid development of cyber technologies that can be used during armed conflict, as well as the availability of the Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations.*

MATERIALS AND METHODS. *The main sources of this research are the provisions of the Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations, the rules of Additional Protocol I of June 08, 1977 to the Geneva Convention of August 12, 1949, the rules of the Hague Regulations on the Laws and Customs of War on Land of 1907, and the rules of custom-*

ary international humanitarian law. The methodology consists of the principles used in legal research, as well as general scientific and special methods of legal research (system and formal legal methods).

RESEARCH RESULTS. *The provisions of the Tallinn Manual on cyber espionage were examined for compliance with the relevant provisions of Additional Protocol I of June 08, 1977 to the Geneva Convention of August 12, 1949, the Hague Regulations on the Laws and Customs of War on Land of 1907, and the rules of customary international humanitarian law, as well as the problems that may arise in the process of possible practical application of this provision of the Tallinn Manual.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *It is noted that the provisions of the Tallinn Manual 2.0 on cyber*

espionage are based on the relevant rules of international law. In fact, the relevant provision of the Tallinn Manual is completely copied from the relevant rules of IHL. However, based on the results of this research, the author comes to the conclusion that such blind copying does not take into account the specifics of cyberspace and leads to the following problems in the possible practical application of this provision of the Tallinn Manual: firstly, due to the anonymity of users, it will be difficult to distinguish between a cyber intelligence officer and a cyber spy in practice. Secondly, due to the difficulties in establishing clear state borders in cyberspace, including due to the use of blockchain and VPN technologies, in practice it is impossible to reliably establish whether secret information was collected on the territory of the enemy, which, in turn, leads to difficulties in qualifying such an act as cyber espionage. Finally, in the context of modern armed conflicts, espionage has ceased to be a phenomenon exclusively of international armed conflicts, and therefore it is likely that cyber espionage can be carried out not only in the context of an international armed conflict, but also in the context of a

non-international armed conflict. Based on the results of this research, suggestions were made to develop state practice on this issue. It is desirable that States raise the discussion of the above issues at the UN General Assembly, which would help to identify the main trends in the development of such practices. Only And only after the practice of States on this issue becomes more obvious, the question of developing an appropriate international treaty, preferably within the UN, can be raised.

KEYWORDS: *cyber espionage, Computer Network Exploitation, Cyber Reconnaissance, international humanitarian law, armed conflict, Tallinn Manual, espionage, intelligence, cyber spy*

FOR CITATION: Garkusha-Bozhko S.Yu. The Problem of Cyber Espionage in the International Humanitarian Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No 1. P. 70–80. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-70-80>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Развитие информационных технологий в наше время затрагивает все сферы деятельности человечества в мировом масштабе. Не стала исключением и военная деятельность государств. В настоящий момент уровень развития военных информационных технологий позволяет говорить о возможности распространения военных действий на информационное пространство, или, как его называют в западных странах, киберпространство (*англ.* – cyberspace). Иными словами, в современном мире вооруженный конфликт в киберпространстве перестал быть выдумкой писателей-фантастов и сценаристов развлекательных фильмов – теперь это потенциально возможный конфликт, который может начаться из-за столкновения интересов двух и более государств в киберсфере. О вероятности такого конфликта говорится в заявлении российского Президента В. В. Путина, который отметил, что «одним из основных стратегических вызовов

современности является риск возникновения масштабной конфронтации в цифровой сфере»¹.

Как отмечают в доктрине [Мельцер 2017:51], киберпространство является «пятой сферой или пятым доменом ведения военных действий» после суши, моря, воздушного и космического пространств. Данное утверждение не может быть оспорено по той причине, что в силу уровня развития современных технологий киберпространство, в действительности, является потенциальным театром военных действий. Высокая вероятность таких вооруженных конфликтов заставила государства задуматься о вопросе правового регулирования таких конфликтов, и в 2013 году благодаря усилиям юристов и военных специалистов из стран военно-политического блока НАТО при участии специалистов из Международного Комитета Красного Креста (МККК), было разработано Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибервооружениям (*Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare*).

¹ Путин В. В. Заявление о комплексной программе мер по восстановлению российско-американского сотрудничества в области международной информационной безопасности. 25.09. 2020. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/64086> (дата обращения: 13.12.2020).

Данное Руководство является попыткой разработать нормы международного права, применимые не только к такому роду вооруженных конфликтов, но и к киберпространству в целом – как в военное, так и в мирное время. Необходимость этих международно-правовых норм очень высока, что и обусловило принятие новой расширенной версии Руководства в 2017 г. (*Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations*). Существование Руководства лишний раз доказывает актуальность как проблемы правового регулирования вооруженных конфликтов в киберпространстве, так и проблемы правового регулирования киберпространства в целом.

Конечно, никто не оспаривает тот факт, что в случае начала вооруженного конфликта в киберпространстве к нему будут применяться нормы международного гуманитарного права (МГП). Однако в этой ситуации существует ряд проблем, требующих глубокого исследования. Одна из них – кибершпионаж. Как отмечают исследователи, развитие информационных технологий способствует интересу к правовому исследованию данного явления [Navarrete, Buchan 2019:899]. В настоящей статье мы попробуем разобраться в этой непростой проблеме.

2. Исследование

Норма 89 Таллинского руководства закрепила следующее положение: «Член вооруженных сил, который занимается кибершпионажем на контролируемой противником территории, теряет право быть военнопленным и может рассматриваться как шпион, если он захвачен до возвращения в вооруженные силы, к которым он принадлежит» [Tallinn Manual...2017:409].

Очевидно, что данная норма основана на ст. 29–31 Гаагского «Положения о законах и обы-

чаях сухопутной войны» 1907 г.² и на ст. 46 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г.³, которые отражают обычное право [Хенкертс, Досвальд-Бек 2006:497]. Исходя из этих норм, норма о кибершпионаже применима исключительно в международных кибернетических вооруженных конфликтах. Однако отметим, что явление шпионажа сегодня присуще не только международным вооруженным конфликтам.

Практика последних лет показывает, что стороны вооруженного конфликта немеждународного характера также привлекают лиц противной стороны к уголовной ответственности за шпионаж. Это, в частности, подтверждает вооруженный конфликт немеждународного характера на территории юго-востока Украины, в Донбассе. Данный конфликт также имеет особенность – одной из его сторон являются самопровозглашенные государства – Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР), органы которых и привлекают к ответственности за шпионаж⁴.

Так, например, 16 марта 2018 г. Военный трибунал на правах палаты Верховного суда ДНР вынес обвинительный приговор по ст. 321 «Шпионаж» Уголовного кодекса ДНР⁵ в отношении Губкиной Ольги Михайловны, гражданки Украины, работавшей на Службу безопасности Украины (СБУ)⁶.

Органами МГБ ДНР было установлено, что Губкина О. М. во время ее выезда на территорию Украины в г. Запорожье в результате угроз в ее адрес и психологического давления в виде угроз ее родственникам, постоянно проживающим на территории Украины, со стороны сотрудников УСБУ Запорожской области дала согласие на негласное сотрудничество с указанной службой⁷. Иными словами, она была завербована и стала агентом СБУ. Сотрудничество в данном случае

² Документы по международному гуманитарному праву и другие документы, относящиеся к ведению военных действий. М.: МККК. 2012. С. 28-29.

³ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М.: МККК. 2011. С. 234–235.

⁴ См.: Министерство государственной безопасности ДНР. Официальный сайт. Доступ: <http://www.mgbdnr.ru/> (дата обращения: 15.12.2020); Министерство государственной безопасности ЛНР. Официальный сайт. Доступ: <http://www.mgblnr.org/> (дата обращения: 15.12.2020).

⁵ Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19 августа 2014 г. Доступ: <https://supcourt-dnr.ru/zakonodatelstvo/ugolovnyu-kodeks-doneckoy-narodnoy-respubliki-prinyat-postanovleniem-verhovnogo> (дата обращения: 15.12.2020).

⁶ Новостная сводка МГБ ДНР. 05.04.2018. Доступ: http://www.mgb-dnr.ru/news.php?id=20180405_00&img_num=0 (дата обращения: 15.12.2020).

⁷ Там же.

выразилось в обязанности Губкиной передавать стратегическую информацию, в том числе и секретного характера⁸.

Данное дело показывает, что шпионаж в современных условиях перестал быть феноменом исключительно вооруженных конфликтов международного характера, это явление теперь присуще и вооруженным конфликтам немеждународного характера. Особенность рассмотренного дела еще в том, что к ответственности за шпионаж привлекало самопровозглашенное государство в лице своего судебного органа⁹ по своему собственному уголовному закону. Более того, аналогичных дел, связанных с вооруженным конфликтом в Донбассе, немало¹⁰, что еще раз подтверждает тезис об эволюции понятия «шпион» в международном гуманитарном праве.

Исходя из этого, полагаем, что и кибершпионаж в современных условиях вряд ли будет явлением исключительно международных кибернетических вооруженных конфликтов – есть вероятность, что действия, попадающие под определение кибершпионажа, будут осуществляться и во время немеждународного кибернетического вооруженного конфликта. Однако не будем сильно критиковать разработчиков Таллинского руководства за ограничение нормы о кибершпионаже исключительно международными вооруженными конфликтами в киберпространстве. Данное ограничение обусловлено классическим пониманием шпионажа в МГП. Ограничимся замечанием, что такое классическое понимание не отвечает современным реалиям вооруженных конфликтов.

Далее, в Таллинском руководстве отмечается, что норма о кибершпионаже распространяется исключительно на военнослужащих. В случае если кибершпионажем занимается гражданское лицо, такие действия будут актом непосредственного участия в военных действиях, в результате которого гражданское лицо теряет свой иммунитет от нападения и может преследоваться следственными органами воюющего государства [Tallinn Manual...2017:410].

Согласимся с указанным замечанием по следующим причинам. Как известно, под непо-

средственным участием в военных действиях понимаются «конкретные враждебные акты, совершенные отдельными лицами в рамках ведения военных действий между сторонами в вооруженном конфликте» [Мельцер 2009:52]. Шпионаж, конечно же, является враждебным актом, поэтому полагаем, что такой вид шпионажа в вооруженных конфликтах необходимо считать непосредственным участием гражданских лиц в военных действиях.

Кроме того, практика многих войн, в первую очередь Великой Отечественной войны, подтверждает тезис о том, что участие гражданских лиц в шпионской деятельности представляет собой непосредственное участие в военных действиях, и воюющие государства могут привлекать за это к уголовной ответственности таких лиц. В качестве примера такой практики можно привести уголовное дело арх. № 37932 в отношении И. Ф. Кириллова, М. Ф. Баскакова и И. П. Приемышева, хранящееся в Архиве УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Строганов 2009:123].

Дополнительно отметим, что участие гражданских лиц в шпионской деятельности в пользу одного из воюющих государств – не новинка для вооруженных конфликтов. Такие случаи были не только во время Великой Отечественной войны (где к концу 1941 г. уже половина задержанных немецких агентов были гражданами СССР, в том числе и гражданскими лицами [Сизенко 2010:250]), но и во время Первой мировой войны. Достаточно вспомнить Мату Хари, которая была гражданским лицом, но осуществляла шпионскую деятельность в пользу Германии.

Несмотря на выраженное выше согласие с разработчиками Таллинского руководства, отметим, что подход, согласно которому участие гражданских лиц в шпионаже и кибершпионаже признается актом непосредственного участия в военных действиях, является достаточно формальным. Ввиду того, что это достаточно часто встречается на практике и государства привлекают за такие действия к уголовной ответственности, полагаем, что необходимо внести соответствующие изменения в существующие международные договоры по международному

⁸ Там же.

⁹ О судебной системе. Постановление Совета Министров ДНР № 40-2 от 22 октября 2014 г.. Доступ: <https://supcourt-dnr.su/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-ministrov-doneckoy-narodnoy-respubliki-o-sudebnoy-sisteme-ot> (дата обращения: 15.12.2020).

¹⁰ См. сноску 4.

гуманитарному праву в целях предотвращения разночтений существующих норм.

Кибершпионаж в Таллинском руководстве определяется как «любой акт, совершенный тайно или под ложными предложениями, [в процессе осуществления] которого используются кибернетические возможности для сбора (или попытки сбора) информации с намерением передать ее противной стороне» [Tallinn Manual...2017:410]. Подчеркивается, что тайный характер операции кибершпионажа предполагает сокрытие факта ее совершения и личности кибершпиона [Tallinn Manual...2017:410]. Что касается использования ложных предложений, то оно предполагает создание ложного впечатления, что кибершпион имеет право на доступ к информации, которая является объектом сбора [Tallinn Manual...2017:410].

В свою очередь отметим, что в этом определении чувствуется влияние норм обычного международного гуманитарного права, что неудивительно, т. к. вне зависимости от использования в разведывательной и шпионской деятельности специальных средств, включая информационные технологии, суть такой деятельности (тайный сбор информации) останется неизменной.

Разработчики Таллинского руководства особо подчеркнули, что шпионаж (разведка), включая кибершпионаж, не запрещен правом вооруженных конфликтов и международным правом в целом [Tallinn Manual...2017:410]. На отсутствие такого запрета в международном праве также указывается и в доктрине [Давид 2011:490; Сасоли, Бувье 2008:170; Forcese 2016:72; Tondini 2018-2019:30]. Международное гуманитарное право только закрепляет норму о потере шпионом, который, как известно, скрывает свою принадлежность к вооруженным силам одной из сторон, права быть военнопленным, в отличие от разведчика, который не скрывает своей принадлежности к одной из сторон конфликта (носит ее форму) и сохраняет право на статус военнопленного. Руководство воспроизводит это классическое положение права вооруженных конфликтов [Tallinn Manual...2017:410].

Причины, по которым международное право не запрещает шпионскую деятельность, вполне очевидны. Разведка появилась с момента возникновения первых государств и продолжает

существовать как обычное явление в международных отношениях, что подтверждает факт наличия у всех государств разведывательных органов. Государства просто не позволят возникнуть международной норме, запрещающей такую деятельность, т. к. это им невыгодно. Шпионаж запрещен только на уровне национального права государств, что выражено в наличии во всех национальных уголовных законах нормы, предусматривающей уголовную ответственность лиц, занимающихся шпионажем.

Однако в истории с кибершпионажем возникает проблема разграничения шпиона и разведчика, т. к. в силу анонимности пользователей в киберпространстве достоверно установить, является лицо шпионом или разведчиком, невозможно. Поэтому непонятно, почему разработчики Таллинского руководства безапелляционно распространили классическую норму о разграничении и на кибернетические вооруженные конфликты. Очевидно, что норма о разграничении работает в условиях классических вооруженных конфликтов, но в киберпространстве применение данной нормы не будет иметь должного эффекта. По нашему мнению, в отношении данной проблемы разработчики Руководства допустили явную невнимательность.

Интересно замечание Таллинского руководства в отношении географических ограничений данной нормы о кибершпионаже. Ее применение ограничено территорией, контролируемой противником; если деятельность по тайному сбору информации о противнике происходит за пределами указанной территории, то такая деятельность не является кибершпионажем по смыслу данной нормы [Tallinn Manual...2017:411]. Необходимо считать, что такое территориальное ограничение приемлемо для классических вооруженных конфликтов, а в условиях киберпространства данная норма не будет отвечать уровню развития информационных технологий. Так, информационная система, содержащая сведения о противнике, может быть основана на принципах блокчейна (*англ.* – *blockchain*)¹¹, т. е. на распределении информации по разным серверам, которые находятся на различных территориях, в том числе не контролируемых противником. Если интересующая шпиона информация нахо-

¹¹ Более подробно о юридических аспектах блокчейна: Кислый В. А. Юридические аспекты применения блокчейна и использования криптоактивов. – *ЗаконРу*. 05.06.2017. Доступ: https://zakon.ru/blog/2017/6/5/yuridicheskie_aspekty_primeneniya_blokchejna_i_ispolzovaniya_kriptoaktivov (дата обращения: 13.12.2020).

дится на сервере за пределами контролируемой противником территории, то будет ли выгодно противнику исключение такой деятельности по сбору информации из-под действия нормы о кибершпионаже? Представляется, что нет. Поэтому, исходя из того, что границы в киберпространстве достаточно условны, надо полагать, что территориальное ограничение нормы о кибершпионаже, предложенное Таллинским руководством, не отвечает реалиям вооруженных конфликтов в киберпространстве.

Странным также выглядит комментарий Руководства о характере собираемой в ходе кибершпионажа информации. Большинство членов Международной группы экспертов пришли к выводу, что ее характер не имеет значения, и только лишь малая часть экспертов отметила, что собираемая информация должна представлять определенную военную ценность [Tallinn Manual...2017:412]. Естественно, что в ходе вооруженного конфликта, в том числе и кибернетического, сторонам конфликта будет интересна именно информация военного характера, и на практике шпионы собирают именно информацию военного характера, в том числе и в киберпространстве. Поэтому непонятно, почему разработчики Таллинского руководства не учли этот очевидный факт.

Интересно также отметить, что в Таллинском руководстве есть положения о кибершпионаже в мирное время. В целях проведения более полного исследования считаем важным изучить и этот вопрос, т. к. он тесно связан и с вопросом кибершпионажа в контексте международного гуманитарного права.

Норма 32 Руководства закрепила следующие положения: «Хотя кибершпионаж, [осуществляемый] в мирное время государствами, сам по себе не нарушает международное право, метод, путем которого он осуществляется, может допустить это [нарушение]» [Tallinn Manual...2017:168]. Применительно к данной норме под кибершпионажем понимается любой акт, предпринятый тайно или под ложными предлогами, [в ходе] которого используются кибервозможности для сбора или попытки сбора информации [Tallinn Manual ...2017:168]. Кроме того, кибершпионаж включает, но не ограничивается, использованием кибервозможностей для наблюдения, мониторинга, захвата или вывода электронно передаваемых или хранимых сообщений, данных или другой информации [Tallinn Manual...2017:168]. Надо полагать, что такое широкое толкование

действий, квалифицируемых в качестве акта кибершпионажа, распространяется не только на мирное время, но и на военное, т. к. стороны вооруженного конфликта тоже заинтересованы в таких действиях.

Однако странным выглядит замечание разработчиков Таллинского руководства о том, что указанное определение используется только для целей нормы 32 и не имеет самостоятельного правового значения. По нашему мнению, в силу отсутствия международно-правового определения шпионажа предложенное Руководством определение представляет интерес не только с точки зрения доктринального исследования, но и для дальнейшей разработки соответствующей нормы международного права.

Пункт 3 комментария к норме 32 содержит очень важное замечание, что кибершпионаж ограничивается действиями, которые присваиваются исключительно только государствам [Tallinn Manual...2017:168]. Данное замечание обусловлено очевидным фактом, что шпионаж – это явление межгосударственных отношений с момента появления первых государств, и новый вид шпионажа – кибершпионаж – не исключение. Что касается так называемого коммерческого шпионажа, осуществляемого одной коммерческой компанией против другой, то это явление сугубо частных коммерческих отношений, и поэтому выходит за рамки настоящей работы.

Таллинское руководство делает не менее важное замечание, что кибершпионаж имеет ряд преимуществ перед традиционными методами шпионажа. В частности, в качестве преимуществ кибершпионажа отмечены скорость получения информации и ее объемы [Tallinn Manual...2017:168]. Но самым главным преимуществом кибершпионажа является возможность удаленного доступа к интересующим информационным системам без физического присутствия в государстве-жертве. Так, сотрудник Центрального разведывательного управления США (ЦРУ, *Central Intelligence Agency, CIA*), находясь в штаб-квартире данного разведывательного органа в Лэнгли, округ Фэрфакс, штат Виргиния, всего лишь в 13 км от столицы США, может с помощью использования информационных технологий получить доступ к информационной системе правительства какого-нибудь государства европейского континента. В наши дни такие возможности уже стали обычным делом для разведок мира, на что и обращает внимание Таллинское руководство [Tallinn Manual...2017:168].

Кроме того, как указывают в Руководстве [Tallinn Manual...2017:168-169], каждый из трех уровней киберпространства может способствовать кибершпионажу. В рамках физического уровня можно изначально так запрограммировать оборудование, чтобы в дальнейшем заинтересованное в получении информации государство получило удаленный доступ к ней, либо так проложить пути передачи информации, чтобы была возможность тайного перехвата данных.

В рамках логического уровня действенным методом кибершпионажа будет использование различного вредоносного программного обеспечения. И, наконец, в рамках социального уровня наиболее действенны методы социальной инженерии, самым известным из которых является фишинг. Иными словами, доступ к заветной информационной системе производится путем обманного завладения учетными данными пользователей, что обеспечивает шпионам вход в такую информационную систему.

Таким образом, благодаря современным технологиям разведывательная и шпионская деятельность настолько изменились, что можно получить информацию об интересующем государстве, находясь за тысячи километров от него. И еще раз подчеркнем, что по общему правилу такая деятельность не запрещена международным правом. Однако если определенные методы кибершпионажа нарушают нормы международного права, в частности, принцип невмешательства во внутренние дела государства, суверенитет государства и права человека, то такие действия в киберпространстве однозначно будут являться международно-противоправными деяниями. Это особо подчеркивается и в Таллинском руководстве [Tallinn Manual...2017:170].

Анализируя предложения Таллинского руководства о кибершпионаже в целом, необходимо согласиться с мнением, выраженным в доктрине [Navarrete 2015:10], что Руководство предлагает «оперативное» определение, разработанное на основе ст. 29 Гаагского положения. Эта «оперативность» выражается в том, что кибершпионская деятельность осуществляется тайно или под ложными предлогами. Но, помимо этого «оперативного» критерия, в определении кибершпионажа в рамках вооруженного конфликта также содержится персональный критерий, который характеризует исполнителя такой деятельности.

Важно также отметить, что Таллинское руководство, помимо кибершпионажа, выделяет еще два близких ему вида деятельности. Это,

во-первых, эксплуатация компьютерных сетей (*Computer Network Exploitation, CNE*), а, во-вторых, киберразведка (*Cyber Reconnaissance*). Указанные виды кибердеятельности отличаются от кибершпионажа тем, что они осуществляются за пределами территории, контролируемой противником [Tallinn Manual...2017:335, 564].

Конечно, причины такого разграничения вполне понятны. Однако, по нашему мнению, исходя из того, что на практике государства расценивают любую иностранную деятельность по тайному сбору информации о них как акты шпионажа, такое различие будет существовать исключительно на бумаге, а не на практике. Здесь уместно вспомнить, что для государства сотрудники его разведывательных органов всегда будут разведчиками, а сотрудники иностранных разведывательных органов всегда будут шпионами. Поэтому еще раз подчеркнем, что данное различие, предложенное Руководством, является относительным. Однако в доктрине не обращают внимания на относительность данного разграничения [Yoo 2015:12, 26; Navarrete 2015:10-11].

Затрагивая территориальный критерий, необходимо вспомнить типологию шпионажа, предложенную Крейгом Форсезе. Согласно этой точке зрения можно выделить территориальный шпионаж, экстратерриториальный шпионаж и транснациональный шпионаж [Forcese 2011:183-184]. Кибершпионаж относится к последнему типу – транснациональному, когда территориальная привязка играет наименьшую роль, поэтому, исходя из этого, не совсем ясно, как на практике разграничить кибершпионаж, эксплуатацию компьютерных сетей и киберразведку. Проблемы в данном разграничении возникнут также по мере более широкого распространения технологии VPN, позволяющей маскировать настоящий IP-адрес. Поэтому не понятно, как в условиях использования данной технологии точно установить местоположение кибершпиона. Очевидно, что, закрепив разграничение между вышеуказанными понятиями, разработчики Таллинского руководства не учли сложности при определении действительного местонахождения кибершпиона и возможности технологии VPN, тем самым допустив огромное упущение.

В этой связи уместно будет согласиться с авторами, которые отмечают, что концепции эксплуатации компьютерных сетей и киберразведки являются сугубо доктринальными [Navarrete 2015:22]. В свою очередь, добавим, что на практике это разграничение, предложенное Тал-

линским руководством, скорее всего, потерпит фиаско и государства будут квалифицировать большинство актов по тайному сбору информации в киберпространстве как кибершпионаж. С учетом вышеуказанной условности различия между разведкой и шпионажем необходимо использовать только термин «кибершпионаж» во избежание разночтений.

Кроме того, практика мирного времени подтверждает, что акты по тайному сбору информации в киберпространстве чаще всего квалифицируются как кибершпионаж. В подтверждение этого можно привести историю с китайской шпионской киберсетью *GhostNet*, в результате деятельности которой были взломаны не менее 1295 информационных систем в 103 государствах мира [Kerschischnig 2012:171]. В частности, 30 % таких информационных систем находились в правительственных структурах различных государств: по 11 – в Министерстве иностранных дел Бутана и в посольстве Мальты в Бельгии и семь – в посольстве Индии в США [Kerschischnig 2012:171]. Были взломаны также восемь информационных систем в офисе крупнейшего оператора связи Венесуэлы; три – в офисах Азиатского банка развития и более 150 компьютеров – в штаб-квартирах торговых союзов Вьетнама и Тайваня [Kerschischnig 2012:171]. По одной взломанной информационной системе было обнаружено в посольствах Португалии, Румынии, Кипра, Индии, Таиланда, Германии, расположенных в разных странах мира, и в штабе Верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе [Kerschischnig 2012:171]. Также десятки информационных систем были взломаны в организациях, борющихся за независимость Тибета: в резиденциях Его Святейшества Далай-ламы и тибетского правительства в изгнании, в штаб-квартирах различных протибетских организаций в Нью-Йорке, Лондоне, Брюсселе и Женеве [Kerschischnig 2012:171; Moore 2010:5].

Еще из примеров шпионских программных обеспечений можно отметить программное обеспечение троянского типа под названием *Flame*, которое использовалось для шпионажа в Иране, Ливане, Сирии, Судане, Израиле и Палести-

не [Woltag 2014:41]¹². Как сообщила российская компания «Лаборатория Касперского», *Flame* по сложности и функционалу превосходит *Duqu* и *Stuxnet*¹³.

Вышеуказанные примеры были квалифицированы как шпионское программное обеспечение. Иными словами, это примеры кибершпионажа. Надо полагать, что вряд ли государства, в информационные сети которых будут вмешиваться с целью сбора информации, будут квалифицировать такие действия как-то иначе.

В контексте территориальности не менее важно напомнить, что государственные границы в киберпространстве условны и установить четкие границы суверенитета отдельного государства достаточно сложно. В настоящий момент практика государств не позволяет сделать однозначные выводы в отношении границы суверенитета государства в киберпространстве. На это указывают и в доктрине [Lafouasse 2012:161; Bourguignon 2014:362, 396; Navarrete 2015:22-23]. Данный факт также усложняет вопрос о разграничении кибершпионажа от смежных действий.

В заключение рассуждений о территориальном критерии кибер-шпионажа, хотелось бы привести позицию Министерства обороны США: «Несанкционированное электронное вторжение в компьютерные системы другого государства вполне может быть расценено как нарушение суверенитета жертвы. Это может даже рассматриваться как равносильное физическому вторжению на территорию государства, но такие вопросы еще предстоит решить в международном сообществе» [Peacetime Regime...2013:458]. В контексте данного утверждения очевидно, что государства чувствительно относятся к вторжению в их информационные системы. В свете этого вывод о сложности проведения различия между кибершпионажем, эксплуатацией компьютерных сетей и киберразведкой на практике лишний раз подтверждается.

Нет оснований полагать, что вышеуказанные размышления не применимы к кибершпионажу в контексте вооруженного конфликта. Выше обозначенные проблемы также могут возникнуть и в случае вооруженного конфликта.

¹² Eudes Yv. *Flame, un virus espion d'Etat. – Le Monde.* 20.06. 2012. URL: https://www.lemonde.fr/technologies/article/2012/06/20/flame-un-virus-espion-d-etat_1721182_651865.html (accessed 15.12.2020).

¹³ Ализар А. *Flame/Flamer/skywiper: самый сложный троян для таргетированного шпионажа в Иране.* 29.05.2012. Доступ: <https://xakep.ru/2012/05/29/58762/> (дата обращения: 15.12.2020).

3. Заключение

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующий вывод. Норма Таллинского руководства о кибершпионаже по сути является слепым копированием классической нормы МГП о шпионаже, не учитывающей возможных проблем, которые могут возникнуть в киберпространстве. В частности, во-первых, в силу анонимности пользователей на практике будет сложно провести разграничение между киберразведчиком и кибершпионом.

Во-вторых, в силу сложностей в установлении четких государственных границ (установлении границ государственного суверенитета) в киберпространстве, в том числе, обусловленных использованием технологий блокчейн и VPN, на практике невозможно достоверно установить, осуществлялся ли тайный сбор информации на территории противника, что, в свою очередь, влечет сложности в квалификации такого деяния в качестве кибершпионажа.

И, наконец, необходимо отметить, что в условиях современных вооруженных конфликтов шпионаж перестал быть явлением исключитель-

но международных вооруженных конфликтов, и поэтому есть вероятность, что кибершпионаж может осуществляться не только в контексте вооруженного конфликта международного характера, но и в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера.

Конечно, можно бесконечно критиковать разработчиков Таллинского руководства по поводу упущения из внимания вышеуказанных проблем. Однако мы не будем этого делать, так как понимаем, что необходимо учитывать, что практика государств в отношении данного вопроса в полной мере еще не сформирована, и поэтому рано делать какие-либо окончательные выводы. Для начала необходимо, чтобы государства сформировали соответствующую практику. Желательно, чтобы государства подняли обсуждение вышеуказанных проблем на Генеральной Ассамблее ООН, что помогло бы выделить основные тренды развития такой практики. И только после того, как практика государств по данному вопросу станет более очевидной, можно ставить вопрос о разработке соответствующего международного договора, желательно на площадке ООН.

Список литературы

1. Давид Э. 2011. *Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета*. М.: МККК. 1444 с.
2. Мельцер Н. 2017. *Международное гуманитарное право: общий курс*. М.: МККК. 420 с.
3. Мельцер Н. 2009. *Непосредственное участие в военных действиях: руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права*. М.: МККК. 107 с.
4. Сассоли М., Бувьё А. 2008. *Правовая защита во время войны. Том I*. М.: МККК. 672 с.
5. Сизенко А. Г. 2010. *Спецслужбы России и СССР: от Приказа тайных дел до наших дней*. Ростов-на-Дону.: Издательский дом «Владис». 416 с.
6. Строганов П. П. 2009. *Щит и меч блокадного Ленинграда*. СПб.: Агентство ВиТ-принт. 295 с.
7. Хенкерцс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. 2006. *Обычное международное гуманитарное право. Том I. Нормы*. М.: МККК. 819 с.
8. Bourguignon J. 2014. La recherche de preuves informatiques et l'exercice extraterritorial des compétences de l'Etat. – *Société Française pour le droit International – Colloque. Internet et le droit international*. Paris: Éditions A. Pedone. P. 357–372.
9. Forcese C. 2016. Pragmatism and Principle: Intelligence Agencies and International Law. – *Virginia Law Review Online*. Vol. 102. P. 67–84
10. Forcese C. 2011. Spies Without Borders: International Law and Intelligence Collection. – *Journal of National Security Law & Policy*. Vol. 5. P. 179–210.
11. Kerschischig G. 2012. *Cyberthreats and International Law*. The Hague: Eleven international publishing. 386 p.
12. Lafouasse F. 2012. *L'Espionnage dans le droit international*. Paris: Nouveau Monde. 500 p.
13. Moore T. 2010. Introducing the Economics of Cybersecurity: Principles and Policy Options. – *National Research Council, Proceedings of a Workshop on Detering Cyberattacks: Informing Strategies and Developing Options for U.S. Policy*. Washington, D. C.: The National Academies Press. P. 3–23.
14. Navarrete I., Buchan R. 2019. Out of the Legal Wilderness: Peacetime Espionage, International Law and the Existence of Customary Exceptions. – *Cornell International Law Journal*. Vol. 51. Issue 4. P. 897–954.
15. Navarrete I. 2015. L'espionnage en temps de paix en droit international public. – *Canadian Yearbook of International Law*. Vol. 53. P. 1–65.
16. *Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace. International Law, International Relations and Diplomacy*. Ed. by K. Ziolkowski. 2013. Tallinn: NATO CCD COE. 746 p.
17. *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations*. Prepared by the International Groups of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Ed by L. Vihul. 2017. Cambridge: Cambridge University Press. 598 p.
18. Tondini M. 2018-2019. Espionage and International Law in the Age of Permanent Competition. – *Military Law and Law of War Review*. Vol. 57. Issue 1. P. 17–58.

19. Yoo Ch. S. 2015. Cyber Espionage or Cyberwar?: International Law, Domestic Law, and Self-Protective Measures. – *University of Pennsylvania Carey Law School Scholarship*. No. 1540. 32 p. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2541&context=faculty_scholarship (дата обращения 27.11.2020).
20. Woltag J.-Ch. 2014. *Cyber Warfare: Military Cross-Border Computer Network Operations under International Law*. Cambridge: Intersentia. 314 p.

References

1. Bourguignon J. La recherche de preuves informatiques et l'exercice extraterritorial des compétences de l'Etat. – *Société Française pour le droit International – Colloque. Internet et le droit international*. Paris: Éditions A. Pedone. 2014. P. 357–372.
2. David E. Principes de droit des conflits armés: précis de la faculté de droit de l'université libre de Bruxelles (Russ. ed.: David E. *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov: kurs lektsii, prochitannykh na yuridicheskoy fakul'tete Otkrytogo Bryussel'skogo universiteta*. Moscow: MKKK Publ. 2011. 1144 p.)
3. Forcees C. Pragmatism and Principle: Intelligence Agencies and International Law. – *Virginia Law Review Online*. 2016. Vol. 102. P. 67–84.
4. Forcees C. Spies Without Borders: International Law and Intelligence Collection. – *Journal of National Security Law & Policy*. 2011. Vol. 5. P. 179–210.
5. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. Customary International Humanitarian Law. Volume I: Rules (Russ. ed.: Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. *Obychnoe mezhdunarodnoye gumanitarnoe pravo. Tom I. Normy*. Moscow: MKKK Publ. 2006. 819 p.)
6. Kerschischinig G. *Cyberthreats and International Law*. The Hague: Eleven international publishing. 2012. 386 p.
7. Lafouasse F. *L'Espionnage dans le droit international*. Paris: Nouveau Monde. 2012. 500 p.
8. Melzer N. International Humanitarian Law. A Comprehensive Introduction (Russ. ed.: Melzer N. *Mezhdunarodnoye gumanitarnoe pravo: obshchii kurs*. Moscow: MKKK Publ. 2017. 420 p.)
9. Melzer N. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities Under International Humanitarian Law (Russ. ed.: Melzer N. *Neposredstvennoye uchastie v voennykh deistviyakh: rukovodstvo po tolkovaniyu ponyatiya v svete mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava*. Moscow: MKKK Publ. 2009. 107 p.)
10. Moore T. Introducing the Economics of Cybersecurity: Principles and Policy Options. – *National Research Council, Proceedings of a Workshop on Deterring Cyberattacks: Informing Strategies and Developing Options for U.S. Policy*. Washington, D. C.: The National Academies Press. 2010. P. 3–23.
11. Navarrete I. L'espionnage en temps de paix en droit international public. – *Canadian Yearbook of International Law*. 2015. Vol. 53. P. 1–65.
12. Navarrete I., Buchan R. Out of the Legal Wilderness: Peacetime Espionage, International Law and the Existence of Customary Exceptions. – *Cornell International Law Journal*. 2019. Vol. 51. Issue 4. P. 897–954.
13. *Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace. International Law, International Relations and Diplomacy*. Ed. by K. Ziolkowski. Tallinn: NATO CCD COE. 2013. 746 p.
14. Sassoli M., Bouvier A. How does Law protect in war? Vol. 1 (Russ. Ed.: Sassoli M., Bouvier A. *Pravovaya zashchita vo vremya voyny. Tom I*. Moscow: MKKK Publ. 2008. 672 p.)
15. Sizenko A. G. *Spetssluzhby Rossii i SSSR: ot Prikaza tainykh del do nashikh dnei* [Special services of Russia and the USSR: from the Order of secret affairs to the present day]. Rostov-on-Don: Izdatel'skii dom "Vladis" Publ. 2010. 416 p. (In Russ.)
16. Stroganov P.P. *Shchit i mech blokadnogo Leningrada* [Shield and sword of besieged Leningrad]. Saint-Petersburg: Agentstvo ViT-print Publ. 2009. 295 p. (In Russ.)
17. *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations*. Prepared by the International Groups of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Ed by L. Vihul. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 598 p.
18. Tondini M. Espionage and International Law in the Age of Permanent Competition. – *Military Law and Law of War Review*. 2018-2019. Vol. 57. Issue 1. P. 17–58.
19. Woltag J.-Ch. *Cyber Warfare: Military Cross-Border Computer Network Operations under International Law*. Cambridge: Intersentia. 2014. 314 p.
20. Yoo Ch. S. Cyber Espionage or Cyberwar?: International Law, Domestic Law, and Self-Protective Measures. – *University of Pennsylvania Carey Law School Scholarship*. 2015. No. 1540. 32 p. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2541&context=faculty_scholarship (accessed 27.11.2020).

Информация об авторе

Сергей Юльевич Гаркуша-Божко,

юрисконсульт, Школа высшего спортивного мастерства по водным видам спорта имени Ю.С. Тюкалова

197110, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Гребного канала, д. 10, стр. 1

garkusha-bozhko.sergej@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1253-3157

About the Author

Sergei Yu. Garkusha-Bozhko,

Legal Counsel, School of Higher Sportsmanship in Water Sports named after Yu. S. Tyukalov

10-1, Naberezhnaya Grebnogo kanala, Saint-Petersburg, Russian Federation, 197110

garkusha-bozhko.sergej@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1253-3157

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВОDOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-81-88>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 14.01.2021
Принята к публикации: 17.03.2021**Станислав Александрович ВАСИЛЬЕВ**Севастопольский государственный университет
Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация
mnogoslov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2752-240X

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СУДОХОДСТВА

ВВЕДЕНИЕ. Развитие общественных отношений в сфере международных торговых перевозок предъявляет новые требования к их безопасности. Настоящая работа представляет собой попытку анализа и комплексного осмысления существующих в данной сфере проблем, а также поиск путей их решения за счет совершенствования международно-правовых механизмов. Кроме того, предложены отдельные организационно-правовые меры для обеспечения безопасности морских перевозок, а также рассмотрены некоторые аспекты торгового мореплавания.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При подготовке настоящей работы рассматривались нормативные правовые акты как внутригосударственного, так и международного действия и позиции ученых – представителей различных стран. На основе имеющихся информационных материалов сопоставлены правовые нормы и практики их применения. В рамках этой работы использовались также методы анализа, дедукции и сравнительно-правовой метод. Смоделированы пути возможной оптимизации деятельности субъектов международного права, специализирующихся на проблематике обеспечения безопасности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Ставится вопрос о необходимости объединения усилий различных субъектов для обеспечения комплексной безопасности торгового мореплавания, что может быть отражено в едином международно-правовом документе. При этом вовсе не обязательно делать акцент на императивных правоохранительных и иных карательных мерах. Вполне при-

менимы экономические и репутационные механизмы, стимулирующие деятельность государств по созданию необходимых условий для безопасного мореплавания в соответствующих водах.

ОБСУЖДЕНИЕ и ВЫВОДЫ. Применение этих предложений на практике способно оказать организационно-правовое воздействие на политику различных государств и отдельных субъектов коммерческой деятельности в части обеспечения максимальной защищенности самого широкого круга субъектов морских торговых перевозок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: торговое мореплавание, морские перевозки, обеспечение безопасности, международно-правовое регулирование, морское право, защита интересов, морская политика, взаимодействие государств

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев С.А. 2021. Международно-правовые меры обеспечения безопасности судоходства. – Московский журнал международного права. № 1. С. 81–88. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-81-88>

Статья была выполнена в рамках внутреннего гранта ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Проект № 26/06-31 «Правовое регулирование финансовых, имущественных и организационных отношений в сфере торгового мореплавания».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEA

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-81-88>Research article
Received 14 January 2021
Approved 17 March 2021**Stanislav A. VASILIEV**

Sevastopol State University

33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation, 299053

mnogoslov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2752-240X

INTERNATIONAL LEGAL MEASURES TO ENSURE THE SAFETY OF NAVIGATION

INTRODUCTION. *The development of public relations in the field of international trade transportation presupposes new conditions for their safety. This work represents a failure of an attempt to conduct such a study and a comprehensive understanding of the problems existing in this area, as well as the search for ways to solve them by international legal mechanisms. In parallel, certain organizational and legal measures were proposed, and the problems of certain aspects of merchant shipping were also raised.*

MATERIALS AND METHODS. *For the preparation of this work, the normative legal acts, both domestic and international, were considered, the positions of scientists – representatives of different states. A comparison of legal norms and practice of their application was carried out on the basis of available information materials. Within the framework of this work, methods of analysis, comparative legal method, deduction were also used. On this basis, the modeling of ways of possible optimization of the activities of subjects of international law, specializing in security issues, was carried out.*

RESEARCH RESULTS. *In essence, the content of the article is the main part devoted to the problems of ensuring the safety of maritime transportation, introductory and concluding parts. The latter reflects the main conclusion devoted to the formulation of the question of the possibility of combining the efforts of various actors to ensure the integrated safety of merchant shipping, which can be combined in a single international legal document. At the same time, it is not at all necessary to*

place special emphasis on mandatory law enforcement and other punitive measures. Economic and reputational mechanisms are quite applicable, stimulating the activities of states to create all the necessary conditions for safe navigation in the relevant waters.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The application of this proposal in practice can potentially have an organizational and legal impact on the policies of various states and individual subjects of commercial activity in terms of ensuring maximum protection of the widest range of subjects of sea trade.*

KEYWORDS: *merchant shipping, shipping, security, international regulation, maritime law, protection of interests, maritime policy, interaction of states, ecology of the sea*

FOR CITATION: Vasiliev S.A. International Legal Measures to Ensure the Safety of Navigation. – Moscow Journal of International Law. 2021. No 1. P. 81–88. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-81-88>

ACKNOWLEDGEMENTS: *The article was prepared within the framework of the internal grant from Sevastopol State University, Project No. 26 / 06-31 “Legal regulation of financial, property and organizational relations in the field of merchant shipping”.*

The author declares the absence of conflict of interests.

1. Введение

В настоящее время морские перевозки играют огромную роль в транспортировке товаров. Эта составляющая общемировой логистики получает все большее развитие, общественные отношения усложняются, что влечет за собой необходимость трансформации нормативного правового регулирования. Активный товарный оборот предполагает серьезные финансовые потоки, а за ними – и раздел сфер влияния. За это влияние борются не только судовладельцы или крупные логистические корпорации, но и отдельные государства, традиционно считающиеся морскими. Один из способов такого влияния – координация процессов обеспечения безопасности, что фактически влечет за собой право применения силы, в том числе в отношении представителей иных государств. Безусловно, в ходе такой деятельности решаются многие важные задачи: сохранность кораблей и находящегося на них имущества, противодействие терроризму, соблюдение моряками действующего правового регулирования. Но соответствующие полномочия также могут быть использованы в политических целях – для усиления своего влияния в регионе, приносящего дополнительные выгоды. Чтобы избежать конфликтных ситуаций, целесообразно применять международно-правовые меры, однако некоторые государства все же пытаются оказывать определенное влияние на резидентов других держав.

В целом обеспечение безопасности торгового мореплавания предполагает создание условий для нормального осуществления морских перевозок с максимальным нивелированием возможных угроз от воздействия природных факторов, терроризма, неисправности кораблей и других рисков. Во избежание такого рода проблем действуют международные и внутригосударственные нормативные правовые акты [Никитина 2019:36], неукоснительное соблюдение которых и гарантирует сохранность жизни, здоровья людей, а также имущества.

Цель написания настоящей работы – анализ современных общественных отношений в области обеспечения безопасности торгового мореплавания, не охваченных или не полностью охваченных международным правовым регули-

рованием, а также концептуальные предложения по развитию права в указанной сфере.

В результате проведенного исследования делается вывод, что современные международные отношения в области обеспечения безопасности нуждаются в правовом регулировании, т. к. многие вопросы межгосударственного характера фактически решаются внутригосударственным законодательством некоторых стран. Это нельзя признать справедливым, исходя из основных принципов мирового сотрудничества держав [Li 2021:303–312]. Таким образом, при изучении общих проблем обеспечения безопасности, не охваченных международным правовым регулированием, выявлены некоторые аспекты, что позволило автору выработать рекомендации более частного порядка.

2. Проблемы взаимодействия государств в сфере обеспечения безопасности судоходства

Для решения вопросов обеспечения безопасности при осуществлении международных морских перевозок недостаточно участия одного государства, даже самого активного. Опыт показывает, что в подобных ситуациях объединение усилий разных государств дает положительные результаты [Anozie et al. 2019:190–207]. Например, обеспечением безопасности в Каспийском море занимаются одновременно несколько государств, что создает условия для очевидной стабильности мореплавания в регионе [Притчин 2015:77–80]. Значительным достижением в этой сфере, по мнению К.А. Бекашева и Д.К. Бекашева, является принятие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г.¹ Она способна улучшить ситуацию с обеспечением безопасности мореплавания в регионе после своего вступления в силу, тогда как решение вопросов отдельными государствами и даже двусторонними соглашениями не давали такого результата [Бекашев, Бекашев 2018:129–142].

Можно по-разному относиться к качеству и достаточности норм международного права [Лабин, Потье 2019:6–17], но далеко не все существующие, пусть даже безупречные, правила международного торгового мореплавания выполняются в полном объеме. Например, несколько лет назад отмечалось большое количество

¹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2019. № 40. Ст. 5489.

нарушений соответствующих межгосударственных установлений турецкими властями. В частности, ученые констатируют нарушение Конвенции о режиме проливов от 20 июля 1936 г.² [Дремлюга 2013:1114]. Имеют место нарушения международных правил при стоянке судна на территории собственной страны³.

Государствам необходимо объединять усилия не только в правотворческой, но и в правоприменительной практике на международном уровне. Примечательны и эффективны в этом отношении двусторонние межгосударственные соглашения. С помощью таких документов может быть организовано взаимовыгодное сотрудничество между более и менее развитыми в области мореплавания странами. Также возможны совместные действия по навигационной и иной организационной помощи морякам, находящимся в территориальных водах соответствующих государств. Примером может служить Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия по обеспечению безопасности мореплавания в прибрежных водах Грузии от 9 октября 1993 г.⁴ Другой пример, который демонстрирует качественное регулирование навигационного обеспечения мореплавания, – проект Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о навигационно-гидрографическом обеспечении мореплавания в Черном и Азовском морях⁵.

Закключаются также соглашения по совместным проектам. Так, Россия и Китай с переменным успехом пытаются реализовать проект «Арктического Шелкового пути», который будет проходить по водам Северного Ледовитого океана, граничащим с Россией [Gladki et al. 2020].

Это может обеспечить безопасность предпринимательской деятельности резидентов Китая, оградив ее от негативного экономического воздействия других государств. Данный вопрос отчасти регулируется внутрикитайским законодательством, но с расчетом на сотрудничество с другими государствами. Обращает на себя внимание, что правовое регулирование КНР⁶ дает возможность осуществления международного сотрудничества, когда речь идет об инвестиционной активности страны в прибрежных к Северному Ледовитому океану государствах, у которых недостаточно средств для реализации взаимовыгодных проектов, обеспечивающих безопасность судоходства в данном регионе [Емельянцева, Валентей 2020:148]. Таким образом, следует ожидать международных соглашений с участием неарктического Китая по вопросам обеспечения безопасности торгового мореплавания в Арктической зоне⁷.

Некоторые шаги в данном направлении уже предпринимаются. Так, создана и функционирует береговая охрана в Восточной Азии, которая противодействует преступности в прибрежных водах морских азиатских стран, защищая при этом интересы каждого государства-участника [Kim 2018:313–334].

Необходимость такого международного органа очевидна, тем более что в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях нередко случаи непреднамеренного вторжения китайских моряков в территориальные воды Японии. Такие действия не направлены на развязывание конфликта и требуют компетентного регулирования. Оправданием китайским морякам может служить то обстоятельство, что Китай сравнительно недавно стал одной из ведущих морских

² Конвенция о режиме проливов от 20 июля 1936 г. – *Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1.* Москва: БЕК. 1996. С. 28–31.

³ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 августа 2004 г. № 81 «Обзор практики применения арбитражными судами Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации». – *Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»*. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49120/da72e8dd94c7fc2e99ce57feb582f7a46f472253/ (дата обращения: 17.12.2020).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия по обеспечению безопасности мореплавания в прибрежных водах Грузии от 9 октября 1993 г. – *Бюллетень международных договоров Российской Федерации*. 2006. № 12. С. 3–4.

⁵ О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о навигационно-гидрографическом обеспечении мореплавания в Черном и Азовском морях: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 1998 г. № 893. – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998. № 33. Ст. 4057.

⁶ China's Arctic Policy. 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed 12.12.2020).

⁷ Подробнее о позиции КНР см.: [Вылегжанин и др. 2018:127–129].

держав и только начинает развивать национальные традиции в сфере культуры мореплавания [Koda 2016:86–108]. Морское развитие этого государства показывает, что в последние годы намечилось некоторое соревнование в области обеспечения безопасности на море между Китаем и Индией [Singh 2019:44–59].

Некоторые авторы обращают внимание на не вполне справедливые и обоснованные действия Китая, направленные на установление гегемонии в отношении морских энергетических ресурсов, и пренебрежение интересами менее сильных и масштабных государств [Strating 2020:97–116]. Вместе с тем отмечается снижение негативного воздействия КНР на другие крупные государства – Японию, Индию и др. [Liu 2020:9–27].

Политические действия способны привести к международным конфликтам, поэтому роль международного права в стабилизации напряженности между государствами, вызванной чаще экономическими факторами возрастает. В такого рода конфликтах некоторые государства принимают на себя роль арбитра – субъекта, способного установить порядок в регионе. Если с точки зрения противодействия преступности это может быть воспринято положительным образом, то на межгосударственном уровне возникает вероятность появления нового конфликта уже на почве притязаний отдельной страны на особую роль. В качестве такого арбитра при обеспечении безопасности на морях, омывающих восточные побережья Азии, выступает Япония [Hatakeyama 2019:466–481]. Хотя некоторые ученые за подобными действиями данного государства видят решение внешнеполитических задач, которые точно могут привести к конфликту [Debroux 2019:83–100].

Новые сферы общественных отношений, не урегулированные нормами международного права, становятся предметом внутригосударственного регулирования отдельных стран. Описанная выше ситуация имеет место, несмотря на функционирование подразделений Международной

морской организации, занимающихся проблемами обеспечения безопасности мореплавания (Комитет по безопасности мореплавания⁸, Юридический комитет и др.), и действие отдельных международных документов (Токийский Меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе 1993 г.⁹, Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. с дополнительными протоколами¹⁰ и др.).

Также необходимо заметить, что в периоды нестабильности активно развивается преступность, в том числе в сфере морских правоотношений. Важно сохранять мир, порядок и добрососедские отношения между государствами, которые с помощью международно-правовых норм могли бы рационально распределить функции по обеспечению безопасности. С исторической точки зрения интересными в этом отношении представляются двусторонние и многосторонние соглашения Англии с Португалией и Испанией (1817 г.), Нидерландами (1818 г.), Швецией (1824 г.), Бразилией (1826 г.), США (1842 и 1862 гг.), Египтом (1877 и 1895 гг.), Турцией (1880 г.), Италией (1889 г.).

Вместе с тем, несмотря на действие ряда международных нормативных правовых актов, упоминавшихся выше, необходима детализация мер международно-правового характера для оптимизации организационных основ обеспечения безопасности на море [Глазова 2019:17]. Подчеркивается недостаточность правил, установленных Конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (SUA) от 10 марта 1988 г.,¹¹ и другими уже упоминавшимися в настоящей работе документами. Так, ученые предлагают распространить полномочия полиции ООН на морские перевозки или создать подобный орган, который противодействовал бы разного рода правонарушениям [Тишков, Лабин 2019:107–128].

На основании вышеизложенного предлагается установить на уровне международной кон-

⁸ International Maritime Organization: Report to the Maritime Safety Committee. August 31, 2010. Para. 4.15. URL: <https://www.safety4sea.com/wp-content/uploads/2014/09/pdf/nav56-20-final-report.pdf> (accessed 20.12.2020).

⁹ Меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе от 1 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 29 октября 2013 г.). Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/420375807> (дата обращения: 21.12.2020).

¹⁰ Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС/SOLAS) от 1 ноября 1974 г. (ред. от 24 мая 2018 г.). – *Бюллетень международных договоров Российской Федерации*. 2011. Приложение № 1. Ч. 1. С. 3–211.
¹¹ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (SUA) от 10 марта 1988 г. (с изм. от 14 октября 2005 г.). – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 48. Ст. 4469.

венции государств Азиатского региона (включая Россию), с тем чтобы определить объем и содержание полномочий правоохранительных органов и вооруженных сил каждого государства-участника для повышения защищенности торгового мореплавания. В этой конвенции стоит предусмотреть создание международной организации (или наделение дополнительными полномочиями уже существующей), которая регулировала бы межгосударственные споры, связанные с обеспечением безопасности мореплавания в регионе, а также создание международных силовых структур по образцу береговой охраны в Восточной Азии и иных, подобных ей структур, компетентных в области обеспечения безопасности торгового мореплавания в других регионах. Также необходима детальная проработка экономических мер, способствующих заинтересованности государств в обеспечении безопасности в той части моря, которая находится в зоне их юрисдикции.

3. Заключение

Рассматривать вопрос обеспечения безопасности при осуществлении международно-

го торгового мореплавания нужно комплексно. Предложенные меры по формированию защищенности судов, экипажей и ресурсов могут найти отражение в одном общем документе. Речь не идет о некоем подобии международного морского уголовного кодекса, выстроенном по аналогии с разделом IX Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ¹². Необходимы действия скорее профилактического характера: оптимизация инвестиционной привлекательности, стимулирующая усиление внутригосударственных мер по обеспечению безопасности судоходства; экономическое сотрудничество между государствами, гарантированное обеспечительными мерами правоохранительного характера, когда способность государства создать защищенные механизмы ведения бизнеса влияет на его авторитет. Целесообразность этих действий должна оцениваться с учетом перспективы последствий, а не тяжести совершенных правонарушений.

Список литературы

1. Бекашев К.А., Бекашев Д.К. 2018. Новый международно-правовой режим Каспийского моря. – *Труды ВНИРО*. Т. 174. С. 129–142.
2. Вылегжанин А.Н. [и др.]. 2018. Позиции неарктических государств в отношении правового режима Северного Ледовитого океана. – *Государство и право*. № 10. С. 124–135. DOI: 10.31857/S013207690002080-0
3. Глазова А.П. 2019. Историко-правовой анализ эволюции института принудительных мер правоохранительного характера на море: прошлое и настоящее. – *Международное публичное и частное право*. № 6. С. 15–19.
4. Дремлюга Р.И. 2013. Международно-правовой режим Черноморских проливов. – *Lex Russica*. Т. 95. № 10. С. 1107–1114.
5. Емельянцева В.П., Валентей С.Д. 2020. Арктика в ракурсе новейших законодательных инициатив. – *Журнал российского права*. № 2. С. 136–153. DOI: 10.12737/jrl.2020.023
6. Лабин Д.К., Потье Т. 2019. Международное право должно быть международным. Размышления о книге Антеи Робертс «Является ли международное право международным?». – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-6-17>
7. Никитина А.П. 2019. Государственное регулирование деятельности морских портов (на примере ФГУП «Росморпорт»). – *Государственная власть и местное самоуправление*. № 10. С. 35–39. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-10-35-39
8. Тишков С.А., Лабин Д.К. 2019. Институционализация полицейского миротворчества ООН. – *Вестник МГИМО Университета*. № 1. С. 107–128. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-1-64-107-128>
9. Притчин С.А. 2015. Сотрудничество России и ИРАНА в регионе Каспийского моря: новые тенденции и перспективы. – *Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы. Сборник статей международной конференции*. Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: Институт востоковедения РАН. С. 75–82.
10. Anozie C. [et al.]. 2019. Ocean governance, integrated maritime security and its impact in the Gulf of Guinea: a lesson for Nigeria's maritime sector and economy. – *Africa Review*. Vol. 11. Issue 2. P. 190–207. DOI: <https://doi.org/10.1080/09744053.2019.1631640>
11. Debroux T. 2019. The Abe administration's policy about the senkaku islands and a role theory. – *Journal Global Policy and Governance*. Vol. 8. No.1 P. 83–100. DOI: <https://doi.org/10.14666/2194-7759-8-1-005>
12. Gladki Yu.N. [et al.]. 2020. "Polar Silk road": Project implementation and geo-economic interests of Russia and China. – *IOP Conference Series: Earth and Environ-*

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.). – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 25. Ст. 2954.

- mental Science*. Vol. 434. No. 012009. DOI:10.1088/1755-1315/434/1/012009. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/434/1/012009/pdf> (accessed 17.11.2020)
13. Hatakeyama K. 2019. A Middle Power's Roles in Shaping East Asian Security Order: Analysis of Japan's Engagement from a Normative Perspective. – *Australian Journal of Politics and History*. Vol. 65. Issue 3. P. 466–481. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajph.12592>
 14. Kim S.K. 2018. The expansion of and changes to the national coast guards in East Asia. – *Ocean Development and International Law*. Vol. 49. Issue 4. P. 313–334. DOI: <https://doi.org/10.1080/00908320.2018.1502488>
 15. Koda Y. 2016. Maritime security in the region: SCS and ECS as key arenas for converging political interests. – *Asia-Pacific Review*. Vol. 23. Issue 2. P. 86–108. DOI: <https://doi.org/10.1080/13439006.2016.1256077>
 16. Li J. 2021. Development of BRICS cooperation mechanism in new geopolitical conditions. – *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Ed. by R. Bolgov [et al.]. Cham: Springer. P. 303–312. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_27
 17. Liu F. 2020. The recalibration of Chinese assertiveness: China's responses to the Indo-Pacific challenge. – *International Affairs*. Vol. 96. Issue 1. P. 9–27. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiz226>
 18. Singh S. 2019. The dilemmas of regional states: How southeast Asian states view and respond to India-China maritime competition. – *Asian Security*. Vol. 15. Issue 1. P. 44–59. DOI: <https://doi.org/10.1080/14799855.2019.1539819>
 19. Strating R. 2020. Small Power Hedging in an Era of Great-power Politics: Southeast Asian Responses to China's Pursuit of Energy Security. – *Asian Studies Review*. Vol. 44. Issue 1. P. 97–116. DOI: <https://doi.org/10.1080/10357823.2019.1681935>
 20. Anozie C. [et al.]. Ocean governance, integrated maritime security and its impact in the Gulf of Guinea: a lesson for Nigeria's maritime sector and economy. – *Africa Review*. 2019. Vol. 11. Issue 2. P. 190–207. DOI: <https://doi.org/10.1080/09744053.2019.1631640>
 21. Bekyashev K.A., Bekyashev D.K. Novyi mezhdunarodno-pravovoi rezhim Kaspiiskogo moray [The new international regime of the Caspian Sea]. – *Trudy VNIRO*. 2018. Vol. 174. P. 129–142. (In Russ.)
 22. Debroux T. The Abe administration's policy about the senkaku islands and a role theory. – *Journal Global Policy and Governance*. 2019. Vol. 8. No.1 P. 83–100. DOI: <https://doi.org/10.14666/2194-7759-8-1-005>
 23. Dremlyuga R.I. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim Chernomorskiikh prolivov [International legal regime of the Black Sea straits]. – *Lex Russica*. 2013. Vol. 95. No. 10. P. 1107–1114. (In Russ.)
 24. Emelyantsev V.P., Valentey S.D. Arktika v rakurse noveishikh zakonodatel'nykh initsiativ [Arctic in the light of the latest legislative initiatives]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2020. No. 2. P. 136–153. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2020.023
 25. Gladki Yu.N. [et al.]. "Polar Silk road": Project implementation and geo-economic interests of Russia and China. – *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2020. Vol.434. No. 012009. DOI:10.1088/1755-1315/434/1/012009. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/434/1/012009/pdf> (accessed 17.11.2020)
 26. Glazova A.P. Istoriko-pravovoi analiz evolyutsii instituta prinuditel'nykh mer pravoohranitel'nogo haraktera na more: proshloe i nastoyashchee [Historical and legal analysis of evolution of the institution of coercive law enforcement measures at sea: the past and the present]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2019. No. 6. P. 15–19. (In Russ.)
 27. Hatakeyama K. A Middle Power's Roles in Shaping East Asian Security Order: Analysis of Japan's Engagement from a Normative Perspective. – *Australian Journal of Politics and History*. 2019. Vol. 65. Issue 3. P. 466–481. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajph.12592>
 28. Kim S.K. The expansion of and changes to the national coast guards in East Asia. – *Ocean Development and International Law*. 2018. Vol. 49. Issue 4. P. 313–334. DOI: <https://doi.org/10.1080/00908320.2018.1502488>
 29. Koda Y. Maritime security in the region: SCS and ECS as key arenas for converging political interests. – *Asia-Pacific Review*. 2016. Vol. 23. Issue 2. P. 86–108. DOI: <https://doi.org/10.1080/13439006.2016.1256077>
 30. Labin D.K., Potier T. Keeping international law international, a reflection on Anthea Roberts' "is international law international?" – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 4. P. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-6-17>
 31. Li J. Development of BRICS cooperation mechanism in new geopolitical conditions. – *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Ed. by R. Bolgov [et al.]. Cham: Springer. 2021. P. 303–312. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_27
 32. Liu F. The recalibration of Chinese assertiveness: China's responses to the Indo-Pacific challenge. – *International Affairs*. 2020. Vol. 96. Issue 1. P. 9–27. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiz226>
 33. Nikitina A.P. Gosudarstvennoe regulirovanie deyatelnosti morskikh portov (na primere FGUP "Rosmorport") [State regulation of seaport activities (on the example of federal state unitary enterprise "Rosmorport")]. – *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2019. No. 10. P. 35–39. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1247-2019-10-35-39
 34. Pritchins S.A. Sotrudnichestvo Rossii i Irana v regione Kaspiiskogo morya: novye tendentsii i perspektivy [Cooperation between Russia and Iran in the Caspian Sea Region: New Trends and Prospects]. – *Rossiisko-iranskie otnosheniya. Problemy i perspektivy. Sbornik statei mezhdunarodnoi konferentsii*. Pod red. E.V. Dunaevoi, V.I. Sazhina [Russian-Iranian relations. Problems and Prospects. Collection of articles of the international conference. Institute of Oriental Studies RAS. Ed. E.V. Dunaeva, V.I. Sazhin]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ. 2015. P. 75–82. (In Russ.)
 35. Singh S. The dilemmas of regional states: How southeast Asian states view and respond to India-China maritime competition. – *Asian Security*. 2019. Vol. 15. Issue 1. P. 44–59. DOI: <https://doi.org/10.1080/14799855.2019.1539819>
 36. Strating R. Small Power Hedging in an Era of Great-power Politics: Southeast Asian Responses to China's Pursuit of Energy Security. – *Asian Studies Review*. 2020. Vol. 44. Issue 1. P. 97–116. DOI: <https://doi.org/10.1080/10357823.2019.1681935>
 37. Tishkov S.A., Labin D.K. Institutsializatsiya politseiskogo mirotvorchestva OON [Institutionalization of the UN Po-

lice Peacekeeping]. – *MGIMO Review of International Relations*. 2019. No. 1. P. 107–128. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-1-64-107--128>
19. Vylegzhanin A.N. [et al.]. Pozitsii nearkticheskikh gosudarstv v otnoshenii pravovogo rezhima Severnogo

Ledovitogo okeana [Positions of the non-arctic states on the legal regime of the Arctic Ocean]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2018. No. 10. P. 124–135. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013207690002080-0

Информация об авторе

Станислав Александрович Васильев,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право», Севастопольский государственный университет

299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, д. 33

mnogoslov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2752-240X

About the Author

Stanislav A. Vasiliev,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law, Sevastopol State University

33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation, 299053

mnogoslov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2752

МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОDOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-89-102>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 01.12.2020
Принята к публикации: 22.02.2021**Петр Сергеевич ДОЛГОШЕИН**Министерство внутренних дел Российской Федерации
Житная ул., д.16, Москва, 119991, Российская Федерация
petrdolgoshein@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5773-7845

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИНЛЯНДИИ)

ВВЕДЕНИЕ. В статье анализируется влияние Европейского союза (далее – ЕС) на борьбу с экстремизмом и радикализацией в Финляндской Республике. Оценивается роль ЕС в системе противодействия глобальным угрозам, позиция Финляндии по отношению к международному сотрудничеству в сфере противодействия экстремизму и радикализации. Изучаются методы, применяемые в Финляндии для противодействия насильственному экстремизму.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье исследуются концептуальные документы ООН, ЕС и Финляндии: Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций; План действий по предупреждению насильственного экстремизма; Комплексная оценка политики безопасности ЕС; Сообщение Комиссии в Европейский парламент, Европейский совет – Девятый отчет о продвижении к эффективному и подлинному союзу безопасности; Ответ Финляндии на запрос Управления Верховного комиссара по правам человека (далее – ВКПЧ) о предоставлении информации о том, как защита и поощрение прав человека способствуют предотвращению насильственного экстремизма и борьбе с ним; Программа председательства Финляндии в рамках программы «Устойчивая Европа – устойчивое будущее»; Ре-

шение Комиссии о создании Экспертной группы Комиссии высокого уровня по радикализации; Доклад Комитета Совета Европы по борьбе с терроризмом; Профили по борьбе с терроризмом в Финляндии; Доклад Правительства Финляндии о правах человека за 2014 год; решения Экспертной группы Комиссии высокого уровня по радикализации; материалы Совета по правам человека.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Выдвинут тезис, что меры, применяемые для противодействия насильственному экстремизму, обусловлены ситуацией в государствах – членах ЕС и необходима разработка различных подходов в зависимости от конкретных обстоятельств. Страны, входящие в ЕС, заинтересованы в дальнейшем расширении обмена опытом и тесном сотрудничестве на общеевропейском и международном уровнях для противодействия экстремизму и радикализации. Это требует выработки новых регулятивных мер, в том числе международного характера.

На примере Финляндской Республики проанализированы способы предупреждения и противодействия экстремизму, а также сотрудничество между Европейским союзом и государствами-членами в сфере совершенствования нормативно-правового регулирования в этой сфере.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Европейский союз для государств, входящих в его состав, играет ключевую роль в формировании подходов к международному сотрудничеству. Они включают в себя укрепление действующей системы управления и, если необходимо, реформирование системы предупреждения и противодействия насильственному экстремизму при условии соблюдения основополагающих принципов Организации Объединенных Наций. Финляндская Республика полностью поддерживает усилия международного сообщества, направленные на предупреждение экстремизма и противодействие ему, в том числе на разработку международно-правовых документов, призванных помочь государствам коллективно бороться с этой угрозой. Образовательная система Финляндии позволяет успешно формировать фундаментальные основы для противодействия насильственному экстремизму.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: насильственный экстремизм, радикализация, нормативно-правовое регулирование, международное сотрудничество, Европейский союз, Финляндская Республика, система образования, религиозный и молодежный экстремизм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Долгошеин П.С. 2021. Совершенствование нормативно-правового регулирования противодействия экстремизму в Европейском союзе (на примере Финляндии). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-89-102>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-89-102>

Petr S. DOLGOSHEIN

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
16, ul. Zhitnaya, Moscow, Russian Federation, 119991
petrdolgoshein@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5773-7845

Research article
Received 1 December 2020
Approved 22 February 2021

IMPROVING THE REGULATORY FRAMEWORK FOR COUNTERING EXTREMISM IN THE EUROPEAN UNION (CASE STUDY OF FINLAND)

INTRODUCTION. *The article, using the example of the Republic of Finland, analyzes the activities of the European Union (hereinafter referred to as the EU) to improve the legal regulation of countering extremism. The influence of the EU on the tackling against extremism and radicalism in the Republic of Finland is examined. The role of the EU in countering global threats, the position of Finland in relation to international co-*

operation in countering extremism and radicalism is assessed. The methods used in Finland to counter violent extremism are being studied.

MATERIALS AND METHODS. *The article examines the conceptual documents of the UN, EU and Finland; Report of the Secretary-General of the United Nations, an action plan to prevent violent extremism, Commission Staff Working Paper; Comprehensive as-*

assessment of the EU security policy; Message from the Commission to the European Parliament, European Council - Ninth report on progress towards an effective and genuine Security Union; Finland's response to OHCHR's request for information on how the protection and promotion of human rights contribute to preventing and combating violent extremism; Finland's Chairmanship Program for the Sustainable Europe - Sustainable Future program; Decision of the Commission on the creation of the Expert Group of the High-Level Commission on Radicalization, Report of the Council of Europe Committee on Counter-Terrorism, Anti-Terrorism Profiles Finland, Report of the Government of Finland on human rights for 2014; decisions of the Expert Group of the High-Level Commission on Radicalization; Human Rights Council materials.

RESEARCH RESULTS. The author puts forward the thesis that the measures used to counter violent extremism depend on the needs of Member States and require the development of various approaches, depending on specific circumstances. In the addition, there is a common interest in EU member states in further expanding the exchange of experience and close cooperation between various national actors at the pan-European and international levels to counter extremism and radicalism. These measures require the development of new regulatory measures, including international ones. The author believes it is possible and interesting, using the example of the Republic of Finland, to study the level of interaction and cooperation between the Member States and the European Union in the field of im-

proving the legal regulation of countering extremism, as well as the measures used in Finland to prevent and combat violent extremism.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. In EU Member States, the European Union plays a key role in shaping international cooperation, which includes strengthening the existing governance system and, when necessary, reforming the existing system for preventing and countering violent extremism, subject to the fundamental principles of the United Nations. The Republic of Finland fully supports the efforts of the international community to prevent and counter extremism, through the development of international anti-extremism instruments to help states collectively combat this threat. The educational system of Finland can successfully form the fundamental foundations for countering violent extremism.

KEYWORDS: violent extremism, radicalism, legal regulation, international cooperation, the European Union, the Republic of Finland, the education system, religious and youth extremism

FOR CITATION: Dolgoshein P.S. Improving the Regulatory Framework for Countering Extremism in the European Union (Case Study of Finland). – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No 1. P. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-89-102>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Для мировой общественности насильственный экстремизм – феномен не новый, но с каждым годом это явление распространяется с угрожающей скоростью, невзирая на границы между странами и континентами. В фокусе нашего исследования находится Европейский союз (далее – ЕС), соответственно, рассматриваются процессы нормативно-правового регулирования противодействия насильственному экстремизму и радикализации на примере государств – членов ЕС и институтов

власти ЕС. Как нам кажется, это явление не ограничивается территорией отдельно взятых государств, а угрожает Европейскому союзу в целом. Каждая из стран, входящих в ЕС, пытается совершенствовать нормативно-правовое регулирование противодействия экстремизму, исходя из национального уровня опасности и с учетом скорости распространения этого явления в Европе¹.

По нашему мнению, требуются разнообразные меры с вовлечением субъектов, взаимодействующих с органами ЕС и отвечающих за борьбу с экстремизмом на местном, националь-

¹ European Commission: High-Level Commission Expert Group on Radicalisation (HLCEG-R) Final Report. May 18, 2018. P. 1. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-security/20180613_final-report-radicalisation.pdf. (accessed 20.06.2020).

ном, региональном и международном уровнях, а также практики, направленные на противодействие экстремистским и радикальным группам и предотвращение их возникновения в государствах – членах Европейского союза.

2. Политика ЕС по предотвращению и противодействию радикализации и экстремизму

В последние годы политика ЕС по предотвращению и противодействию радикализации и экстремизму (далее – ППРЭ) получила значительное развитие, что отражено в ряде документов, а также в многочисленных инициативах и программах финансирования ЕС [Bures 2007]². Комплексная оценка политики безопасности в сфере ППРЭ, проведенная Еврокомиссией, подтвердила необходимость принятия со стороны ЕС дополнительных усилий для решения проблем, связанных с насильственным экстремизмом и радикализацией. В связи с этим ЕК решением от 17 июля 2017 г. учредила Группу экспертов высокого уровня по радикализации (далее – ГЭВУ-Р)³, в обязанности которой входит выработка рекомендаций по следующим вопросам:

- 1) улучшение сотрудничества и взаимодействия между различными заинтересованными сторонами и конкретными государствами – членами ЕС;
- 2) развитие политики ППРЭ ЕС, в том числе разработка комплекса принципов и рекомендаций для реализации эффективных мер по

предотвращению и противодействию радикализации как на уровне ЕС, так и на национальном уровне;

- 3) разработка структурированных механизмов сотрудничества на уровне Европейского союза⁴.

ГЭВУ-Р в своем заключительном отчете за 2018 г. отметила, что ситуации в государствах-членах отличаются и требуют разработки разных подходов, связанных с конкретными обстоятельствами. В то же время у национальных субъектов существует заинтересованность в дальнейшем тесном сотрудничестве и обмене опытом противодействия экстремизму⁵. ГЭВУ-Р проанализировала, каким образом можно оказать поддержку государствам – членам ЕС, и пришла к выводу, что необходимы новые регулятивные меры, в том числе международного характера⁶. Под руководством Европейской комиссии Группа выработала механизм ППРЭ, направленный на развитие сотрудничества между политиками, практиками и исследователями государств – членов ЕС [Ragazzi et al. 2014]⁷.

ГЭВУ-Р полностью поддерживает существующее разделение полномочий между государствами-членами и ЕС. В частности, положение ст. 4 (2) Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС)⁸ признает, что «национальная безопасность остается исключительной ответственностью каждого государства-члена»⁹. Рекомендации ГЭВУ-Р направлены на предотвращение и противодействие радикализации и экстремизму и на то, чтобы максимизи-

² См.: European Commission: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions supporting the prevention of radicalisation leading to violent extremism. June 14, 2016. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2016/EN/COM-2016-379-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (accessed 20.06.2020); European Commission: Commission staff working document on the Impacts of fully harmonised rules on contracts for the sales of goods. October 31, 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=SWD:2017:0354:FIN:EN:PDF> (accessed 20.06.2020).

³ Подробнее см.: [McNeil-Willson et al. 2019].

⁴ European Commission: Commission decision dated July 27, 2017 setting-up the High-Level Commission Expert Group on radicalization. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regexpert/index.cfm?do=groupDetail.groupDetailDoc&id=34061&no=1> (accessed 18.06.2020).

⁵ European Commission: High-Level Commission Expert Group on Radicalisation (HLCEG-R) Final Report. May 18, 2018. P. 1. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-security/20180613_final-report-radicalisation.pdf. (accessed 20.06.2020).

⁶ Ibidem.

⁷ European Commission: Counter Terrorism and radicalisation URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/counter-terrorism_en (accessed 19.06.2020).

⁸ Договор о функционировании Европейского союза (новая редакция). Доступ: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>. (дата обращения: 29.03.2020).

⁹ European Commission: High-Level Commission Expert Group on Radicalisation (HLCEG-R) Final Report. May 18, 2018. P. 40. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-security/20180613_final-report-radicalisation.pdf. (accessed 20.06.2020).

ровать усилия ЕС в данной области¹⁰. Этот документ в очередной раз подчеркивает позицию ЕС: право на разработку механизмов противодействия радикализации и экстремизму остается за государствами – членами Евросоюза.

3. Примеры сотрудничества между Европейским союзом и государствами – членами ЕС в сфере противодействия насильственному экстремизму

Полагаем возможным и интересным на примере Финляндской Республики продемонстрировать уровень сотрудничества между государствами-членами и Европейским союзом в сфере совершенствования нормативно-правового регулирования противодействия экстремизму, а также использования механизмов предупреждения возникновения негативных явлений, представляющих угрозу обществу.

По мнению финских властей, насильственная радикализация проявляется локально, но факторы, влияющие на нее, часто носят глобальный характер и распространяются, невзирая на границы [Briggs, Feve 2014]¹¹.

С точки зрения Финляндии, которая отражена в Национальной программе по предупреждению насильственной радикализации и экстремизма, эти явления представляют угрозу безопасности, благосостоянию людей, интеграции, демократии, правам человека и основным свободам. Ответственность за предотвращение насильственной радикализации и экстремизма несут как органы власти, так и гражданское общество. Финские власти полагают, что только таким образом можно противостоять меняющейся угрозе и поддерживать Финляндию как открытое общество, в котором разные люди могут мирно сосуществовать¹².

Конституция Финляндии гарантирует неприкосновенность человеческого достоинства,

свободу и права личности, способствует осуществлению справедливости в обществе¹³. Представляется, что предотвращение насильственной радикализации и экстремизма связано с реализацией конституционного равенства. Согласно Конституции Финляндии никто не может быть дискриминирован из-за пола, возраста, происхождения, языка, религии, убеждений, мнений, состояния здоровья, инвалидности либо по какой-то иной причине, которая касается его или ее личности¹⁴. В дополнение к личной свободе и целостности Конституция Финляндии гарантирует свободу вероисповедания и свободу выражения мнений. Финская Национальная программа по предупреждению насильственной радикализации и экстремизма относит к экстремистам тех, кто стремится ограничить свободу выражения мнений, с помощью насилия и угроз оказывая давление на отдельных лиц, имеющих «ложные» взгляды; а также тех, кто оценивает свою деятельность и идеи с точки зрения этих групп¹⁵. Полагаем возможным согласиться с позицией, что существенными признаками деятельности экстремистов являются: идеология, вера в непогрешимость радикальных идей, восприятие их как единственно правильных и имеющих право на существование, а также готовность к применению насилия и угроз для их распространения.

Показательный пример сотрудничества между государствами – членами ЕС и институтами ЕС в сфере противодействия насильственному экстремизму – финансирование соответствующих программ и проектов. Сегодня ЕС активизировал в скандинавских странах усилия по предотвращению насильственного экстремизма. Например, Комиссия ЕС разработала и координирует проект, согласно которому в течение следующих четырех лет будет выделено 60 млн евро на укрепление сотрудничества Северных стран по предотвращению насильственного экс-

¹⁰ Ibidem.

¹¹ См. также: Kansallinen väkivaltaisen radikalisoitumisen ja ekstremismin ennalta ehkäisyn toimenpideohjelma 2019–2023. S. 7. URL: http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162073/SM_2020_1.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed 15.06.2020).

¹² Ibidem. S. 1.

¹³ The Constitution of Finland 11 June 1999. Chapter 1. Section 1. URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf> (accessed 19.06.2020).

¹⁴ Ibid. Chapter 2. Section 6. .

¹⁵ См. также: Kansallinen väkivaltaisen radikalisoitumisen ja ekstremismin ennalta ehkäisyn toimenpideohjelma 2019–2023. S. 7. URL: http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162073/SM_2020_1.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed 15.06.2020).

тремизма¹⁶. Суть проекта состоит в объединении сети межведомственного сотрудничества с сетью Северных безопасных городов, отвечающих за противодействие насильственному экстремизму. Представители различных ведомств и организаций – полиции, социальной службы, здравоохранения и образования – объединят собственные межведомственные сети, взяв за образец СОР (Сеть осведомленности о радикализации)¹⁷, что позволит своевременно реагировать на проявления радикализации и экстремизма, планировать мероприятия и разрабатывать механизмы противодействия этим негативным явлениям.

Представляется, что обмен передовым опытом с третьими странами и соответствующими международными организациями, а также усиление вклада ЕС в разработку глобальных стандартов ППРЭ могут существенно повлиять на предотвращение данного явления и борьбу с ним, что согласуется с выводами ГЭВУ-Р по международной политике¹⁸. Регулярные политические дискуссии, проводимые вице-президентом Комиссии / Высоким представителем Союза по иностранным делам и политике безопасности, помогают противостоять угрозам радикализации и насильственного экстремизма¹⁹.

4. Многокомпонентная политика противодействия насильственному экстремизму и ее основные элементы

Полагаем, что международное сотрудничество является важным направлением работы по предотвращению насильственной радикализации и экстремизма. Это согласуется с ответом Финляндии Управлению Верховного комисса-

ра по правам человека: чем лучше соблюдаются права человека, закрепленные в международных договорах, тем менее вероятно возникновение чувства бессилия у людей²⁰, что, в свою очередь, укрепляет иммунитет общества к влиянию радикалов и минимизирует влияние экстремистов внутри страны [Foret, Markoviti 2019].

Государственная политика по содействию занятости и интеграции может способствовать социальной адаптации и участию в жизни общества, что является ключевым элементом в предотвращении насильственного экстремизма. Хотя, по нашему мнению, наличие работы и высокое социальное положение не ограждают от влияния экстремистской идеологии. В радикальные группы нередко вступают хорошо образованные и занятые люди, их мотивы могут быть связаны, например, с внешней политикой или развитием гражданского общества²¹.

Существенным элементом, влияющим на развитие гражданского общества в Европейском союзе, является создание образовательных систем, формирующих у подрастающего поколения мировоззрение и иммунитет к радикальным идеям, что обеспечивает устойчивость к экстремистской идеологии. Показательна деятельность образовательных учреждений Финляндии, которые включают в свои программы изучение прав человека, что является важнейшим условием развития общества. Власти Финляндии полагают, что необходимо улучшать образовательную систему в сфере изучения прав человека и ознакомления с этими правами на национальном, европейском и международном уровнях²². Такая позиция устанавливает требования к правозащитной компетенции правительства, публичных

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ См.: Weilnböck H. The industry of preventing extremism – and the Radicalisation Awareness Network. – *Open Democracy*. October 27, 2019. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/global-extremes/the-industry-of-preventing-extremism-and-the-radicalisation-awareness-network/> (accessed 17.11.2020); Radicalisation Awareness Network: Preventing Radicalisation to Terrorism and Violent Extremism. Introduction. 2017. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-best-practices/docs/introduction_en.pdf (accessed 17.11.2020).

¹⁸ European Commission: High-Level Commission Expert Group on Radicalisation (HLCEG-R) Final Report. May 18, 2018. P. 40. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-security/20180613_final-report-radicalisation.pdf. (accessed 20.06.2020).

¹⁹ Ibidem.

²⁰ OHCHR: Reply of Finland to the OHCHR's request for information on how protecting and promoting human rights contribute to preventing and countering violent extremism. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/RuleOfLaw/PCVE/Finland.pdf> (accessed 20.06.2020).

²¹ Ibidem.

²² См.: Ministry for Foreign Affairs of Finland: Government of Finland Human Rights Report 2014. URL: https://um.fi/documents/35732/48132/government_of_finland_human_rights_report_2014/9d777ec6-8977-d2f2-fec3-1d48a60a40e9?t=1525859806149 (accessed 19.06.2020).

выборных должностных лиц, а также к проектам развития органов власти. Как указывается в докладе правительства Финляндии о правах человека за 2014 г., следует активизировать образование и профессиональную подготовку в этой сфере²³. Как граждане, так и общественные деятели должны иметь адекватные представления о правах человека, закрепленных в международных и региональных договорах, законодательстве ЕС и национальном законодательстве.

В Финляндии информация, связанная с защитой прав человека, изучалась комплексно и различными ведомствами: сбору фактических данных содействовали Министерство занятости и экономики, Министерство социальных дел и здравоохранения, Министерство образования и культуры, Национальный институт здравоохранения и социального обеспечения, Ассоциация местных и региональных властей Финляндии, городских муниципалитетов Хельсинки и Ювяскюля²⁴. У молодежи и детей поощряют чувство сплоченности и принадлежности к обществу, объясняя, что права человека и основные свободы являются ключевыми ценностями в построении гражданского общества²⁵.

Конкретный пример межведомственных усилий по предотвращению насильственного экстремизма продемонстрировал Департамент по делам молодежи г. Хельсинки. При участии коллег из других городов Финляндии, Университета прикладных наук, а также Финской лиги по правам человека был создан курс для сотрудников, работающих с молодежью. Цель курса – повысить их знания и понимание прав человека, предоставить способы решения проблем, вызванных миграционным кризисом. Проведение дискуссий на эти темы среди молодых иммигрантов и граждан Финляндии способствует

разрешению острых вопросов, связанных с прибытием в страну иностранцев, а также раскрывает достижения других культур и объясняет возможности интеграции иммигрантов в финское общество²⁶. Представляется, что такие дискуссии снизят градус социальной напряженности в обществе, помогая понять, почему в период финансового кризиса деньги из государственного бюджета тратятся на обеспечение иммигрантов и тех, кто ищет политического убежища, а не на спасение экономики.

Полемичные вопросы, особенно связанные с миграционными процессами, если их оставить без разъяснения, могут послужить фундаментом для формирования идеологии правых экстремистов, основными лозунгами которых являются чистота нации и выдворение иммигрантов из страны. Кроме того, в финском обществе существуют ультраправые движения, идеология которых основана на неолиберальном видении гражданства, в котором ценность человека связана с его экономической производительностью. Таким образом, к людям, которые не считаются экономически производительными, например, иммигрантам, относятся предвзято: «Антииммиграционная активность направлена на то, чтобы исключить определенные группы людей из сферы уважаемого и признанного гражданства, и эти группы определяются как аутсайдеры именно в отношении идеала неолиберального гражданства» [Mankinen, Evwaraye 2016].

Полагаем, что именно образование закладывает фундаментальные основы для противодействия насильственному экстремизму и позволяет искать пути, которые могли бы помочь защитить молодежь от любых вредных явлений, делающих человека уязвимым для различных радикальных и экстремистских идеологий. Чтобы

²³ На сайте Правительства Финляндии опубликован отчет о правах человека за 2014 г. Мониторинг выполнения положений международных и региональных договоров о правах человека происходит в основном за счет обработки периодических отчетов, представляемых государствами в соответствии с установленной очередностью. В отчетах правительства демонстрируют выполнение соглашений на национальном уровне. В соответствии с запросом надзорного органа, осуществляющего мониторинг соблюдения прав человека в Финляндской Республике, отчетный период по рассматриваемому вопросу был завершен в 2014 г., в связи с чем и был подготовлен отчет. В настоящее время этот отчет является действующим документом. Период подготовки следующего отчета не наступил. См.: Ministry for Foreign Affairs of Finland: Government of Finland Human Rights Report 2014. URL: https://um.fi/documents/35732/48132/government_of_finland_human_rights_report_2014/9d777ec6-8977-d2f2-fec3-1d48a60a40e9?t=1525859806149 (accessed 19.06.2020).

²⁴ OHCHR: Reply of Finland to the OHCHR's request for information on how protecting and promoting human rights contribute to preventing and countering violent extremism. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/RuleOfLaw/PCVE/Finland.pdf> (accessed 20.06.2020).

²⁵ Ibidem.

²⁶ См.: Ihmisoikeuskoulutus. URL: <https://ihmisoikeusliitto.fi/tyomme/ihmisoikeuskoulutus/> (accessed 29.03.2020).

лучше понять, каким образом в Финляндии используют систему государственного образования для предотвращения насильственного экстремизма, рассмотрим методы, применяемые в противостоянии экстремизму религиозному.

В государствах – членах ЕС наблюдается рост религиозной нетерпимости, дискриминации и насилия. Активная защита основных свобод, в том числе религии или убеждений, является ключевым фактором для противодействия экстремизму. Свобода религии и убеждений – право человека, о котором страны договорились в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., а также других международных конвенциях [Björge, Gjelsvik 2015]. Несоблюдение закрепленных в этих конвенциях положений предполагает ответственность за неуважение прав и свобод других людей. Осознание этого требует проявления терпимости как на коллективном, так и на индивидуальном уровне [Harkoma 2017]²⁷. Во многих странах ЕС правительства разрабатывают политику и превентивные программы, а также меры правовой защиты, направленные на борьбу с радикализацией и религиозным экстремизмом. Многие из действующих стратегий указывают на важную роль общественного образования.

Финляндия определяет свободу религии как отправную точку для государственной политики ППРЭ²⁸. Несмотря на рост влияния светских ценностей и разнообразие религиозных традиций в финском обществе, подавляющее большинство (около 68,7 %) финнов – приверженцы евангелическо-лютеранской церкви (по данным на 2019 г.)²⁹. Число людей, не принадлежащих к каким-либо религиозным общинам, составляет около 28,5 %, а относящихся к другим религиозным объединениям – около 2,8 %³⁰. Хотя эти данные не обязательно говорят о способах, которыми люди идентифицируют себя как религиозных или нерелигиозных, национальная фин-

ская учебная программа признает роль религии как части идентичности. Знание своей и других религий рассматривается как важный элемент в построении ценностных ориентиров и имеет ключевое значение для понимания социального разнообразия, дискуссий о религиях и мировоззрениях, а также их роли в истории человечества.

По международным стандартам образовательный статус финской школьной системы – особенный, поскольку в нем есть уникальный подход к религиозному и светскому образованию в области этики как части содержания учебных программ [Kallioniemi, Ubani 2016:179–191]. В настоящее время финские школы обеспечивают религиозное образование любой направленности, если курс имеет учебный план и одобрен Национальным агентством по образованию. Необходимое условие – минимум три ученика в пределах школьного округа, которые принадлежат к этой религиозной общине и желают получить религиозное образование. В Финляндии существует 13 утвержденных учебных программ по религиозному образованию [Niemi et al. 2018:420]. В соответствии с общими целями религиозного и светского образования в области этики, все ученики, независимо от их выбора религиозного образования, должны в итоге получить базовое понимание основных мировых религий и светского мировоззрения [Kurjainen 2020]³¹.

Насильственный экстремизм не является новым явлением для Финляндии, однако в последние годы он растет и приобретает новые формы, проникая во все слои общества с помощью социальных сетей. Становится очевидным, что традиционных мер борьбы с насильственным экстремизмом и радикализацией, используемых правоохранительными органами, недостаточно. Финляндия уделяет все больше внимания профилактическим мерам в сфере противодействия экстремизму и радикализации, углубляет сотрудничество всех служб, вовлеченных в этот

²⁷ См. также: OHCHR: Reply of Finland to the OHCHR's request for information on how protecting and promoting human rights contribute to preventing and countering violent extremism. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/RuleOfLaw/PCVE/Finland.pdf> (accessed 20.06.2020).

²⁸ Finnish National Agency for Education: Finnish Education in a Nutshell. URL: https://www.oph.fi/sites/default/files/documents/finnish_education_in_a_nutshell.pdf (accessed 20.06.2020).

²⁹ Official Statistics Finland. 2019. URL: http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin_vrm_vaerak/statfin_vaerak_rxt_11rx.px/ (accessed 15.02.2021). После открытия базы данных необходимо выбрать параметры для отображения информации за определенный период.

³⁰ Ibidem.

³¹ См. также: Finnish National Agency for Education: Finnish Education in a Nutshell. URL: https://www.oph.fi/sites/default/files/documents/finnish_education_in_a_nutshell.pdf (accessed 20.06.2020).

процесс, используя их реальный потенциал как для решения насущных проблем безопасности, так и для достижения устойчивых долгосрочных результатов в ППРЭ³². В Финляндской Республике превентивные меры основаны на широком межведомственном взаимодействии. Работа организаций, обеспечивающих противодействие насильственному экстремизму в соответствии с Национальной программой по предотвращению и противодействию экстремизму [Mankkinen 2018]³³, основывается на фактических данных, полученных от муниципальных и других служб³⁴.

Опыт Финляндии показывает, что существует корреляция между гендерным равенством и снижением уровня насильственного экстремизма. Общество, где обеспечивается гендерное равенство и открытость, а также широкое участие всего населения в жизни страны, менее подвержено насильственному экстремизму. Расширение прав и возможностей женщин, их участие в процессе принятия решений особенно важны, когда речь идет о предотвращении насильственного экстремизма [Kurjainen 2020]³⁵. Он процветает в среде малограмотных иммигрантов, в особенности среди женщин, которые используются радикальными проповедниками в качестве благодарной аудитории. Повышение уровня грамотности, возможности наравне с мужчинами принимать участие в жизни страны вырабатывают у женщин иммунитет к радикальным идеям, распространяемым экстремистами.

В финском обществе, и это необходимо отметить, равенство полов является неотъемлемой частью мировоззрения населения и имеет достаточно глубокие исторические корни. Быв-

шая домработница Мийна Силланпяя стала первой женщиной-министром Финляндии и одной из центральных женских фигур в руководстве Социал-демократической партии Финляндии 1920–1930-х гг. Силланпяя была одной из первых женщин-депутатов в мире, ее парламентская деятельность продолжалась на протяжении 38 созывов – с 1907 по 1947 гг. [Mankkinen 2017]³⁶. Традиции гендерного равенства сохраняются и по сей день: сегодня кабинет министров финского правительства возглавляет женщина – 34-летняя Санна Марин³⁷.

Систему безопасности и противодействия насильственному экстремизму в государствах – членах ЕС трудно обеспечить без международного взаимодействия. По мнению Финляндии, ЕС играет ключевую роль в формировании международного сотрудничества, укрепляя действующую систему управления и, когда это необходимо, реформируя систему ППРЭ при условии соблюдения основополагающих принципов Организации Объединенных Наций [Kundnani, Hayes 2018]³⁸. Уважение к международному праву и поощрение демократии, верховенства закона и соблюдения универсальных норм в области прав человека должны быть в центре всех действий ЕС. Не менее важно сохранить ведущую роль ЕС в организации гуманитарной помощи и реализации устойчивого развития на период до 2030 г. в соответствии с Парижским соглашением³⁹.

В Программе председательства Финляндии в Совете Европейского союза подчеркивается, что усилия ЕС способствуют миру и стабильности. В соответствии с Глобальной стратегией ЕС, он должен быть жизнеспособным партнером для

³² Council of the European Union: Sustainable Europe – Sustainable Future Finland's Presidency Programme. URL: <https://eu2019.fi/documents/11707387/14346258/EU2019FI-EU-puheenjohtajakauden-ohjelma-en.pdf/3556b7f1-16df-148c-6f59-2b2816611b36/EU2019FI-EU-puheenjohtajakauden-ohjelma-en.pdf> (accessed 30.03.2020).

³³ См. также: Kansallinen väkivaltaisen radikalisoitumisen ja ekstremismin ennalta ehkäisyn toimenpideohjelma 2019–2023. S. 7. URL: http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162073/SM_2020_1.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed 15.06.2020).

³⁴ Ibid. S.2.

³⁵ См. также: OHCHR: Reply of Finland to the OHCHR's request for information on how protecting and promoting human rights contribute to preventing and countering violent extremism. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/RuleOfLaw/PCVE/Finland.pdf> (accessed 20.06.2020).

³⁶ Ляхтеенмяки М. Мийна Силланпяя – Первая женщина-министр Финляндии. Доступ: <https://scandinews.fi/society/story/5218-mijna-sillanpyaya-pervaya-zhenshhina-ministr-finlyandii> (дата обращения: 29.03.2020).

³⁷ Nalbantoglu M. Valta on nyt kolmikymppisillä naisilla: Hallitusta johtaa viisi naista, joista neljä on alle 35-vuotiaita. – *Helsingin Sanomat*. No. 332(43375). URL: <https://www.hs.fi/politiikka/art-2000006336841.html> (accessed 29.03.2020).

³⁸ См. также: Council of the European Union: Sustainable Europe – Sustainable Future Finland's Presidency Programme. URL: <https://eu2019.fi/documents/11707387/14346258/EU2019FI-EU-puheenjohtajakauden-ohjelma-en.pdf/3556b7f1-16df-148c-6f59-2b2816611b36/EU2019FI-EU-puheenjohtajakauden-ohjelma-en.pdf> (accessed 30.03.2020).

³⁹ Ibidem.

других регионов и организаций. Эффективное сотрудничество в области безопасности и обороны укрепляет солидарность между государствами-членами⁴⁰.

Финляндия осуждает радикализацию и насильственный экстремизм во всех формах и поддерживает мнение, что эти явления представляют собой серьезную угрозу безопасности. Финляндия придает важное значение эффективному многостороннему сотрудничеству с ООН, ЕС, Советом Европы и ОБСЕ, а также другими международными организациями для противодействия угрозам насильственного экстремизма и радикализации⁴¹. Чтобы быть эффективными и законными, любые меры по борьбе с терроризмом, международные или национальные, должны соответствовать нормам международного гуманитарного права и не нарушать права беженцев. Министерство иностранных дел координирует участие Финляндии в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом⁴².

В Национальном плане действий по предотвращению насильственной радикализации и экстремизма в Финляндской Республике [Долгошеин 2017:143–148] дано определение терроризму: «это всегда насильственный экстремизм. Определение террористического преступления закреплено в Уголовном кодексе Финляндии. Террористическое насилие является повстанческим, нацеленным на государство и международные организации»⁴³. По мнению Финляндии, насильственный экстремизм и терроризм связаны между собой, и меры противодействия экстремизму можно и необходимо использовать наряду с мерами, принимаемыми для борьбы с терроризмом.

5. Взаимодействие Финляндии с международными организациями

Усилия Финляндии на международном уровне по ППРЭ достаточно ярко демонстрируют взаимодействие с международными организациями и ЕС. Финляндия признает ключевую роль Организации Объединенных Наций как глобального форума по активизации международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и экстремизмом, что способствует эффективному осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Финляндия ратифицировала четырнадцать антитеррористических конвенций и протоколов, заключенных под эгидой ООН⁴⁴.

В апреле 2019 г. Финляндию посетила делегация исполнительного директората Контртеррористического комитета (ИДКТК) ООН во главе с помощником Генерального секретаря и исполнительного директора Мишеля Конинкса. Цель визита заключалась в оценке выполнения Финляндией рекомендаций, предложенных Комитетом в июне 2012 г. Было отмечено выполнение Финляндией резолюций Совета Безопасности ООН 1373 (2001), 1624 (2005) и 2178 (2014)⁴⁵, которые говорят об усилиях «международного сообщества для предупреждения терроризма и противодействия ему, в частности, на основе разработки международно-правовых документов о борьбе с терроризмом, призванных помочь государствам коллективно бороться с этой угрозой»⁴⁶ и о противодействии экстремизму в том числе. Признаны полезными сотрудничество и участие властей, общин и гражданского общества в предотвращении насильственной радикализации в Финляндии [Mankinen 2017].

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Council of Europe Committee on counter-terrorism (CDCT): Profiles on counter-terrorism capacity. Finland. November 2019. URL: <https://rm.coe.int/profile-2019-finland/168098f518> (accessed 15.06.2020).

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ См. подробнее: Совет Безопасности ООН: Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности на 4385-м заседании 28 сентября 2001 г. Доступ: https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/res_1373_russian.pdf (дата обращения: 15.06.2020); Совет Безопасности ООН: Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности на 5261-м заседании 14 сентября 2005 г. Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/1624\(2005\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1624(2005)) (дата обращения: 15.06.2020); Совет Безопасности ООН: Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на 7272-м заседании 24 сентября 2014 г. Доступ: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/2178%20\(2014\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/2178%20(2014)) (дата обращения: 15.06.2020).

⁴⁶ Организация Объединенных Наций: Контртеррористический комитет и его Исполнительный директорат. Абз.1. Доступ: <https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2015/09/CTED-press-kit-2016-RUSSIAN.pdf>. (дата обращения: 19.06.2020).

Взаимодействие Финляндии и ЕС в сфере совершенствования нормативно-правового регулирования подтверждается, по нашему мнению, демонстрацией эффективной реализации контртеррористической стратегии ЕС, а также Стратегии ЕС по борьбе с радикализацией и вербовкой террористов. Кроме того, Финляндия полностью выполнила Директиву (ЕС) 2017/541 Европейского парламента и Совета от 15 марта 2017 г. о борьбе с терроризмом и замене Рамочного решения Совета 2002/475 и внесении изменений в Решение Совета 2005/671 [Koster 2020]⁴⁷.

Финляндия поддерживает роль и вклад Совета Европы в области предупреждения и пресечения терроризма на основе своей приверженности демократии и сосредоточения внимания на правах человека. Страна активно участвует в работе Комитета Совета Европы по борьбе с терроризмом и рабочих группах Совета Европы, занимающихся вопросами, связанными с терроризмом. В 2008 г Финляндия ратифицировала Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма (2005 г.)⁴⁸.

Финляндия признает важную роль ОБСЕ в обеспечении международной стабильности и поддерживает основанный на соблюдении прав человека и верховенстве закона комплексный подход к борьбе с транснациональными угрозами, включая терроризм. Правительство Финляндии полагает, что усилия ОБСЕ направлены на разработку и ратификацию универсальных антитеррористических механизмов ППРЭ и оказание поддержки государствам-участникам в их реализации⁴⁹.

Поддерживаем точку зрения Т. А. Корнилова, который считает, что «разработка и ратификация материальных и процессуальных норм международного права, направленных на создание консолидированных и эффективных правовых подходов в противостоянии экстремизму и терроризму», [Корнилов 2011:109–112] способствуют совершенствованию нормативно-правового регулирования соответствующей деятельности

Европейского союза в целом и Финляндской Республики в частности. Данный тезис вполне применим к взаимодействию Финляндии и ЕС в сфере имплементации правовых норм Евросоюза в законодательство Финляндии в сфере ППРЭ.

Проведенный анализ действий ЕС по устранению факторов правового характера, возникающих из-за различий в национальном законодательстве государств-членов и препятствующих формированию единого подхода к основам политики государств в сфере противодействия терроризму и экстремистской деятельности⁵⁰, позволяет предположить, что направление усилий властных структур ЕС выбрано верно.

Насильственный экстремизм на уровне ООН рассматривается как угроза мирового масштаба⁵¹, при этом не существует общепризнанного определения насильственного экстремизма, с которым бы согласились все государства – члены Организации Объединенных Наций. В случае «признания какого-либо деяния угрозой международному миру и безопасности, государства разрабатывают международно-правовые механизмы противодействия подобным деяниям» [Орлова, Мишальченко, Пацек 2008:18–24]. По нашему мнению, несмотря на различия в терминологии и правовых определениях экстремизма, в ЕС осуществлен единый подход к выработке механизмов противодействия насильственному экстремизму и радикализации, что дает надежду на выработку в будущем универсального определения экстремизма и успешного противодействия ему.

Усилия международного сообщества направлены на противодействие такой крайней форме экстремизма, как воинствующий (насильственный) экстремизм. Насильственный экстремизм несет угрозу миру и безопасности, а значит, борьба с ним входит в сферу международно-правового сотрудничества. Согласно Уставу Организации Объединенных Наций, государства обязаны сотрудничать по вопросам поддержания мира [Орлова, Мишальченко, Пацек 2008:18–24].

⁴⁷ См. также: Council of Europe Committee on counter-terrorism (CDCT): Profiles on counter-terrorism capacity. Finland. November 2019. URL: <https://rm.coe.int/profile-2019-finland/168098f518> (accessed 15.06.2020).

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Генеральная Ассамблея ООН: доклад Генерального секретаря Организации объединенных наций «План действий по предупреждению насильственного экстремизма». 24.12.2015. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/70/674> (дата обращения: 18.06.2020).

6. Заключение

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что органы и институты власти ЕС, используя ГЭВУ-Р, вполне успешно оценивают уровень безопасности и потребности государств-членов и Евросоюза в целом в разработке эффективных мер по предотвращению и противодействию радикализации и экстремизму на национальном и наднациональном уровне. Помимо контроля и рекомендаций, органы ЕС оказывают финансовую поддержку различным проектам, направленным на ППРЭ.

Финляндия активно использует потенциал международных организаций для развития собственных программ по противодействию насильственному экстремизму: например, образовательных программ по защите прав человека и основных свобод. Трудно переоценить роль гендерного равенства как инструмента противодействия влиянию радикалов и насильственных экстремистов в среде иммигрантов.

Противодействие насильственному экстремизму в Европейском союзе построено на основополагающих принципах Организации Объединенных Наций и реализуется по нескольким направлениям: углубление сотрудничества и взаимодействия между различными заинтересованными сторонами и конкретными государствами – членами ЕС; развитие политики ППРЭ ЕС, в том числе путем разработки комплекса принципов и рекомендаций для предотвращения и противодействия радикализации и экстремизму на уровне Евросоюза, международном и национальном уровнях.

На международном уровне ППРЭ осуществляется за счет взаимодействия и правового сотрудничества с ООН, ОБСЕ, а также ратификации международных соглашений, направленных на создание консолидированных и эффективных правовых подходов для противодействия экстремизму.

Органы ЕС, используя ГЭВУ-Р, оценивают уровень безопасности и потребности государств-членов и Евросоюза в целом в разра-

ботке эффективных мер по предотвращению и противодействию радикализации и экстремизму на национальном и наднациональном уровне, а также обеспечивают финансовую поддержку различных проектов, направленных на ППРЭ.

На национальном уровне в практической реализации положений, применяемых в сфере противодействия экстремизму, показательны усилия, предпринимаемые Финляндской Республикой для обеспечения защищенности, равенства, доступности образования, возможности занятия руководящих должностей, взаимодействия с международными организациями. Все это дает людям уверенность, что можно обеспечить в будущем демократическое государство равных возможностей. Очень важен образовательный процесс в качестве фундамента для защиты молодежи от влияния идеологии насильственного экстремизма и для формирования международных стандартов в образовательных программах в области этики и религиозного воспитания. Опыт Финляндии, прежде всего, демонстрирует позитивный результат при использовании межсекторального подхода в ППРЭ ЕС, а гендерное равенство и открытость способствуют совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности Европейского союза в целом и Финляндской Республики, в частности, в сфере противодействия экстремизму.

Финская модель образовательных стандартов обучения этике и религиозного воспитания; подготовка программ по изучению прав человека и ознакомление с их соблюдением на национальном, европейском и международном уровнях; фокусирование общества на необходимости иметь адекватные представления о международных и региональных договорах о правах человека, законодательстве ЕС и национальном законодательстве могут быть использованы в Российской Федерации в качестве превентивных механизмов ППРЭ. Полагаем, что опыт Финляндии в межведомственном сотрудничестве в сфере противодействия экстремизму также может быть полезен для совершенствования правовой системы России.

Список литературы

1. Долгошеин П.С. 2017. Национальный план действий по предотвращению насильственной радикализации и экстремизма в Финляндской Республике. – *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Рос-*

сийской Федерации. №4. С. 143–148.

2. Корнилов Т.А. 2011. Международное сотрудничество в сфере противодействия экстремизму. – *Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России.* №3. С. 109–112.
3. Орлова И.А. Мишальченко Ю.В. Пацек М. 2008. Неопределенность регулирования в борьбе с экстре-

- мизмом в международном и национальном праве. – *Управленческое консультирование*. № 12. С.18–24. DOI 10.22394/1726-1139-2018-12-18-24
4. Bjørge T., Gjelsvik I.M. 2015. *Norwegian research on the prevention of radicalisation and violent extremism: A status of knowledge*. 40 p. URL: https://phs.brage.unit.no/phs-xmlui/bitstream/handle/11250/284584/research_on_preventing_radicalisation.pdf?sequence=6&isAllowed=y (accessed 20.10.2020)
 5. Briggs R., Feve S. 2014. *Countering the appeal of extremism online*. 29 p. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/Countering%20the%20Appeal%20of%20Extremism%20Online_1.pdf (accessed 14.11.2020).
 6. Bures O. 2006. EU Counterterrorism Policy: A Paper Tiger?. – *Terrorism and Political Violence*. Vol. 18. Issue 1. P. 57–78. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546550500174905>
 7. Butt R., Tuck H. 2014. *European Counter-Radicalisation and De-radicalisation: A Comparative Evaluation of Approaches in the Netherlands, Sweden, Denmark and Germany*. London: Institute for Strategic Dialogue. 42 p. URL: https://www.eukn.eu/fileadmin/Files/News/De-radicalisation_final.pdf (accessed 20.10.2020).
 8. Foret F., Markoviti M. 2020. The EU counter-radicalisation strategy as “business as usual”? How European political routine resists radical religion. – *Journal of European Integration*. Vol. 42. Issue 4. P. 547–563. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1687462>
 9. Harkoma A. 2012. *Perus - ja ihmisoikeustutkimuksesta Suomessa - asiantuntijoiden näkemyksiä*. Helsinki: Ihmisoikeuskeskus. 105 s. URL: <http://www.ihmisoikeuskeskus.fi/@Bin/6457286/Perus-ja-ihmisoikeustutkimuksesta-Suomessa-IOK-selvitys-2017.pdf> (accessed 14.11.2020).
 10. Kallioniemi A., Ubani M. 2016. Religious Education in Finnish School System. – *Miracle of Education*. Ed. by H. Niemi, A. Toom and A. Kallioniemi. 2nd ed. Rotterdam: Sense Publishers. P. 179–190. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6300-776-4_12
 11. Koster H. 2020. Towards better implementation of the European Union’s anti-money laundering and countering the financing of terrorism framework. – *Journal of Money Laundering Control*. Vol. 23. No. 2. P. 379–386. DOI 10.1108/JMLC-09-2019-0073
 12. Kundnani A., Hayes B. 2018. *The globalization of Countering Violent Extremism policies. Undermining human rights, instrumentalising civil society*. Amsterdam. 48 p. URL: https://www.tni.org/files/publication-downloads/the_globalisation_of_countering_violent_extremism_policies.pdf (accessed 20.10.2020).
 13. Kupiainen E. 2020. *Perus- ja ihmisoikeuksien toteutuminen Suomessa –koottuja havaintoja*. Helsinki: Ihmisoikeuskeskus. 25 s. URL: https://www.ihmisoikeuskeskus.fi/@Bin/9108281/PIO_havaintoja_%20IOK%202020-2020.pdf (accessed 14.11.2020).
 14. Mankkinen T. 2017. *Ehdotus viranomaisten yhteistyön järjestämiseksi toiminnassa taistelualueilta palaajien kanssa sekä ehdotus siitä, miten järjestöjen palvelut voitaisiin liittää viranomaisten toimintaan*. Helsinki: Sisäministeriö. 52 s. URL: http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/79561/Palajat_raportti.pdf (accessed 14.11.2020).
 15. Mankkinen T. 2018. *Väkivaltaisen ekstremismin tilannekatsaus 1/2018. Arvio väkivaltaisen ekstremismin tilanteesta Suomessa vuonna 2017 ja kehityksen suunta. Erikoistarkastelussa naiset ja lapset radikaali-islamistisissa terroristijärjestöissä*. Helsinki: Sisäministeriö. 32 s. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/160777/SM_13_2018.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed 14.11.2020).
 16. Mankkinen T., Ewwaraye A. 2016. *National Action Plan for the Prevention of Violent Radicalisation and Extremism*. Helsinki: Lönnberg Print & Promo. 32 p. URL: https://www.legislationline.org/download/id/7903/file/Finland_national_action_plan_prevention_violent_radicalisation_extremism_2016_en.pdf (accessed 14.11.2020).
 17. McNeil-Willson R. [et al.]. 2019. *Polarisation, Violent Extremism and Resilience in Europe today: An analytical framework*. 35 p. URL: http://brave-h2020.eu/repository/D2.1_BRaVE_concept_paper_final_10Dec2019.pdf (accessed 14.11.2020).
 18. Niemi P.-M. [et al.]. 2018. How and Why Education Counters Ideological Extremism in Finland. – *Religions*. Vol. 9. Issue 12. No. 420. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel9120420>
 19. Ragazzi F. [et al.]. 2014. *Preventing and countering youth radicalisation in the EU*. Brussels: Directorate-General for Internal Policies of the Union. 41 p. DOI: 10.2861/62642. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0d30ef50-8831-4549-8625-20b8afb556fa/language-en> (accessed 14.11.2020).

References

1. Bjørge T., Gjelsvik I.M. *Norwegian research on the prevention of radicalisation and violent extremism: A status of knowledge*. 2015. 40 p. URL: https://phs.brage.unit.no/phs-xmlui/bitstream/handle/11250/284584/research_on_preventing_radicalisation.pdf?sequence=6&isAllowed=y (accessed 20.10.2020)
2. Briggs R., Feve S. *Countering the appeal of extremism online*. 2014. 29 p. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/Countering%20the%20Appeal%20of%20Extremism%20Online_1.pdf (accessed 14.11.2020).
3. Bures O. EU Counterterrorism Policy: A Paper Tiger?. – *Terrorism and Political Violence*. 2006. Vol. 18. Issue 1. P. 57–78. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546550500174905>
4. Butt R., Tuck H. *European Counter-Radicalisation and De-radicalisation: A Comparative Evaluation of Approaches in the Netherlands, Sweden, Denmark and Germany*. London: Institute for Strategic Dialogue. 2014. 42 p. URL: https://www.eukn.eu/fileadmin/Files/News/De-radicalisation_final.pdf (accessed 20.10.2020).
5. Dolgoshein P.S. Natsional'nyi plan deistvii po predotvrashcheniyu nasil'stvennoi radikalizatsii i ekstremizma v Finlyandskoi Respublike [National action plan for the prevention of violent radicalisation and extremism in Finland]. – *Vestnik Vserossiiskogo Instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*. 2017. No. 4. P. 143–148. (In Russ.)
6. Foret F., Markoviti M. The EU counter-radicalisation strategy as “business as usual”? How European political routine resists radical religion. – *Journal of European Integration*. 2020. Vol. 42. Issue 4. P. 547–563. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1687462>
7. Harkoma A. *Perus - ja ihmisoikeustutkimuksesta Suomessa - asiantuntijoiden näkemyksiä*. Helsinki: Ihmisoikeuskeskus. 2012. 105 p. URL: <http://www.ihmisoikeuskeskus.fi/@Bin/6457286/Perus-ja-ihmisoikeustutkimuksesta-Suomessa-IOK-selvitys-2017.pdf> (accessed 14.11.2020).
8. Kallioniemi A., Ubani M. Religious Education in Finnish School System. – *Miracle of Education*. Ed. by H. Niemi,

- A. Toom and A. Kallioniemi. 2nd ed. Rotterdam: Sense Publishers. 2016. P. 179–190. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6300-776-4_12
9. Kornilov T.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere protivodeistviya ekstremizmu [International cooperation in combating extremism]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*. 2011. No.3. P. 109–112. (In Russ.)
 10. Koster H. Towards better implementation of the European Union's anti-money laundering and countering the financing of terrorism framework. – *Journal of Money Laundering Control*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 379–386. DOI 10.1108/JMLC-09-2019-0073
 11. Kundnani A., Hayes B. *The globalization of Countering Violent Extremism policies. Undermining human rights, instrumentalising civil society*. Amsterdam. 2018. 48 p. URL: https://www.tni.org/files/publication-downloads/the_globalisation_of_countering_violent_extremism_policies.pdf (accessed 20.10.2020).
 12. Kupiainen E. *Perus- ja ihmisoikeuksien toteutumisen Suomessa –koottuja havaintoja*. Helsinki: Ihmisoikeuskeskus. 2020. 25 p. URL: https://www.ihmisoikeuskeskus.fi/@Bin/9108281/PIO_havaintoja_%20IOK%202020.pdf (accessed 14.11.2020).
 13. Mankkinen T. *Väkivaltaisen ekstremismin tilannekatsaus 1/2018. Arvio väkivaltaisen ekstremismin tilanteesta Suomessa vuonna 2017 ja kehityksen suunta. Erikoistarkastelussa naiset ja lapset radikaali-islamistisissa terroristijärjestöissä*. Helsinki: Sisäministeriö. 2018. 32 p. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/160777/SM_13_2018.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed 14.11.2020).
 14. Mankkinen T. *Ehdotus viranomaisten yhteistyön järjestämiseksi toiminnassa taistelualueilta palaajien kanssa sekä ehdotus siitä, miten järjestöjen palvelut voitaisiin liittää viranomaisten toimintaan*. Helsinki: Sisäministeriö. 2017. 52 p. URL: http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/79561/Palaajat_raportti.pdf (accessed 14.11.2020).
 15. Mankkinen T., Evwaraye A. *National Action Plan for the Prevention of Violent Radicalisation and Extremism*. Helsinki: Lönnberg Print & Promo. 2016. 32 p. URL: https://www.legislationline.org/download/id/7903/file/Finland_national_action_plan_prevention_violent_radicalisation_extremism_2016_en.pdf (accessed 14.11.2020).
 16. McNeil-Willson R. [et al.]. *Polarisation, Violent Extremism and Resilience in Europe today: An analytical framework*. 2019. 35 p. URL: http://brave-h2020.eu/repository/D2.1_BRaVE_concept_paper_final_10Dec2019.pdf (accessed 14.11.2020).
 17. Niemi P.-M. [et al.]. How and Why Education Counters Ideological Extremism in Finland. – *Religions*. 2018. Vol. 9. Issue 12. No. 420. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel9120420>
 18. Orlova I.A. Mishalchenko Yu.V. Pacek M. Neopredelennost' regulirovaniya v bor'be s ekstremizmom v mezhdunarodnom i natsional'nom prave [Uncertainty of Regulation in the Fight against Extremism in International and National Law]. – *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2008. No. 12. P.18–24. (In Russ.). DOI 10.22394/1726-1139-2018-12-18-24
 19. Ragazzi F. [et al.]. *Preventing and countering youth radicalisation in the EU*. Brussels: Directorate-General for Internal Policies of the Union. 2014. 41 p. DOI: 10.2861/62642. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0d30ef50-8831-4549-8625-20b8afb556fa/language-en> (accessed 14.11.2020).

Информация об авторе

Петр Сергеевич Долгошеин,
заместитель представителя МВД России в Финляндской Республике,
Министерство внутренних дел Российской Федерации

119991, Российская Федерация», Москва, ул. Житная, д.16

petrdolgoshein@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5773-7845

About the Author

Petr S. Dolgoshein,
Deputy Representative of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Republic of Finland, Ministry of Internal Affairs of the Russian

16, ul. Zhitnaya, Moscow, Russian Federation, 119991

petrdolgoshein@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5773-7845